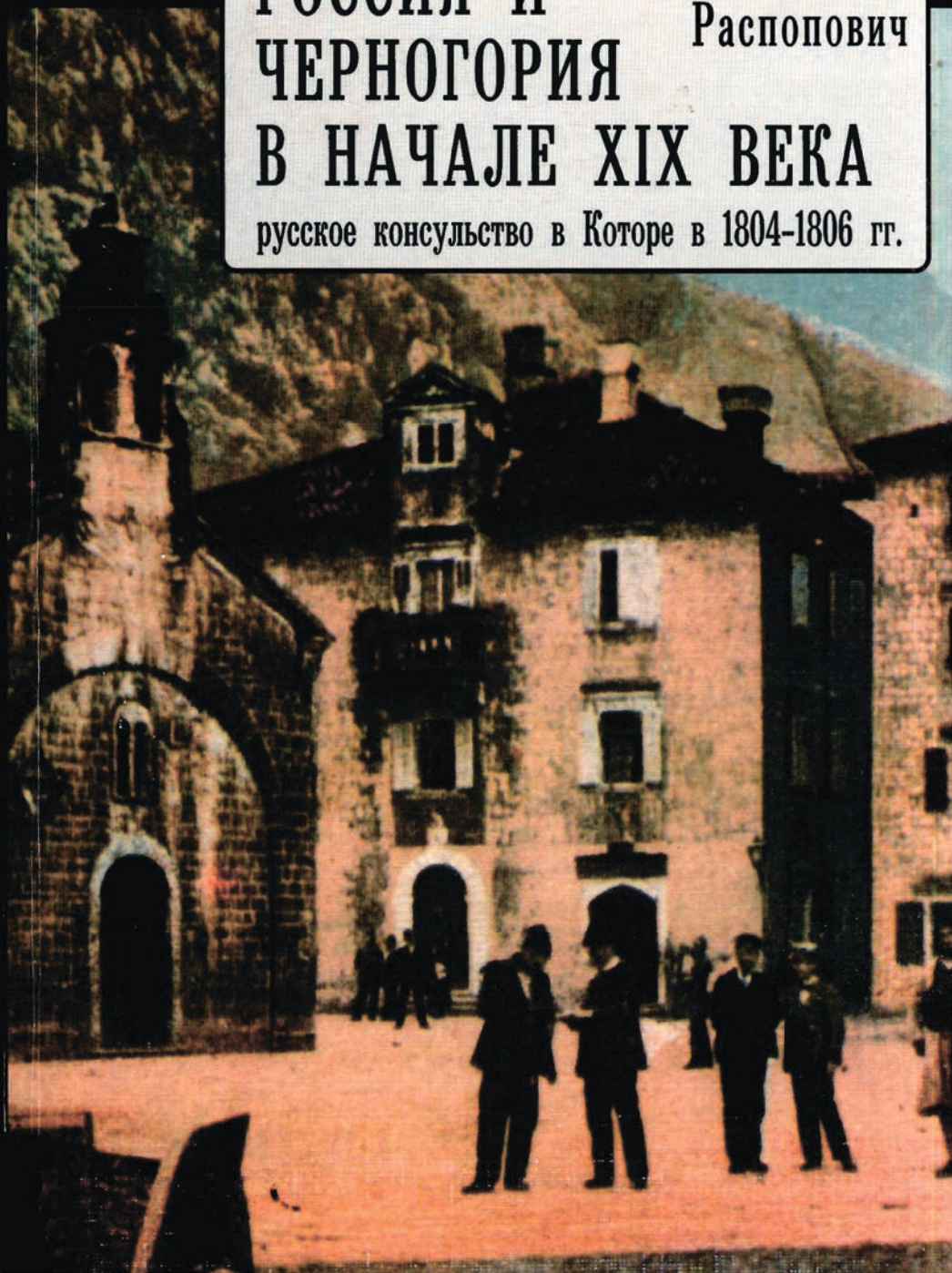

РОССИЯ И
ЧЕРНОГОРИЯ
В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Радослав
Распопович

русское консульство в Которе в 1804-1806 гг.

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

BIBLIOTHECA SLAVICA

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Редколлегия серии *Bibliotheca Slavica*:
Член-корреспондент РАН *Флоря Б. Н.* (председатель),
Абышко О. Л., Савкин И. А., Горина Л. В.,
член-корреспондент НАНУ *Котляр Н. Ф.,*
академик РАН *Литаврин Г. Г.,*
академик РАН *Милов Л. В.,*
академик НАНУ *Толочко П. П.,*
Толстая С. М., Турилов А. А.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ И
ЧЕРНОГОРИЯ**

**Радослав
Распопович**

В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

русское консульство в Которе в 1804-1806 гг.

**Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. Л. Шемякин**

**Перевод с сербского
Татьяны Боянич**

Санкт-Петербург АЛЕТЕЙЯ 2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52
P15

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ю. П. Аншаков*
кандидат исторических наук *А. В. Карасев*

Распопович Р.

- P15 Россия и Черногория в начале XIX века: русское консульство в Которе в 1804–1806 гг. / Радослав Распопович ; отв. ред. А. Л. Шемякин ; пер. с сербского Т. Боянич. — СПб.: Алетейя, 2009. — 207 с. — (Серия «Bibliotheca Slavica»).

ISBN 978-5-91419-167-9

Радослав Распопович родился 1 декабря 1956 г. В 1979 г. окончил юридический факультет Университета в Подгорице. Обучался в аспирантуре юридического факультета Белградского университета. В 1994 г. там же защитил докторскую диссертацию на тему: «Дипломатия Черногории в 1878–1918 гг.». С 1980 г. работает в Историческом институте Черногории. Автор 200 научных работ. Из них важнейшее место занимают монография «Дипломатия Черногории. 1711–1918» (Подгорица — Белград, 1996) и сборник статей и эссе «Черногория и Россия» (Подгорица — Белград, 2005). Наряду с опубликованием документов по истории государства и права Черногории, занимается публикацией источников, касающихся черногоро-русских отношений. В сотрудничестве с коллегами из Института российской истории РАН; подготовил двухтомную публикацию — «Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории» (Т. 1–2. Подгорица — Москва, 2003). Тема «Черногория и Россия в 1711–1918 гг.» — одна из стержневых в научном творчестве Р. Распоповича. Настоящая монография является очередным вкладом в ее разработку.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-91419-167-9

9 785914 191679

©Радослав Распопович, 2009
©Татьяна Боянич, перевод на русский язык, 2009
©Институт славяноведения РАН, 2009
©Издательство «Алетейя» (СПб.), 2009
©«Алетейя. Историческая книга», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

С начала XVIII в. в политическую и церковную жизнь Черногории начала энергично включаться Россия. Благодаря своему решительному влиянию на ход и направление черногорской истории в течение последующих двух веков, она стала одним из факторов, имевших решающее значение для ее развития, в целом. Реализуясь в балканской политике России со времени правления Петра Великого и до начала XX в., «русский фактор» влиял не только на Черногорию, но и на другие славянские страны на Балканах. Основываясь на этнической, конфессиональной и культурной принадлежности южнославянских народов к одному и тому же цивилизационному пространству, политика России учитывала славянскую общность, необходимость сохранения и защиты православной веры и единство задач вооруженной борьбы, в особенности — совместное сопротивление укреплению и распространению власти турок.

С начала XVIII, и особенно в течение XIX в., «русский фактор» был тесно связан с Восточным вопросом и способом его разрешения, и еще более — непосредственно с *балканским вопросом*, как его составной частью. Восточный вопрос, воспринимался и как «проблема освобождения от гнета Турции тех европейских народов, которые она поработила в XIV и XV вв.». Восточный вопрос во внешней политике России связывался с разрешением *балканского* через идею «создания национальных государств в юго-восточной Европе, чтобы воспрепятствовать разделу европейских владений Османской империи между великими державами»¹.

Для черногорского общества «русский фактор», связанный в основном с Балканами, в целом, имел и более непосредственное значение. Черногорцам было чрезвычайно важно защититься от включения их собственной территории, исторических и национальных традиций и ценностей не только в зону влияния ислама, но и католицизма, опираясь главным образом на помощь и политическую поддержку, т. е. покров-

---

¹ Достян И. С. Россия и балканский вопрос // Из истории русско-балканских политических связей в первой половине XIX в. М., 1973. С. 3.

вительство России. Поэтому «русский фактор» в Черногории имел ключевое значение для сохранения идентичности народа и одновременно являлся узловой точкой, в которой национально-освободительные процессы и процессы формирования государства получали новую историческую энергию.

Включение «русского фактора» в общественную жизнь Черногории началось с установления политических связей между двумя странами. Это произошло в то время, когда освободительные стремления черногорцев совпали с укреплением государства и успехами России Петра I во внешней политике. Тогда впервые в истории русско-турецких войн русский царь призвал к восстанию христиан на Балканах и, тем самым, втянул их в борьбу с Османской империей¹. Интерес православного царства, выражавшийся в том, чтобы поощрить балканские народы выступить в качестве вспомогательной силы против турок, вывел Черногорию на политическую сцену Балкан и привел к установлению первых двусторонних связей политического характера — в ходе миссии русских офицеров: полковника Михаила Милорадовича и капитана Ивана Лукачевича в середине 1711 г.

Прибытие эмиссаров русского царя было для Черногории настолько важным событием, что его можно отнести к числу наиболее значительных факторов ее общественного и государственного развития. Для черногорцев Россия была могущественным естественным союзником, страной со схожим языком, той же веры и той же крови, мощным царством, которое, защищая славянство и православие, боролось против общего врага. Поэтому русская политическая миссия вызвала воодушевление черногорских, брдских и герцеговинских племен. Возобладала уверенность, что наступил исторический момент для того, чтобы с помощью России сбросить ярмо турецкой власти, создать новое или возродить старое государство². Решительно поддерживала воодушевле-

---

¹ Идея о подключении южных славян к вооруженной борьбе с Османской империей была не нова. С ней среди первых выступил Прокопий Возницын — представитель России на Карловацком мирном конгрессе, завершившем Венскую и Морейскую войны (См.: *Павићевич Б.* Владика Данило у Петрограду 1715. године // Зборник радова Михаилу Лалићу у почаст. Титоград, 1984. С. 13).

² Попытки освобождения от турецкой власти черногорцы предприняли в течение Кандийской войны (1645–1699) «при помощи Венеции». Поэтому в литературе эта война оценивается как самая важная для Черногории из всех войн, которые Венецианская республика вела против Турции. Тем не менее, ни эта война, ни более поздняя, Морейская война (1684–1699), когда Черногория тоже была на стороне Венецианской республики, не привели к подъему освободительной борьбы. Прогресса в этом направлении удалось добиться только после установления политических связей с Россией (См.: *Станојевић Г.* Црна Гора у доба владице Данила. Цетиње, 1975. С. 15).

ние народа и его воинственные настроения Цетинская митрополия во главе с владыкой Данилой Щепчевым Петровичем — наиболее выдающимся представителем духовной власти и личностью, олицетворявшей первичные атрибуты власти надплеменного характера. Благодаря этому, черногорские племена отозвались на призыв Петра I, поднимая на борьбу не только герцеговинцев и брдчан, но и население соседних областей.

Так началась эра черногоро-русских отношений, переживавших небывалые взлеты и ощутимые падения. За свою приверженность России и уверенность в ее значении для судьбы Черногории черногорцы не раз расплачивались дорогой ценой. Впервые это произошло вскоре после установления официальных отношений, уже в течение 1714 г.¹, т. е. два года спустя после «черногорского подвига» 1712 г.² и повторного турецкого нападения на Черногорию под руководством боснийского визиря Нуман-паши Чуприлича. Жестокость турецкого отщепенца за поражение, нанесенное в 1712 г., была столь страшной, что ничто в «народном сознании в ранней черногорской истории не могло сравниться с огнем и мечом, которые обрушились на Черногорию в тот 1714 год, когда турки намеревались обезглавить и истребить черногорцев»³. Но это, тем не менее, не привело к разрыву черногоро-русских отношений. Наоборот, в ситуации полной безнадежности, в трагический момент черногорской истории, поездка владыки Данилы в Петербург (1714) и его аудиенция у царя Петра I (1715) укрепили отношения Черногории с Россией. Одобренная материальная помощь (10.000 руб.), а также решение о постоянной двухлетней (а затем трехлетней) субвенции Цетинскому монастырю в размере 500 руб. в год, явились началом постоянной материальной помощи, которая в течение двух следующих веков исправно поступала из России. Почти все это время, если исключить определенные колебания, застой и отступления, Черногория находила в Российской империи могущественную защитницу и покровительницу, которая являлась не только материальной, но и политической опорой для ее освободительной борьбы и государственного строительства⁴.

Поддержка и помощь России относительно быстро вышли за рамки двусторонних отношений между странами и приобрели междуна-

¹ Томић Ј. Поход Нуман-паше Чуприлића на Црну Гору 1714. // Глас Српске краљевске академије. CXLVII. Београд, 1932. С. 48–78.

² См.: Распоповић Р. О неким аспектима турског похода на Црну Гору 1712. у контексту црногорско-руских односа почетком XVII вијека // Распоповић Р. Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд-Подгорица, 2005. С. 27–69.

³ Павићевић Б. Владика Данило у Петрограду 1715. године... С. 28.

⁴ Распоповић Р. Роль Русской церкви в создании независимых государств на Балканах (Черногория) // Славянский альманах (2004). М., 2005. С. 67–77.

родный характер, поскольку правительство России обязалось сначала перед Портой, а затем и перед другими странами, защищать интересы Черногории. В официальном документе (протокол Коллегии иностранных дел России) это обязательство впервые упоминается в 1754 году¹. Два года спустя, в связи с предполагаемым турецким нападением, правительство России, через своего дипломатического представителя в Константинополе А. М. Обрескова, впервые и официально выступило в защиту Черногории. Сначала Обресков хлопотал за нее в Порте, а затем, через своего коллегу — представителя Венеции в Турции, и в правительстве Венецианской республики. Таким образом, было фактически принято своего рода покровительство России над Черногорией, т. е. продемонстрирована готовность Петербурга защитить ее от «султана турецкого и его воли»².

Большой вклад в развитие черногоро-русских отношений внесли правители династии Петровичей. Кроме владыки Данилы, и владыка Савва в 1743–1744 гг. находился в столице России³. Однако, в XVIII в. их развитию особенно способствовал владыка Василий. Три его миссии в Петербург, который он считал главным фактором политического, экономического и культурного развития своей страны, а также способность представить ее при русском дворе «не такой, какой она была на самом деле, а такой, какой он желал ее видеть»⁴, способствовали тому, что интерес к Черногории в официальных кругах России значительно вырос. С другой стороны, владыка Василий сумел убедить и черногорцев, что целей своей борьбы они могут добиться только с помощью России. Он наивно считал, что этого легче всего добиться, если царским указом присоединить «принципат черногорский» к титулу русских царей. Но, хотя эта идея, как и многие другие замыслы Василия, не осуществилась, он, тем не менее, во многом способствовал тому, что влияние России и ее значение для судьбы Черногории в сознании народа приобрело масштабы культа. С его времени «слово *Россия* в Черногории означало не только государство, необозримое, могучее, славянское, но выражало и исконную, почти мифическую, надежду черногорцев, “что будет то, чего быть не может”, говорило об их выживании и существовании,

¹ При рассмотрении прошения, которое владыка Василий подал во время своей первой поездки в Петербург (1752–1753), в отчет Коллегии иностранных дел была внесена резолюция о том, чтобы, «ради защиты Черногории от турецкого султана», в случае необходимости, «в пользу черногорского народа в Оттоманской Порте выступить с защитой» (См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 196).

² Там же.

³ Павићевић Б. Владика Сава Петровић у Русији 1743–1744. год. // Историјски часопис. Књ. XIV–XV (1963–1965). Београд, 1965. С. 95.

⁴ Станојевић Г. Митрополит Василије Петровић и његово доба. 1740–1766. Београд, 1978. С. 102–103.

устраняло одиночество, объединяло века и пространства, где позолоченные купола русских храмов и кресты Цетинского монастыря и церквей в Черногории сияли тем же блеском и были символом одной веры на широком пространстве, которое населял один и тот же славянский народ»¹. Василий наставлял черногорцев, что «через Россию они выходят из своего политического и духовного одиночества и становятся частью чего-то великого и могучего, что их опьяняло, вселяло уверенность, вливало силы, хотя часто и сами они были не в состоянии понять, правда ли это», или же «только обманчивая надежда»².

Только благодаря огромному авторитету, которым пользовалась Россия, стало возможным появление в 1766 г. в Черногории некоего Степана Малого, который представился как русский царь Петр III Федорович³.

Многое в связи с тем, что ему удалось сначала завоевать доверие черногорцев, а затем организовать управление страной, невозможно объяснить за недостатком фактов. До сих пор не выяснено, кто же в действительности скрывался под именем Степан Малый⁴, равно как и трудно понять — как, «всего за месяц с момента своего официального представления», ему удалось среди «народа черногорского» «мир и согласие ввести» и добиться таких успехов, каких, по словам владыки Саввы, «в Черногории никогда не бывало»⁵.

Но несмотря на все дилеммы, фактом остается то, что он не мог бы семь лет править Черногорией, если бы таинственность его личности не давала

¹ *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица-Београд, 1996. С. 81.

² Там же.

³ Прибытие «русского царя» в Черногорию официально объявлено сначала «его личным» воззванием от 25 сентября 1767 г., которое перед воротами Будвы прочитали Марко Танович и Феодосие Мркевич, а затем на собрании старейшин, состоявшемся в Чекличах 30 сентября 1767 г. (См.: *Историја Црне Горе*. Књ.3. Т. 1. Титоград, 1979. С. 376).

⁴ В российской историографии работы, посвященные Степану Малому, появились более века назад. Упомянем только некоторые из них: *Мордовцев Д.* Самозванец Степан Малый // *Русская беседа*. 1860. Кн. XIX. Т. 1; *Он же*. Самозванцы и понизовая вольница. Исторические монографии. СПб.-М., 1867; *Макушев В. В.* Самозванец Степан Малый // *Русский вестник*. 1869... В сербской и черногорской историографии, наряду с другими авторами, личность Степана Малого подробнее всех изучал Рагислав Петрович (См.: *Петровић Р.* Шћепан Мали — загонетка историје. Београд, 1992. В переводе на русский язык — *Петровић Р.* Степан Малый — загадка истории (русский лжецарь в Черногории). Белград, 1996). В своей второй книге на эту тему (См.: *Петровић Р.* Шћепан Мали — загонетка је решена. Београд, 2001) Р. Петровић высказывает мнение, что Степан Малый это, по сути дела, Йован Балевић. То же доказывает и Душан Мартиновић (См.: *Мартиновић Д.* Др Јован Балевић или Шћепан Мали. Подгорица, 2002).

⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 284.

черногорцам возможность предположить, что он действительно относится к представителям русского императорского двора.

Появление Степана Малого в Черногории отразилось как на черногоро-русских отношениях, в целом, так и на отношении нового черногорского владыки — основателя современного черногорского государства Петра I Петровича Негоша — к русскому двору. Хотя Петр I трижды приезжал в столицу России, ему ни разу не была оказана та же честь, что и его предшественникам: аудиенции царя он так и не удостоился¹. Более того, в 1785 г. князь Потемкин выдворил его из Петербурга. Причины, которыми пытаются объяснить этот поступок, различны, но отчасти их связывают с недовольством русского двора тем, что черногорцы поверили самозванцу Степану Малому, который представился убитым мужем Екатерины II, и на несколько лет вверили ему правление своей страной. Более вероятной причиной такого обращения с ним может быть то, что во время его пребывания в Шклове (в имении Симеона Зорича-Неранджича), где он в 1784 г. после рукоположения в Сремских Карловцах ожидал разрешения на выезд в Петербург, брат хозяина Давид Неранджич составил проект о способе решения Восточного вопроса, который был доставлен князю Потемкину. Этот документ полностью отличался от Греческого плана Екатерины II, т. е. от соглашения между Россией и Австрией 1772 г., что, естественно, не могло быть с симпатиями воспринято в высших сферах империи.

Но хотя Петр I отказался от приглашения русской императрицы вернуться в Петербург, отменявшего поспешное решение князя Потемкина, и сдержал свое слово, что больше никогда не приедет в столицу России, в отношениях Черногории с миром в период его правления Российская империя занимала особое место.

---

¹ Первая поездка Петра I Петровича Негоша в Петербург планировалась с целью обучения. Но план выполнить не удалось из-за смерти владыки Василия (1766), с которым архимандрит Петр прибыл в Россию. Эти непредвиденные обстоятельства повлияли и на его скорое возвращение в Черногорию. Вторая поездка в столицу России в 1778–1779 гг. также не имела успеха. В то время Цетинскую митрополию возглавлял Арсение Пламенац. Поездка состоялась вскоре после установления политических отношений с Австрией и была организована при содействии гувернадура (губернатора) Йована Радоница. Хотя она преследовала четкие политические цели, закончилась она безуспешно. С этого времени начался период кризиса в черногоро-российских отношениях. Не лучше завершилась и третья, последняя по счету, поездка черногорского митрополита в Петербург (1784) после рукоположения в Карловцах. Его высылка из России практически исключала все последующие возможные визиты на берега Невы. Так, в отличие от своих предшественников и наследников, Петр I установил чрезвычайно мало личных контактов с высокопоставленными персонами российского двора, как и дворов других государств (См.: *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе. С. 24; *Вуксан Д.* Петар I Петровић Његош и његово доба. Цетинье, 1951; *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. Подгорица, 1997).

Однако в начале XIX в., во время наполеоновских войн, Петр I попытался установить более тесные связи с французами. Тогда в черногоро-русских отношениях возник серьезный кризис, может быть, самый серьезный за всю их предшествующую историю. Но, несмотря на свою остроту и напряженность, этот кризис, если не считать ощутимых политических потрясений, не вызвал глубоких отрицательных последствий в будущих отношениях между двумя странами. Более того, кризис подтвердил большую заинтересованность России сохранить свои позиции в Черногории, а с другой стороны, еще сильнее подчеркнул решающее значение «русского фактора» в ее судьбе.

Тем не менее, этот конфликт и усилия, которые прилагались для его преодоления, привели к определенным изменениям в характере черногоро-русских отношений. Хотя и после временного застоя и колебаний, опора на Россию считалась первостепенным внешнеполитическим фактором для освободительной борьбы черногорцев и для государственного и общественного развития страны, принципы, на которых отныне строились взаимоотношения, отчасти изменились и предполагали значительно более высокий уровень толерантности и уважения исторической и политической самобытности Черногории. Можно сказать, что преодоление этого кризиса, по крайней мере временно, привело к пересмотру значения «русского фактора». Если раньше он находился в зоне идеализированного восприятия, то теперь переводился в сферу реальных политических отношений.

В предшествующей практике Россия не только не стремилась к новым формам взаимоотношений, но наоборот, в своей официальной политике открыто выступала против каких-либо проектов, в основе которых лежала идея политической самостоятельности черногорских властей. Изменения в этом плане, какими бы скромными они ни были, несомненно, являлись одним из важнейших результатов крупных событий на линии Черногория — Петербург, произошедших в начале XIX в. Но и в этом виде они имели существенное влияние на укрепление международной субъектности Черногории: как на уровне общественного сознания, так и в политических отношениях — особенно с Россией, а отчасти и с другими странами. На практике эти изменения были подтверждены и первой (хотя, понятно, нелегитимной) попыткой институционализации черногоро-русских связей — через деятельность русского консульства в Которе, одной из неофициальных задач которого являлось представительство интересов Черногории перед австрийскими властями. Несомненно, это было одним из важнейших показателей отношения России к достигнутому уровню государственного развития Черногории. С другой стороны, то, что черногорский владыка отказался устанавливать консульские отношения с Францией и открывать

французское консульство в Цетинье, когда позднее Бока Которская отошла к Франции, свидетельствует о том, что достигнутый уровень государственной эмансипации Черногории отнюдь не означал отдаления от России, а наоборот, свидетельствовал о ее прочной привязке к российской внешней политике, особенно после опыта, полученного при разрешении кризиса во взаимоотношениях в самом начале XIX в.¹

* * *

Поводом для написания этой книги, впервые вышедшей на сербском языке в 2005 г., было празднование двухсотлетнего юбилея открытия консульства Российской империи в Которе, которое — в организации министерств иностранных дел России и Черногории — состоялось 2 октября 2004 г. Первоначально организаторы намеревались, кроме установки мемориальной доски на здании, где когда-то оно размещалось, включить в программу торжеств и выход двуязычного издания книги о черногоро-русских отношениях в начале XIX в., а также провести на ту же тему международный научный симпозиум, что, к сожалению, не было реализовано. Тем не менее, идея о том, чтобы подобной работой не только отметить важную дату в истории черногоро-русских отношений, а также русской и черногорской дипломатии, но и рассмотреть эту тему с научной точки зрения, сохранилась.

За понимание этого замысла и участие в его выполнении мы благодарны прежде всего послу Сербии и Черногории в России господину Милану Рочену*. Выход этой книги является в первую очередь его заслугой. Поэтому в издании на сербском языке благодарность выражается прежде всего ему. Что же касается второго издания, т. е. перевода книги на русский язык, то главная заслуга в реализации этой идеи принадлежит дирекции Института славяноведения Российской Академии Наук — директору К. В. Никифорову и его заместителю А. Л. Шемякину. Их оценка, что эта книга, переведенная на русский язык, обогатит черногоро-российское научное сотрудничество и внесет вклад в исследование отношений между Черногорией и Россией, определили судьбу публикации. Без понимания с их стороны, а также участия в финансировании перевода министерства культуры Черногории, этой книги не было бы. Мы выражаем им искреннюю при-

---

¹ См.: *Распоповић Р. Покушај оснивања француског конзулата у Црној Гори 1807/1808 године и Русија // Распоповић Р. Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. С. 159–175; Он же. L'établissement du consulat français Monténégro 1807–1808 // Conflits actuels. Revue d'étude politique. Paris, 2003. P. 95–109.*

^{*} В настоящий момент М. Рочен занимает должность министра иностранных дел Республики Черногория.

знательность, в том числе и за ту возможность, которая посредством нашей публикации предоставлена специалистам, а также широкой читательской публике в Российской Федерации. Все они смогут познакомиться с одним из сегментов истории русско-черногорских отношений, представленным с точки зрения черногорской исторической науки.

Советы и замечания Н. И. Хитровой, И. С. Достян, Е. Ю. Гуськовой, а также рецензентов — академика Миомира Дашича, Ю. П. Аншакова и особенно покойного Радомана Йовановича, были драгоценны не только в процессе работы над книгой, но и для лучшего понимания черногоро-российских отношений в целом. Поэтому оказанная ими помощь имеет непреходящую ценность и послужит в нашей дальнейшей работе.

За внимание и предупредительность мы особенно благодарны сотрудникам архивов и библиотек, с которыми нам приходилось общаться, как в России, так и в Черногории: Архива внешней политики Российской империи, Архивного отдела Национального музея Черногории, Архивного отдела в Которе, Центральной национальной библиотеки им. Джурдже Црноевича, Института научной информации РАН, Исторического института Черногории.

В заключение выражаем нашу искреннюю благодарность Татьяне Боянич за перевод книги на русский язык.

ВВЕДЕНИЕ

В самом начале XIX в. в русско-черногорских отношениях произошло событие, имевшее характер политического конфликта, необычного как для тогдашнего состояния отношений двух стран, так и для всей истории их предшествующих связей. В сложной международной ситуации, вызванной военными походами Наполеона, Россия и Черногория оказались на удаленных друг от друга позициях. Разногласия между ними касались не только непосредственных задач политической деятельности, но и характера взаимоотношений в будущем. За этими расхождениями (если отделить их от простого недовольства русского двора самостоятельными шагами черногорского владыки в отношениях с эмиссарами Наполеона, сделанными для установления более тесных контактов с французами) стояли политические различия в подходе к вопросам, которые для обеих стран в XVIII в. являлись фундаментом внешней политики.

Речь, в основном, шла о подходах к Восточному вопросу (т. е. к тому, каким образом решать судьбу европейских владений Османской империи), который походы Наполеона неминуемо ставили в повестку дня.

После первых французских завоеваний в Европе, падения Венецианской республики и раздела ее территории между Францией и Австрией (1797), с перспективой дальнейшей экспансии Наполеона в европейские области, находившиеся под властью турок, правительство в Петербурге заняло в целом позитивную позицию по вопросу о территориальной целостности Турции. Правящие круги России быстро осознали, что по причине превосходства Наполеона, с одной стороны, и выраженной слабости Османской империи, с другой, а также из-за малореальной для самой России возможности сыграть более активную роль в решении Восточного вопроса в начале XIX в. в случае его актуализации, сутью российской политической линии должно было стать союзничество с Турцией. Такой политикой Россия пыталась не только отложить постановку вопроса о судьбе Турецкой империи, но и добиться от нее уступок, обеспечив себе, тем самым, более надежные формы покровительства и защиты христианских народов, в ней проживавших. Гарантии определенной степени политической автономии этих наро-

дов были ответом на их освободительные устремления. Таким образом, царское правительство в период нарастания революционных движений пыталось добиться двух целей — хотя бы отчасти удовлетворить тягу балканских народов к свободе и одновременно сохранить территориальную целостность Турции, предотвращая антитурецкие выступления на Балканах.

Кроме необходимости противостоять французской экспансии, Россия желала этим путем добиться «справедливого равновесия сил между европейскими государствами», что, в качестве важной внешнеполитической цели, особенно подчеркивалось при Александре I. Для тако-го ее отношения к вопросу о территориальной целостности Османской империи существовал и серьезный внутренний резон. Считалось, что Россия уже достигла своих естественных границ и не должна более расширять их. Все эти причины указывали, что следует сохранить целостность Турции (наряду с проведением реформ для обеспечения политической автономии славянских народов), а не поднимать Восточный вопрос.

Кроме самостоятельности в организации внутреннего управления, русская концепция политических автономий для христианских народов на балканских территориях Османской империи подразумевала сюзеренитет султана, при покровительстве русского царя, в соответствии с примерами, имевшими место в практике взаимоотношений России и Турции в Молдавии и Валахии еще со времени подписания мирного договора в Кючук-Кайнарджи (1774), а позднее (после соглашения о союзе с Портой 1799 г. и экспедиции Ф. Ф. Ушакова) — в Средиземноморье и в Республике Семи островов (1800)¹. Из подобных политических идей исходили и планы переустройства Балкан А. А. Чарторыйского, включая и план создания славяно-сербского государства².

¹ По мирному соглашению в Кампо-Формио (1797), Франция заняла Ионические острова. В кампании 1798–1799 гг. русская эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова, при поддержке турецкого флота, их освободила. Была образована Республика Семи островов, получившая, по Константинопольской конвенции от 21 марта / 1 апреля 1800 г., статус полунезависимого государства, сюзереном которого был турецкий султан, а фактическим покровителем — российский император (См.: *Станиславская А. П.* Россия и конституция 1803 г. Республики Семи Соединенных островов // *Балканские исследования.* М., 1974. С. 43).

² Вопросом освобождения славянских народов, находившихся в составе Османской и Австрийской империй, путем создания с помощью России собственного государства, особенно много занимались советские (российские) историки. В этом отношении интересны, в частности, следующие работы: *Грачев В. П.* Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним правительства России // *Россия и Балканы.* М., 1995; *Он же.* Идея славянской взаимности в планах создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ней

Существование таких проектов раскрывало суть внешнеполитической стратегии России в Восточном вопросе в начале XIX в. Ее всесторонне разработал и отстаивал А. А. Чарторыйский — с осени 1802 г. как помощник министра иностранных дел России А. Р. Воронцова, а в 1804–1806 гг. как человек, фактически руководивший работой министерства. Важным условием для остановки французской экспансии в направлении юго-востока Европы Чарторыйский считал предотвращение возможных антитурецких восстаний, которые могли быть и последствием национально-освободительных движений под знаменем революции.

Стремление в последние годы XVIII и в самом начале XIX в. избежать постановки Восточного вопроса и ориентация на сохранение территориальной целостности Турции говорили об изменениях в политике России на Балканах. До самого конца XVIII в. общее направление российской политики в Восточном вопросе отражало ясную цель — борьбу с турками до их окончательного изгнания из Европы. Однако главный акцент, преобладавший в ней в XVIII в., — в вопросе отношения царского правительства к национально-освободительным движениям славянских народов на Балканах, — был смещен с покровительства и поддержки этих движений, имевших целью выполнение поставленных национальных задач вооруженным путем, в сторону различных видов политических автономий и протекторатов в границах Османской империи.

Причиной для такой трансформации позиции России явилась изменившаяся международная ситуация, а также перемены во внешнеполитической стратегии царского правительства, о чем красноречиво свидетельствовали его соглашения о союзе с Портой, заключенные в 1799¹ и

правительства России // Славянская идея. История и современность. М., 1998; *Достян И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972; *Сироткин В. Г.* Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806–1807 гг. // Ученые записки Института славяноведения. Т. XXI. М., 1962... В черногорской историографии этот вопрос затрагивался, в основном, в работах, авторы которых занимались исследованием личности Петра I Петровича Негоша или более широкими темами: *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. Подгорица, 1997; *Пејовић Ђ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 47–48; *Вуксан Д.* Петар I Петровић Његош и његово доба. Цетиње, 1951; *Дашин М.* Планови о територијалном увећању црногорске државе од краја XVIII столећа до 1878 године // *Дашин М.* Огледи из историје Црне Горе. Подгорица, 2000. С. 137–144.

¹ В целях защиты от французской агрессии, по соглашению от 23 декабря 1798 / 3 января 1799 г., Россия была обязана предоставить военную помощь Порте (которая, с другой стороны, согласилась пропустить российский военный флот через проливы) в случае возможной войны с Наполеоном. Аналогичные позиции в отношении защиты территориальной целостности Османской

1805 гг.¹. Само их заключение представляло собой заметный отход от тогдашней политики России в Восточном вопросе. Они выражали сдержанность в отношении к требованиям поддержки вооруженной борьбы балканских народов против османской власти, которая вела бы их к полной самостоятельности. Ориентация России на сохранение территориальной целостности Турции означала, таким образом, определенное отдаление от прежней поддержки предложений по радикальному решению Восточного вопроса, наряду с обузданием недовольства и сдерживанием повстанческих стремлений балканских народов.

Изменения в политике России вызывали непонимание в областях, где национально-освободительная борьба переживала подъем. Так, повстанцы в Сербии просили большей поддержки России для осуществления своих стремлений. Но особенно показательным примером отрицательного влияния такой политики на освободительные движения, подъему которых в течение XVIII в. царское правительство способствовало, была Черногория. Опасаясь дальнейшего изменения соотношения сил в ходе наполеоновских войн и ослабления своих международных позиций, которое могла бы принести ей борьба за турецкие владения в Европе, Россия защищала свои интересы политикой поддержания статус-кво в Восточном вопросе, т. е. сохранения завоеванных сфер влияния на Балканах и в Средиземноморье при одновременном сдерживании освободительных стремлений, которые могли бы привести к обширным военным конфликтам.

Совсем иной была позиция Черногории, которая в XIX в. вступила с заметными результатами, достигнутыми в деле национального освобождения и государственного строительства. С одной стороны, это было выражено в победах, одержанных в битвах при Мартиничах и

империи, исходя из собственных интересов, занимали и Австрия, и Англия, так что в составе Второй европейской коалиции против Наполеона эти три европейские государства обеспечили место и для Турции. Благодаря такой политике европейских государств по отношению к Турции, и стала возможной военная победа русской эскадры под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова, при поддержке турецкого флота, над французами (1789–1799) и изгнание французов с Ионических островов. Последовало основание Республики Семи островов, как полунезависимой провинции со своим особым статусом (См.: Станиславская А. М. Россия и конституция 1803 г. Республика Семи Соединенных островов... С. 43).

¹ Значительно более скромный договор оборонительного характера между Россией и Турцией был подписан 11/23 сентября 1805 г. Кроме территориальных гарантий, которые в нем содержались, договор обязывал государства, подписавшие его, в случае нападения оказывать друг другу помощь в вооруженных силах или в материальных средствах. В статье 7 договаривающиеся стороны согласились считать Черное море закрытым для всех иностранных судов, кроме русских (См.: Александр I, Наполеон и Балканы // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 18. С. 92).

Крусак (1796), а с другой — в начавшихся процессах создания институтов центральной власти, начале законодательной деятельности и усилиях по осуществлению территориального единства страны. Оба эти фактора повлияли на то, что в изменившихся международных условиях, вызванных наполеоновскими войнами и переменами на политической карте Европы (в частности, исчезновением ее многовекового могучего соседа — Венецианской республики), Черногория будет стремиться к более активному участию в европейской политике. Из-за своей фактической самостоятельности она и в международных отношениях все чаще рассматривалась как независимая страна. Поэтому ее позиция была важной не только для балканской политики великих держав, но и для их отношения к Восточному вопросу, в целом.

Укрепление международной роли Черногории, в свою очередь, влияло и на протекавшие в стране внутренние процессы, имевшие целью ускорить оформление государства, путем создания и развития институтов центральной власти. Недостаточно осведомленная о политических мотивах пассивного отношения царского правительства к Восточному вопросу, а также о планах, касающихся реформ в Османской империи и переустройства Балкан по принципу политических автономий в ее рамках, Черногория, вместо союзника по сохранению территориальной целостности Турции, искала союзника в деле актуализации Восточного вопроса, как способа достижения полной независимости.

Различия во взглядах на непосредственные задачи освободительной борьбы черногорцев отражали и суть разногласий России и Черногории в Восточном вопросе. Поскольку из-за недостатка политических возможностей правительство в Петербурге не могло поддержать требования черногорцев и брдчан, последовала попытка черногорских властей переориентировать внешнюю политику на Францию. Черногория, таким образом, становилась на сторону самого опасного противника России. Ее правящие круги были полны решимости помешать этим переменам в политике Цетинья. Сначала миссия графа Марка Ивелича, а затем открытие русского консульства в Которе, одной из задач которого было неофициальное представительство Черногории, свидетельствовали о степени такой решимости.

Кроме общего отношения к Османской империи и необходимости держать Порту под контролем, немалое влияние на политику России в отношении Черногории оказывало ее собственное стратегическое значение — особенно с учетом направления начавшихся французских завоеваний. Это значит, что политика России на этом пространстве, несмотря на то, что в основе ее подхода к Восточному вопросу лежала французская экспансия и потребность ее остановить, была обусловлена и важностью отношений с Черногорией. Эту обусловленность определяла военная сила черногорцев и ее геостратегическая позиция, из-за которой ни одной из великих держав, а тем более России, не было безразлично —

чьим же союзником она станет. Кроме того, с учетом характера черногорско-русских отношений в XVIII в., для России было немаловажно сохранить свои прежние политические и военные интересы в Черногории а, тем самым, и ее политический престиж на юго-востоке Европы. Любое другое решение в новой, серьезно изменившейся, международной обстановке могло означать удар для российской внешней политики, потерю важного пункта политического влияния и предпосылку дальнейшего негативного для Петербурга развития событий. Это и объясняет, почему меры, предпринятые в целях предупреждения вступления Черногории в сферу влияния Франции, были весьма энергичными и даже грубыми. Их непланомерность, отсутствие точных политических оценок, касавшихся ситуации в Черногории, объясняют, почему черногорцы с непониманием отнеслись к миссии графа Ивелича и противились ей; почему к решению этого вопроса оказалось необходимым подключить еще и консульство в Которе.

ГЛАВА I

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОВЛИЯВШИЕ НА СОЗДАНИЕ РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА В КОТОРЕ

Для понимания степени заинтересованности России в сохранении своих позиций в Черногории и тех мер, которые она была готова для этого предпринять, а также реальной подоплеку расхождений, возникших между Цетинской метрополией и правящими кругами в Петербурге, необходимо представить данную проблему в контексте глобальных политических событий в Европе в начале XIX в. Без сомнения, они решительным образом влияли на позицию как одной, так и другой стороны.

Обстоятельства, в самом широком смысле определившие российский подход к Черногории и обусловившие миссию Марка Ивелича, а затем ставшие одним из факторов, повлиявших на принятие решения об открытии консульства в Которе, — суть отношения между европейскими державами после Французской революции 1789 г. и изменения, вызванные на международной арене военной экспансией Франции. Не меньшую важность имела и позиция России в Восточном вопросе, который походы Наполеона поставили в повестку дня. Усиление международного значения Черногории после побед при Мартиничах и Крусах и ее окончательное освобождение от турецкой власти в контексте нового соотношения сил являлось третьим важным военным и политическим фактором для определения политики правящих кругов Петербурга.

1. Французская буржуазная революция и ситуация в Европе в конце XVIII — начале XIX в.

Хрупкий мир, существовавший в Европе в конце XVIII в., нарушила Французская революция 1789 г. Перемены, вызванные ею, привели к резкому обострению отношений революционной Франции с монархическими государствами континента — Австрией, Великобританией, Пруссией и Россией.

Вновь сложившаяся во Франции ситуация привела к отмене феодальных привилегий и превращению ее в конституционную и парламентскую монархию с гарантированными правами и свободами граждан при неприкосновенности частной собственности. Отмена феодальных прав дворянства, за которую 4 августа 1789 г. проголосовал революционный парламент, была подтверждена принятием *Декларации прав человека и гражданина* (26 августа 1789 г.)¹ и первой

---

¹ «Declaration des droits de l'homme et du citoyen» («Декларация прав человека и гражданина») представляет собой политический манифест французской

Конституции Франции (3 сентября 1791 г.) Принципы, содержащиеся в этих документах, явились «основами современного мира», которые «обеспечили расцвет буржуазии во всех областях и именно там, где могут действовать только привилегированные классы»¹.

Революционные преобразования вызвали в Европе мощную волну откликов. Либерально настроенные силы с воодушевлением восприняли идеи революции². В отличие от них, приверженцы старого режима³ с недоверием смотрели на ее результаты, что весьма быстро привело к попыткам остановить дальнейшие преобразования и реставрировать прежние порядки. За такими попытками стояли, с одной стороны, свергнутые дворянские слои и французский король Людовик XVI, а с другой — правящие круги европейских стран, которые из-за боязни распространения революционного движения и желания этого не допустить, поддерживали короля и свергнутый во Франции режим.

буржуазии. Он был принят в начале французской революции и состоял из введения и 17 пунктов. В «Декларации» говорится, что все люди обладают «естественными правами человека» — они рождаются свободными и остаются равноправными во всем. Естественные и неотъемлемые права — свобода, собственность, безопасность, право на сопротивление угнетению. Нация, т. е. народ, как единое целое, обладает верховной властью над собой. «Декларация» возникла под влиянием французской философии Просвещения XVIII в., а также американской революционной политической мысли (См.: Политическая энциклопедия. Белград, 1975 С. 132–133).

¹ Larousse. Т. 3. Белград, 1973. С. 480.

² Революция во Франции была с восторгом принята в Англии, особенно в рядах вигов. Однако, намного более глубокое и длительное влияние она имела в Ирландии, борющейся против угнетения со стороны англичан. Было сформировано «Революционное общество объединенной Ирландии» не только для того, чтобы помочь Франции в войне с Европой, но и для подготовки «общего восстания, которому поможет французская армия». В Австрийских Нидерландах — будущей Бельгии, французская революция вдохновила борьбу против Австрии Иосифа II, так что в 1790 г., после освобождения Брюсселя от Австрии, была провозглашена независимость Объединенного государства Бельгии. В декабре того же года Австрия, однако, снова оккупировала Бельгию. Также под влиянием революции, немалое число голландцев покидает страну и поселяется в Париже, готовясь к революции, которая будет ускорена вторжением французов (1795). В южной и западной Германии революция оказала сильное влияние, особенно на интеллигенцию (Кант, Фихте, Шиллер, Гете). Из-за похожей социальной структуры, события во Франции сильно воздействовали на сельское население северной Италии, а также на университетские и интеллектуальные круги.

³ В отличие от вигов, английские тори без воодушевления и с большим опасением приняли революцию. Такое отношение разделяли аристократия и землевладельцы. Их позицию выразил Эдмунд Берк в своей работе «Размышления о революции», которая считается теоретической основой контрреволюции. Тем не менее, самые главные противники революции находились среди правящих монархов Европы. Это были императрица России Екатерина II, король Швеции Густав III, король Пруссии Фридрих-Вильгельм II, король Сардинии Виктор-Эммануил, император Австрии Леопольд II.

Отношение европейских государств к Франции сразу после революции и позднее существенно менялось в зависимости от характера ее внешнеполитического влияния на их внутреннюю жизнь. Изначальная их позиция имела вид сопротивления революционным идеям, за которыми стояла, в сущности, миролюбивая внешняя политика Франции, тогда как с переходом революционного Парижа «от миролюбивого идеалистического поведения к политике завоевания», она приобрела совсем иной характер.

Принцип, содержащийся в «декларации мира», принятой Учредительным собранием 22 мая 1790 г., что французская нация навсегда отказывается от «всякой войны с целью завоевания» и «никогда не употребит своей силы против свободы какого-либо народа» опровергло само развитие революции. Такая позиция по сути дела противоречила положениям другой декларации, принятой Учредительным собранием в августе 1789 г., в соответствии с которой любой народ имел право свободно распоряжаться своей судьбой. Именно эти принципы сделали легитимной оккупацию Францией Авиньона и Конте в мае 1789 г., которая была обоснована необходимостью «узнать волю населения» (французских подданных на землях германских князей в Эльзасе), проголосовавшего за объединение с Францией. Консервативные европейские круги после этих событий обвинили Париж в том, что, проводя такую политику, он «превращает право аннексии в систему».

Для Европы, особенно для Австрии и Пруссии, Франция являлась бунтовщиком, и потому они призывали французский народ «упасть на колени» перед своим королем, если «он желает избежать наказания». Решение европейских государств начать военные операции, мотивированные намерением вернуть на престол свергнутого Людовика XVI и династию Бурбонов, и решимость революционных властей, выраженная в заявлении Учредительного собрания от 20 апреля 1792 г., не допустить этого, означали начало конфликта революционной Франции и контрреволюционной Европы, который в течение последующих двадцати пяти лет будет доминировать на европейской политической сцене.

Попытка Австрии и Пруссии посредством интервенции уничтожить завоевания революции была сорвана в сентябре 1792 г. французской Национальной гвардией. Вместо ожидаемого сотрудничества, вторжение союзников встретило сопротивление французского народа, который защищал завоеванную свободу, а прусско-австрийскую оккупацию воспринимал как собственный позор. Ситуация отчасти изменилась, когда война из фазы «защиты отечества» перешла в фазу «изгнания врага» и, соответственно, переноса боевых действий за пределы страны. Тогда многие добровольцы покинули французскую армию, которая после захвата городов в Германии (Майнц и Франкфурт-на-Майне) приступила к завоеванию Савойи и Ниццы. Однако самой важной во-

енной операцией в тот период, результатом которой, как и предыдущих, были аннексии в пользу Франции, явилось вторжение в Бельгию в марте 1793 г.

Национальный революционный парламент — Конвент, созданный на основе всеобщего избирательного права (для мужчин старше 21 года), принял решение об упразднении монархии и провозглашении республики под лозунгом — свобода, равенство, братство. Король Людовик XVI был приговорен к смерти и казнен на гильотине. Революционный террор, развязанный якобинской властью (она оформилась как диктатура Комитета общественного спасения во главе с Робеспьером), привел к жестокой реакции в Европе, следствием чего стало создание в 1793 г. Первой антифранцузской коалиции, в составе Австрии, Пруссии, России, Англии и др. Ее целью было подавление революции. Тем не менее, введя всеобщую воинскую повинность, якобинцы сумели набрать армию в 700.000 человек, которая дала отпор интервентам, одержав в битве при Тлори (26 июня 1794 г.) победу над войсками Первой коалиции.

Причиной поражения, которое потерпели противники революционной Франции, было прежде всего то, что им «не хватало необходимой политической определенности и ясной стратегии»¹. Поскольку не было «политической идеологии, способной воодушевить солдат и граждан *apart* *regime*», многие из которых были «привлечены пьянящими идеями Революции», нельзя было ожидать, что силы коалиции остановят ее шествие. Только позднее, когда армии Наполеона превратили «освобождение» в «завоевание и грабеж, местный патриотизм можно было использовать для ослабления французской гегемонии»². В ранней фазе конфликта, который больше двух десятилетий диктовал судьбу континента, европейские государства не отличались единством.

В то время, как британский кабинет во главе с У. Питтом в феврале 1792 г. требовал сокращения военных расходов, три других европейских государства на Востоке были заняты «разделом Польши»³. Если к этому добавить споры и весьма ненадежные маневры союзнических

¹ Кенеди П. Успех и пад великих сил. Подгорица-Београд, 1999. С. 149.

² Там же.

³ Об этом П. Кенеди пишет: «Вопреки своим язвительным обвинениям против французской революции, Екатерина II больше заботилась о ликвидации польской независимости, чем о посылке войск в Рейнскую область. Это привело к тому, что обеспокоенное правительство Пруссии, уже разочарованное началом боев на западе, перебрасывает все больше войск на Вислу, что вынуждает Австрию держать 60.000 человек на северной границе на случай, если Россия и Пруссия двинутся на оставшиеся польские территории. Когда произошел третий и окончательный раздел в 1795 г., было более чем очевидно, что Польша была скорее эффективным союзником Франции в своей смертельной агонии, чем живым дееспособным государством» (Там же. С. 140).

армий на поле боя, то получается, что поражение Первой коалиции было почти неизбежным.

Интересно, что в 1789–1794 гг. отношения революционной Франции с Турцией, в отличие от ее отношений с европейскими державами, были хорошими. Можно даже сказать, что преобладали «искренняя дружба» и взаимное доверие. Османская империя не участвовала в антифранцузской коалиции, а правящие партии в революционной Франции, жирондисты и якобинцы, ограничивались тем, чтобы сохранить прежнее экономическое и политическое влияние на ее территории. Более того, французская революционная власть принимала меры, чтобы идеи свободы, равенства и братства, провозглашенные в «Декларации прав человека и гражданина», не привели к волнениям среди подданных Порты¹. Это была попытка ограничить влияние революционных идей, которые находили благоприятную почву у поработенных народов Османской империи. Чтобы не вызывать внутренних потрясений в Турции, Клуб якобинцев даже отказался признать своими филиалами те объединения, которые в августе 1793 г. сформировали в Константинополе радикальные элементы из местной французской колонии². Однако, ситуация существенно изменилась с переходом к режиму Директории. Она заменила собой Конвент, что было подтверждено принятием Конституции 1795 г.

Образование Директории было непосредственно связано с термидорианским переворотом и безуспешной попыткой придать революции второе дыхание. Переворот, таким образом, привел к принятию нового конституционного акта, который был основой правления Директории (1795–1799). Крупная буржуазия, пришедшая к власти 9 термидора (27–28 июля 1794 г.), имела на своей стороне революционную армию, которая своей организацией и достигнутыми успехами обеспечила военное преимущество Франции по сравнению с европейскими монархиями. Военная сила являлась основой триумфов Франции в большом числе войн между ней и европейскими государствами до 1815 г.

Тем не менее, успехи революционной Франции опирались не только на военную силу. Их сопровождала и дипломатическая деятельность. После победы над Первой коалицией последовала активная работа с целью добиться возможно большего обострения внутренних противоречий между ее членами и обеспечения захватнических стремлений французской буржуазии. В апреле 1795 г. в Базеле был подписан мирный договор с Пруссией, по которому к Франции отходил левый берег Рейна³.

¹ Наумов Е. П., Арш Г. Л., Достян И. С., Виноградов В. Н. Балканы в международной жизни Европы (XV–XIX вв.) // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 50.

² Там же.

³ История дипломатии. Т.1. М., 1941. С. 353.

Так начался процесс окончательного распада Священной Римской империи германской нации¹, который Наполеон завершил в 1806 г.

Через несколько месяцев после подписания мирного договора с Пруссией, тоже в Базеле, был заключен мир с Испанией, а несколько позже и с Голландией. По положениям этого мирного договора, Голландия получила статус Батавской республики, а 1 октября 1795 г. Бельгия и левый берег Рейна были присоединены к Франции.

Выход Пруссии, Голландии, Испании и других государств из коалиции и занятость России разделом Польши (после восстания поляков весной 1794 г.) повлияли на то, что только Англия и Австрия продолжали воевать с Францией. После третьего раздела Польши² и Россия начала готовиться к войне с французами. Императрица Екатерина II заключила в 1795 г. новый союз с Англией и Австрией, но ее смерть (1796) и обострения в отношениях между Россией и Пруссией помешали русской армии выступить на стороне сил контрреволюции.

Введенная в период Директории военная система не только обеспечила блестящие победы над коалицией, но и стала основой экономической жизни страны, которая становилась все более зависимой от успехов французской армии. В 1796–1799 гг. война, контрибуции и грабежи были основными источниками пополнения финансов Директории. Кроме того, военные победы сделали возможным формирование вдоль восточной границы пояса отдельных государств, которые обеспечивали гегемонию Франции над центральной Европой и Италией³.

В период Директории внешнюю политику страны определяли генералы — отчасти и потому, что она постоянно находилась в состоянии войны. Только союз с Испанией был заключен в 1796 г. самой Директорией. Почти во всех других случаях генералы подписывали перемирия и прелиминарные договоры. Примером такой практики была

---

¹ Священную Римскую империю германской нации сформировал немецкий король Оттон I, покорив северную и среднюю Италию вместе с Римом. В ее состав входили Чехия, Бургундия, Голландия, швейцарские земли и т. д. Постепенно власть императора стала номинальной. Италия была потеряна в XIII в. Германия, игравшая доминирующую роль в Империи, распалась на княжества. Вестфальский мир 1648 г. подтвердил превращение Империи в конгломерат независимых государств. Она окончательно прекратила свое существование в период наполеоновских войн. Столицей Священной Римской империи была Вена.

² Австрия, Пруссия и Россия по соглашению, подписанному в Санкт-Петербурге в 1772 г., совершили первый раздел Польши, аннексировав 1/3 ее территории. По секретному соглашению между Россией и Пруссией (июнь 1793 г.) произошел и второй ее раздел. Третий раздел Польши провели Россия, Пруссия и Австрия в 1795 г. после восстания поляков под руководством Тадеуша Костюшко. Восстание вспыхнуло весной 1794 г., а подавили его русские войска под командованием Суворова.

³ В начале 1799 года было создано шесть таких государств.

и дипломатическая деятельность Наполеона Бонапарта, который в то время все более возвышался в политической жизни страны. Он заключил договор с Тосканой, мир с Ватиканом и Австрией без предварительных консультаций с Директорией и без ее инструкций.

Мир с Австрией в Кампо-Формио (17 октября 1797 г.) Наполеон подписал, одержав победу в Северной Италии и двинувшись на Вену. Испуганные австрийцы были готовы на большие уступки. Переговоры, которые Наполеон вел с Кобенцем — уполномоченным представителем Австрии, закончились мирным соглашением, по которому Франции были признаны все завоевания 1795–1797 гг. Австрия отказалась от Бельгии в обмен на земли Венецианской республики, которую Наполеон упразднил и разделил; в результате Австрия получила части Истрии и Далмации с Бокой Которской, а все остальные территории отошли к Франции. Этим «своим решением» Наполеон практически стер с географической карты Венецию, «чтобы отдать ее Австрии за концессии на Рейне и в Голландии».

Война в Италии, относясь к категории французских революционных войн, показала, что была, в сущности, завоевательной, и что при заключении мирного договора не соблюдались провозглашенные принципы о суверенитете народа (нации) и его праве на самоопределение.

Захват Ионических островов и Мальты¹ в Средиземноморье, а также экспедиция Наполеона в Египет (1798) стали следующим этапом колониальной политики французской буржуазии. Эти акции были проведены после того, как Директория назначила Наполеона командующим *Английской армией*, которая должна была совершить нападение на Великобританию. Однако Наполеон осознал невозможность такой операции и предпринял операцию в Египте, чтобы оттуда угрожать британским владениям в Индии. Хотя в целом эта операция не увенчалась успехом, в Египте проявился блестящий военный талант Наполеона.

Французский флот прибыл в Египет 1 июля 1798 г. и расположился в Абукирской бухте к северу от Александрии. В битве при Пирамидах 28 июля 1798 г. Наполеон разбил армию мамелюкских эмиров², кото-

---

¹ По мирному договору, заключенному в Кампо-Формио (1797), Франция заняла Ионические острова, тогда как венецианские владения в Далмации и Боке Которской перешли под управление Австрии. 12 апреля 1798 г. Директория одобрила нападение на Мальту. 11 июня 1798 г. на корабле «Ориент» была подписана конвенция о передаче острова французам.

² Мамелюки были рабами различных рас, первоначально составлявшими оборонительные войска египетских султанов династии Айюбидов, которая правила Египтом в 1250–1517 гг. В результате нашествия турок в 1517 г. султанат мамелюков в Египте уничтожен, а Египет стал одной из многих турецких провинций. После этого турецкие султаны назначали пашей вице-королями, а страну разделили на 12 санджаков. Не сумев защитить страну

рые управляли Египтом, и занят Каир. После чего он двинулся на Сирию. Нашествие Наполеона создавало угрозу для Малой Азии, что понимал турецкий султан Селим III. Поэтому его шаги в целях сближения с Россией и подписание в 1799 г. соглашения о союзе в турецкой историографии оцениваются как спасительные для египетских и балканских владений Турецкой империи. Тем не менее, исход экспедиции Наполеона в Египет определило сражение с английской эскадрой под командованием Г. Нельсона 1 августа 1798 года, когда французский флот потерпел полное поражение. Три корабля были потоплены, один сгорел, девять линейных судов и два фрегата были захвачены, так что французский корпус в Египте в составе 40.000 человек оказался фактически отрезан от Франции.

После экспедиции в Египет и упрочения французского влияния в Голландии, Швейцарии и в Средиземноморье, была образована Вторая коалиция, направленная против Франции (1798). Военные успехи Наполеона на Ближнем востоке и возможное владычество Франции над Египтом и Турцией были причиной того, что в коалицию европейских государств вошла и Османская империя. Так, недавние военные противники (1787–1791)¹, Россия и Турция оказались в союзе против Французской республики.

Начало войны Второй коалиции с Францией было весьма успешным. Русские войска под командованием А. В. Суворова одержали ряд блистательных побед в Швейцарии и северной Италии. Английская эскадра осадила Мальту и заняла важный стратегический пункт — остров Минорку. Англо-турецкие войска провели ряд успешных операций в Египте и Сирии, где Бонапарта, который тайно выехал во Францию, на посту командующего заменил генерал Ж. Клебер.

Однако, очень скоро оказалось, что разногласия между союзниками были более опасным противником, чем армия, против которой они воевали. Для британских политиков, например, единственно важными всегда оставались интересы Англии, и все должно было быть подчинено именно им. Союзникам никак не удавалось согласовать свои действия. Большинство членов коалиции этого, по сути, и не желало. Британцы были решительно против того, чтобы корабли из эскадры Ушакова участвовали в осаде Мальты, которую вела британская эскадра под командованием капитана А. Бола. И для Англии, и для Австрии самым главным было не допустить усиления русского влияния в регионах, ко-

---

от французов, мамелюки потерпели серьезное моральное поражение. После ухода французов турки попытались устранить мамелюков, несколько раз устранивая резню беев.

¹ Русско-турецкую войну (1787–1791), которая с 1788 по 1790 г. Россия вела вместе с Австрией в весьма тяжелых внешних и внутренних условиях, спровоцировали Англия и Турция.

торые они считали сферой своего влияния. Из-за отсутствия сотрудничества австрийских войск с русскими в боях с французами, не был до конца использован эффект от блестящих побед Суворова. Еще более тяжелый случай произошел в Голландии, где действовали английский и русский экспедиционные корпуса. Из-за отказа англичан вести совместные действия русский отряд был фактически сдан врагу, а его потери составили больше одной трети всей численности.

Русско-английские отношения, уже испорченные в течение 1799 и в начале 1800 г., переживали серьезный кризис. Ко всем прежним причинам добавилась проблема Мальты. Союзнический договор 1798 г., по которому на острове после его занятия должен был быть сформирован гарнизон с равным участием англичан, неополитанцев и русских, расширенный затем правом на занятие Ла Валлетты русскими частями и положением о том, что во главе военного совета должен стоять представитель России, был фактически нарушен запретом на участие русских кораблей в осаде острова. Позднее, когда Англия оккупировала Мальту (1800), она подняла над ней только свой флаг. Этим были грубо нарушены права Неаполитанского короля, как формального сюзерена Мальты.

После этого яблоком раздора между союзниками стал пресловутый английский «морской кодекс». Фразами о борьбе против контрабанды прикрывалось бесстыдное пиратство. Этим законом Англия дала себе право останавливать и производить обыск любого корабля, который затем нередко препровождался в британский порт, а товар, объявленный контрабандой, конфисковывался.

Из-за такого развития событий Россия 25 августа 1799 г. прервала отношения с Англией, а 27 августа была выпущена особая декларация, в которой осуждалась практика англичан по захвату кораблей не только нейтральных стран, но и союзников.

Усилия англичан увенчались успехом и в Египте. После победы при Эль-Арише в январе 1800 г. была подписана англо-французская конвенция о перемирии на весьма благоприятных для Англии условиях. Французская армия должна была без боя покинуть Египет. Но и после достижения договоренности о соглашении до подписания его окончательной версии военные действия продолжались. В это время правительство Британии потребовало от Порты, чтобы мамелюкские беи признали покровительство Англии над Египтом, но согласия не добились. Затем в сентябре 1801 г. французские войска на английских кораблях и за счет Англии покинули эту страну, забрав с собой все свое оружие. А англичане, освободив Египет от французов, не проявляли никаких намерений выйти оттуда.

Пока длились переговоры о судьбе французов в Египте, сопровождаемые военными действиями, крупная английская эскадра вошла в воды

Балтики. Там без объявления войны 21 марта 1801 г. в сражении близ Копенгагена был уничтожен морской флот Дании — члена Северной лиги¹. Один из командующих эскадрой, адмирал Нельсон, после этой операции намеревался даже уничтожить русский балтийский флот. Убийство Павла I и перемены в России помешали этим планам. Их наличие, тем не менее, говорит об отношениях союзников по Второй коалиции и об уровне «сотрудничества» между ними.

Поражения французов в Италии и Германии повлияли на решение Наполеона вернуться во Францию, прежде чем судьба его армии в Египте будет решена. Его прибытие в Париж с большими симпатиями встретила буржуазия, которой для укрепления власти была нужна сильная личность. Восемнадцатого брюмера (9 ноября 1799 г.) с помощью высших слоев буржуазии был совершен государственный переворот, и Наполеон взял всю власть в свои руки, в качестве первого консула Французской республики. Высокий уровень его полномочий подтвержден в Конституции, принятой 22 декабря 1799 г. Ему были отданы вся исполнительная власть, право назначать министров и чиновников, а также право на законодательные инициативы, причем сам он не нес ответственности за свои решения ни перед одним государственным органом.

Потребность крупной буржуазии скомпрометировать Директорию Наполеон использовал для установления своей диктатуры, «цезаризма», который получил название «бонапартизм».

С другой стороны, хотя после того, как на престол в России взошел Александр I и Северная лига была распущена, русско-английские противоречия были преодолены и не грозили перейти в «горячую» фазу, политическое соглашение между ними не было достигнуто. И несмотря на то, что действия английского корпуса против французов в Египте успешно завершились, общая ситуация, в какой находилась Вторая антифранцузская коалиция, была неблагоприятной. Выход России из коалиции и поражение австрийской армии в последующих битвах показали, что у Британии нет союзников на континенте.

Из-за такого соотношения сил прибытие в Лондон представителя Франции Отто с предварительными условиями мира было встречено в британских политических кругах с облегчением. Переговоры начались в июне 1801 г. и длились до 1 октября, когда стороны подписали preliminary мирный договор.

¹ Прерывая отношения с Британией декларацией от 25 августа 1800 г., Россия обратилась к балтийским государствам, осуждая практику англичан захватывать корабли не только нейтральных, но и союзнических государств. Она предлагала возобновление вооруженного нейтралитета 1780 г. Благодаря этой инициативе, в декабре была создана, т. е. восстановлена Северная лига.

Они продолжались затем в Амьене и длились пять месяцев. Наконец, 27 марта 1802 г. был подписан мирный договор, означавший конец боевых действий Второй коалиции.

По положениям договора, Англия обязалась вернуть союзникам все колонии, которые заняла, кроме островов Тринидад и Цейлон, и покинуть все порты и острова, захваченные в Средиземном и Адриатическом морях. Франция со своей стороны обязывалась вывести войска из Рима, Неаполя и с острова Эльбы.

Особая статья посвящалась острову Мальта, где оставался английский гарнизон, но который должен был быть в течение трех месяцев возвращен ордену Иоанна Иерусалимского. Независимость и нейтралитет Мальты гарантировали шесть государств: Франция, Австрия, Россия, Испания, Пруссия и Англия.

По договору Англия и Франция гарантировали территориальную целостность Османской империи в ее довоенных границах. Это означало, что Англия должна была вывести свои войска из Египта. Таким образом, по содержанию договора она практически возвращалась к положению 1797 г., тогда как Наполеону подтверждались результаты всех его ранних завоеваний — Бельгия, граница на Рейне, Савойя, контроль над Италией, и кроме того, колониальные владения в Индии и Америке. Комментируя результаты англо-французского Амьенского договора, русский вице-канцлер А. Р. Воронцов отметил его «удивительную неблагоприятность» для Англии.

Именно из-за этого, сразу после подписания, ситуация начала обостряться. Англия не покинула Мальту в течение трех месяцев, чтобы на острове разместился неапольский гарнизон численностью в две тысячи человек. Ее войска не были выведены из Египта. Фактически, никто из участников Второй коалиции не желал выполнять обязательства, предусмотренные в Амьенском договоре. Он, по существу, обеспечивал только краткую передышку перед продолжением войны. И уже в мае 1803 г. военные действия между Англией и Францией возобновились.

Амьенский договор, вкупе с предыдущим, заключенным в Люневилле, обеспечил Наполеону максимум популярности. Ему приписывались все заслуги за военные победы тех лет. С другой стороны, ореол «военного победителя» давал ему возможность еще больше укрепить личную власть. Меры, к которым он прибегал, проложили путь к абсолютной монархии. Рост его могущества символически выражался и в новых титулах, которые он получал. 2 августа 1803 г. он провозглашается пожизненным консулом, а 18 мая 1804 г. — императором. Так «первый консул Французской республики» Наполеон Бонапарт получил титул «французского императора». Войны, которые Французская республика вела против европейских монархий после провозглашения

Наполеона императором, имели исключительно завоевательный характер. Они окончательно разрушили систему международных отношений, существовавшую в Европе в XVIII в., и радикально изменили политическую карту континента.

Находясь на вершине мощи в Европе, Наполеон овладел северной Италией. Он захватил Геную, остров Эльба, Пьемонт и Парму. Осенью 1802 г. он навязал Швейцарии свою конституцию и союз с Францией. Кроме обязательств, возложенных на нее договором в Амьене, Франция сохранила свой оккупационный режим в Голландии. Южная Германия находилась под французским контролем из-за той роли, которую она играла в секуляризации церковных владений. Одновременно Австрия потеряла свое прежнее политическое значение и была оттеснена в сторону. Одним словом, «Европа беспомощно взидала на перекраивание своей политической карты», которое проводил Наполеон.

Борьба за перераспределение влияния в Европе ставила в повестку дня и судьбу Османской империи. Такая опасность односторонней постановки Восточного вопроса, исходящая из захватнических планов Наполеона, обусловила создание новых коалиций на основе антибонапартизма. Это, однако, требовало от каждой из великих держав разработки собственной концепции действий в рамках общего курса.

2. Политика России в Восточном вопросе в начале XIX в.

Одним из государств, которые были особенно заинтересованы в решении Восточного вопроса и сохранении равновесия сил в Европе вообще, была и Россия. Как великая держава, она еще со времен императора Петра I, была жизненно заинтересована в сохранении и расширении своего влияния на Балканах и в Средиземноморье. При этом она заметно укрепилась, получив при Екатерине II (Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г.) выход на северное побережье Черного моря и право прохода через Босфор и Дарданеллы. Поэтому для России являлось крайне важным играть активную роль в момент возможного решения судьбы Османской империи.

Конечно, в начале XIX в. позиция России по Восточному вопросу была несколько иной, чем в XVIII в. Принципиальная точка зрения, что основным способом его решения является борьба с турками до их полного изгнания из Европы, сменилась дилеммой, вставшей не только перед русскими, но и перед европейскими дипломатами — следует ли идти до конца в многовековых усилиях по уничтожению Турции, или же все-таки надо ввести ее в европейскую политическую игру в качест-

ве послушного игрока¹, имея в виду ее современное состояние, далекое от прежнего могущества.

В пользу второго решения было мнение правящих кругов в Санкт-Петербурге, что Россия достигла своих естественных границ и ей не нужно новое расширение территории. Следующий момент, который существенно влиял на изменение концепции по Восточному вопросу, согласно которой следовало стремиться не к разрушению, а к сохранению Турции, состоял в том, что османское государство после тяжелых поражений, нанесенных ему, в основном, русским оружием, (особенно в период правления Екатерины II) перестало быть опасным врагом. Время Мехмеда II, Сулеймана Великолепного и других могущественных султанов осталось в далеком прошлом. Со своей отныне скромной политической и военной силой Турция могла быть принята в качестве партнера или союзника какой-либо великой державы.

Таким образом, «на первый план начала выступать политическая система, в корне изменявшая былые аксиомы Восточного вопроса»². Ее характеризовали три основных элемента. Прежде всего, из варварского государства, которое требовалось изгнать из Европы, Турция превратилась в «цивилизованную» страну, равноправную и ценную в той же степени, что и любое другое европейское государство. Затем, вместо того, чтобы рассматривать Османскую империю как опасного противника, ее теперь рассматривали как «больного человека», который не только не наносит никакого вреда, а наоборот своим существованием способствует установлению «европейского равновесия». И, наконец, в связи с изменившимися взглядами, общего согласия европейских государств легче было добиваться не ликвидацией Восточного вопроса, т. е. разделом наследства этого «больного человека», а наоборот — путем принятия всех доступных мер в целях поддержания Турции, как в финансовом смысле, так и в смысле принуждения к проведению реформ, которые способствовали бы созданию благоприятного положения в турецких провинциях в целях сохранения статуса кво на Ближнем востоке³.

Но и в этом новом подходе к Восточному вопросу, разделявшемся и в Петербурге, который можно было назвать проектом «консолидации Турции», не упускались из вида стратегические интересы имперской политики отдельных великих держав.

Для России они частично выражались в потребности сохранения позиции силы, защищающей православных христиан в Османской империи, которую она сумела обеспечить договором с Портой в Кючук-

¹ Таубе М. А. Восточный вопрос и австро-русская политика в первой половине XIX столетия. С. 6.

² Там же.

³ Там же. С. 7.

Кайнарджи. В начале XIX в., кроме этого аспекта, Восточный вопрос имел для русской внешней политики и самостоятельное значение. Оно вытекало из русско-французских отношений и противостояния интересов двух стран на Ближнем востоке и на Балканском полуострове.

Поскольку императорское правительство в момент начала наполеоновских войн не располагало окончательной программой мер, связанных с Восточным вопросом, в русской дипломатии присутствовали две тенденции, касающиеся его решения. Одна из них исходила из раздела европейских владений Турции и сближения России с Францией, тогда как сутью другой было сохранение территориальной целостности Османской империи с намерением использовать ее в борьбе против Наполеона. Однако наступление французской армии на Восток ставило перед царским правительством такие дополнительные вопросы, как соотношение сил в Средиземноморье, а в его рамках — статус проливов, защита интересов России на Балканах и др.

Русско-турецкое соглашение о союзе от 23 декабря 1798 / 3 января 1799 г. давало ответ на то, каким образом должны решаться некоторые из них. Оно означало победу концепции сохранения территориальной целостности Турции в борьбе против агрессии Наполеона, которую, кроме этих двух государств, вели Австрия и Англия. На основании этого соглашения, объединенная русско-турецкая эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова прошла через морские проливы и начала активные действия против французских сил в бассейне Средиземного моря. Успех Ушакова и турецкого военачальника Кадри-бея в боях за Ионические острова увенчался завоеванием Корфу в феврале 1799 г. Соглашение создало предпосылки для формирования нового государственного субъекта, Республики семи островов, статус которого определялся характером союзнических отношений между Россией и Турцией. Провозглашенное государство имело полунезависимый статус, который гарантировал ему определенную степень автономии, — оно находилось под сюзеренитетом турецкого султана и покровительством русского царя.

Успех экспедиции Ушакова, а также почти одновременный удачный поход Суворова в Италию, не только нанесли удар по позициям Наполеона в Средиземноморье, но и способствовали росту престижа России в этой части европейского континента. В британском парламенте успехи России комментировались с озабоченностью, причем говорилось, что русский царь «командует в Средиземном море как у себя дома», и что его армия господствует «как в Европе, так и на Востоке»¹. Поэтому политика Англии в то время имела характер почти неприкрытой враждебности по отношению к России.

¹ *Rose I. H. Life of W. Pitt. Pt. II. London, 1936.*

И второй коалиционный партнер — Австрия, не только совершала шаги, противные интересам России, но и открыто нарушала союзнические обязательства.

Но хотя русский флот вскоре вернулся в Черное море, отказавшись от дальнейших операций в Средиземноморье, что на известный период ослабило русско-французские противоречия, Вторая коалиция (руско-англо-австрийский союз) не могла сохраниться. Как уже упоминалось, в 1800 г., после захвата Англией Мальты, русско-британские отношения были прерваны. Тогда возник известный проект президента Коллегии иностранных дел России Ф. В. Раstopчина о разделе Турции¹. Его содержание, однако, не отвечало политическому курсу, принятому Россией по отношению к Османской империи, так что он не имел для политики царского правительства какого-либо значения.

В конце 1800 г. из Петербурга в Париж для заключения мира и союза с Францией был направлен посланник С. А. Колычев. В инструкциях, которые он получил, подчеркивалось значение прочного союза России и Турции для системы равновесия сил в Европе. Российскому посланнику было, в частности, предписано попытаться достигнуть с Францией договор о сохранении территориальной целостности Турции. Он привез и предложение Павла I Наполеону заняться вопросом «изгнания англичан» из Египта и возвращением этой провинции под власть турецкого султана. Но, хотя эти дипломатические контакты привели в итоге к тайному соглашению между Россией и Францией, подписанному позднее, 8 октября 1801 г., в период правления Александра I, оно не улучшило отношений между двумя странами и не способствовало их сближению.

Кроме политических шагов, которые Павел I предпринимал в целях сближения с Францией, он считал, что соглашение с Турцией от 1799 г. необходимо сохранить, так как оно является основой взаимных обязательств двух государств. На этом базировалась политическая поддержка России Османской империи, целью которой было укрепление ее внешнеполитических позиций.

И новый император Александр I, который после смерти Павла I в марте 1801 г. унаследовал российский престол, разделял идею о необходимости сохранения территориальной целостности Турции. Действенными проводниками этой идеи в то время были известные по-

---

¹ Проект Ф. В. Раstopчина, известный в литературе как «Второй план русской дипломатии о разделе Турции», предусматривал раздел оттоманских владений между Францией, Австрией и Россией. По этому плану Россия претендовала на Болгарию и Молдавию, Австрия — на Сербию, Боснию и Валахию, а Франция — на Египет. Из Греции и островов Архипелага было предложено сформировать республику под покровительством России (См.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XIX в. М., 1978. С. 50).

литические деятели Н. П. Панин¹ и В. П. Кочубей². В своем докладе царю в начале 1802 г. Кочубей доказывал необходимость сохранения территориальной целостности Османской империи, считая весьма положительным наличие у России слабого соседа³.

И русская дипломатия в своих стратегических расчетах предвидела, что завоевания Наполеона будут продолжаться, причем, вероятнее всего, в направлении Турции. Поэтому было необходимо поддерживать с ней прочные и стабильные отношения. Суть такой политики России образно иллюстрировала первая инструкция Александра I российским дипломатам в зарубежных странах. Им, в частности, поручалось принимать меры для предупреждения «любого повода для разногласий между моей империей и Оттоманской Портой», что определялось как одна из главных задач их деятельности. В циркуляре императора также подчеркивалось, что «один из принципов его политической системы» — «всегда помогать сохранению государства, чья слабость и плохое управление является слишком дорогой гарантией безопасности»⁴.

Следуя такой политике, в целях сохранения результатов экспедиции Ф. Ф. Ушакова, которые оценивались весьма полезными для возможной защиты Османской империи от французского вторжения, Россия посредничала и в заключении мирного договора между Францией и Турцией. Право на то ей давала статья III Русско-французской тайной конвенции 1801 г. Мирный договор между Францией и Турцией был подписан 7 июля 1802 г. Он оценивался как весьма благоприятный в экономическом смысле для Франции, торговые суда которой получали право прохода в Красное море⁵. С другой стороны, участие России в заключении этого договора было политически важным, так как свидетельствовало о степени взаимного доверия между ней и Турцией. Однако, несмотря на посредническую роль царского правительства, после подписания мирного договора Франция еще больше стремилась усилить свое влияние в Константинополе.

¹ Н. П. Панин считал, что Турция и Ближний Восток занимают важное место в политике России. Он также полагал, что в поиске политических союзников следует исходить именно из этого принципа. Будучи англофилом, он был убежден, что у России и Англии нет противоречий в интересах по отношению к Османской империи (См.: Внешняя политика России XIX и начала XX в. Сер. I. Т. I–VIII. М., 1960–1972. Т. I. С. 68–72).

² Кочубей Виктор Павлович (1768–1834) — князь, российский государственный деятель и дипломат, почетный член Петербургской АН. Член Тайного совета. В 1802–1807 и 1819–1823 гг. — министр внутренних дел. С 1827 г. председатель Государственного совета и Комитета министров.

³ Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. Т. I. СПб., 1896. С. 244.

⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX в. Т. I. С. 54.

⁵ Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Otomane. Vol II. Paris, 1900. P. 47–48.

И в течение следующих лет Россия защищалась от распространения французского влияния на Востоке путем укрепления союзнических отношений с Портой. Особую причину для того она видела в предложении Наполеона, направленном в Петербург через посла России в Париже графа А. М. Моркова, о совместном разделе Османской империи. Полученное предложение вызвало в столице России тревогу, вследствие чего правительство запретило Моркову в своей деятельности касаться вопроса о возможном разделе Турции. Одновременно расширением договорных отношений она пыталась укрепить свои позиции в Османской империи.

Хотя новый русско-турецкий договор от 12 / 24 сентября 1802 г. касался статуса Валахии и Молдавии, а его подписание мотивировалось тяжелым положением христианского населения в Дунайских княжествах, для России это был очень важный шаг в направлении усиления своего влияния как в них, так и на Балканах в целом. Положениями этого договора были отменены налоги, введенные в Валахии и Молдавии после 1773 г. По дополнительной статье подписанного ранее хатт-и-шерифа, их правители не могли меняться без одобрения русского правительства. Хотя статьями договора было улучшено юридическое и имущественное положение крестьянства, для народа Валахии и Молдавии он оказался все-таки паллиативным решением, которое не позволяло более существенно изменить положение ни в одном, ни в другом княжестве¹.

Поскольку договором, заключенным с Россией, была недовольна и часть турецкого руководства, Франция попыталась усилить это недовольство и повлиять на Порту, чтобы она расторгла русско-турецкий договор о союзе. Действуя через своих специальных посланников, Наполеон зашел так далеко, что попытался даже, как сообщал из Константинополя российский дипломатический представитель А. Ю. Италинский, подтолкнуть Турцию к войне с Россией². Одновременно французское правительство разрабатывало планы территориального расширения за счет Османской империи. Особое место в этих планах занимал Балканский полуостров. Французские агенты были отправлены в Молдавию и Валахию, Албанию, Морею, Грецию, Черногорию. В своей пропаганде они использовали «демократическую фразеологию» и обещали независимость балканским народам.

В стремлении остановить распространение французского влияния и сохранить территориальную целостность Турции, в политических кругах Петербурга разрабатывался, в частности, и проект автономии

¹ Восточный вопрос во внешней политике России... С. 54.

² Внешняя политика России XIX и XX начала в. Т. I. С. 360, 383.

христианских народов на Балканах в рамках Османской империи. Русская концепция политических автономий подразумевала сюзеренитет султана при одновременном покровительстве русского императора — в соответствии с примерами, уже существовавшими на практике в Валахии и Молдавии, а позднее и в Республике семи островов. На аналогичные принципы опирались и планы переустройства Балкан А. А. Чарторыйского, а также более поздний план Петра I Петровича Негоша о создании славяно-сербского государства, который возник под русским влиянием¹.

Чарторыйский с осени 1802 г. находился на должности помощника министра иностранных дел России А. Р. Воронцова, а в 1804–1806 гг. руководил работой министерства. Он разработал принципы указанной стратегии, согласно которым для остановки французской экспансии следовало предотвратить возможные антитурецкие восстания, которые были бы следствием народно-освободительных движений, вдохновленных идеями революции. Эти восстания были бы на руку Наполеону и могли бы привести к крушению Османской империи. Чтобы этого не случилось, нужно было, путем давления на Порту, влиять на улучшение положения балканских народов. Таким образом, кроме противодействия политике Франции, открывалась возможность и для расширения русского влияния среди христианских народов в Турции. Наряду с Республикой семи островов, и результаты, достигнутые в улучшении положения Дунайских княжеств, подтвержденные соглашением 1802 г.², по которому местному дворянству обеспечивалась некоторая степень самостоятельности, являлись наглядными примерами политической деятельности в этом направлении.

В российской историографии указывается, что Чарторыйский в начале 1804 г. в нескольких письменных докладах Александру I предлагал положить конец завоеваниям Наполеона не только посредством тесного союза с Англией, но и путем проведения Россией более активной политики в Восточном и Балканском вопросах³. Кроме всего прочего, это подразумевало формирование новых полунезависимых государств на Балканах⁴. Более конкретное содержание таких проектов было представлено в начале 1806 г. Программа-максимум имела перспективный характер, исходя из возможного распада Османской импе-

¹ *Распоповић Р.* Русија и план Петра I Петровића Његоша о стварању славеносрпске државе на Балкану // *Распоповић Р.* Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. С. 133–159.

² См.: Восточный вопрос во внешней политике России... С. 54.

³ Внешняя политика России XIX и XX начала в. Т. I. С. 687.

⁴ *Аншаков Ю. П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856). М., 1998. С. 120.

рии и подразумевая создание отдельных полунезависимых балканских государств под верховной властью и покровительством России. Это относилось к Сербии, Герцеговине, Албании, Македонии, Черногории. Программа-минимум, считавшаяся более реалистичной, имела более узкий характер. Она не ставила под вопрос территориальную целостность Османской империи, а к ее реализации можно было приступить в ближайшее время. Она исходила из сохранения турецкого сюзеренитета и установления покровительства России в тех же странах по модели, которая уже существовала в Республике семи островов¹.

Чарторыйский оценивал, что реализация данного проекта предотвратила бы дальнейшее наступление армии Наполеона вглубь Османской империи или аннексию части ее территории. Кроме того, его осуществление помешало бы Франции использовать свои позиции на Адриатическом море — с целью нападения на Республику семи островов, Морею (Пелопонес) или Египет.

Включенная в политические планы как русского, так и французского правительств, Порты уделила большее внимание отношениям с Россией, а не двучленным предложениям Наполеона, соблюдая и далее русско-турецкий договор о союзе. С другой стороны, и царское правительство продолжало политику по обеспечению территориальной целостности Турции. Развитие ситуации в Европе, т. е. повторное сближение России с Англией, послужившее основой для Третьей антифранцузской коалиции, было на руку такой политике. Безуспешность попыток получить от Франции гарантии территориальной целостности Турции и франко-английская война, которая началась в мае 1803 г., только усилили ее. Базой нового русско-английского сближения являлась необходимость защитить Европу и Ближний восток от французского завоевания и сохранить территориальную целостность Османской империи. На эти принципы опирался проект соглашения по Восточному вопросу, который русское правительство направило британскому в феврале 1804 г. Предложения Петербурга исходили из необходимости сохранить Республику семи островов, улучшить положение греческого народа, подтвердить право России на покровительство над христианским населением в Турции, тогда как Англия должна была получить Мальту как свою морскую базу в Средиземноморье².

Развитие событий, однако, все больше вело к обострению франко-русских отношений. Взаимная подозрительность сопровождалась строгим контролем за военными приготовлениями противной стороны. Так, в ответ на увеличение концентрации французского флота в Адриатическом море, Россия увеличила численность своих войск на Иони-

¹ Там же.

² Внешняя политика России XIX и XX начала в. Т. I. С. 639–640.

ческих островах. Это вызвало дополнительное ухудшение французо-русских отношений, что, в конечном счете, привело к демаршу Наполеона, в результате чего в сентябре 1804 г. официальные отношения между двумя странами были прерваны. Поскольку было очевидно, что после разрыва дипломатических отношений между Францией и Россией главные события будут происходить в Европе, русское правительство начало усиленно разрабатывать планы ведения войны против Наполеона, особенно на Балканах. Значительное место в этих планах, как мы увидим, занимала Черногория.

Накануне русско-французской войны важным вопросом оказалось отношение Османской империи к обеим сторонам. В Петербурге были заинтересованы в дружеском нейтралитете и поддержке Порты. Особое место в двусторонних отношениях занимала проблема проливов. Еще в начале 1804 г. Россия требовала, чтобы Турция закрыла проливы для французских военных судов. В переговорах, начавшихся в декабре того же года о новом соглашении между Россией и Турцией, которое имело выраженный антифранцузский характер, вопрос проливов занял центральное место. Он определил и содержание договора, подписанного в сентябре следующего года.

Новый русско-турецкий союзный договор был подписан 23 сентября 1805 г. Кроме 15 открытых статей, он содержал и 10 секретных. Согласно договору, Турция разрешала русским военным судам свободный проход через Босфор и Дарданеллы. Подтверждалось и право на покровительство России над христианским населением в Османской империи. Секретные статьи договора касались положения балканских народов. России признавалось право на продолжение оккупации Ионических островов. Черное море провозглашалось закрытым для всех иностранных военных кораблей, т. е. фактически внутренним «русско-турецким бассейном». Режим судоходства был под их контролем и любая попытка военно-морских сил иных государств войти в него рассматривалась как *casus feodoris*, т. е. давала право сторонам, заключившим договор, совместными действиями на море помешать этому и обеспечить свою безопасность¹.

Русско-турецкий договор 1805 г. был одним из самых краткосрочных в истории международных отношений. Изменение политической ситуации в Европе после поражения Третьей антифранцузской коалиции под Аустерлицем способствовало существенной коррекции характера русско-турецких отношений. В Константинополе вести о победе французов под Аустерлицем были восприняты как шанс для освобождения от русского давления и способ вернуть часть территорий, которые в конце XVIII в. перешли под власть России. Кроме того, в резко

¹ Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 4–5.

усилившей свои военно-политические позиции в Европе и на Ближнем востоке Франция Турция могла найти сильного союзника — необходимого ей из-за тяжелого внутреннего положения и усиления национально-освободительных движений балканских народов.

Уже в январе 1806 г. султан Селим III признал Наполеона императором, направив ему письмо с выражением дружеских чувств¹. Одновременно турецкое правительство начало высказывать недовольство в связи с проходом русских военных судов через проливы, сначала требуя от дипломатического представителя России в Константинополе А. Я. Италинского сократить их число, а затем направив официальное требование об этом царскому правительству. Осенью 1806 г. проливы были окончательно закрыты, со ссылкой на боязнь французского возмездия. С прибытием нового дипломатического представителя Франции генерала Ф. Себастиани в Константинополь, началась работа по восстановлению связей между Францией и Турцией против России.

Турция нарушила свои обязательства по договору с Россией не только в вопросе проливов, но и мерами, предпринятыми в Валахии и Молдавии — она самостоятельно сменила там прежних князей. По этой причине дипломатический представитель России в конце 1806 г. покинул Константинополь. Вскоре началась русско-турецкая война, которая с перерывами длилась больше пяти лет.

Этим завершился период русско-турецких отношений, в рамках которого задача внешней политики России заключалась в том, чтобы посредством союза с Османской империей сохранить ее территориальную целостность и защитить от агрессии Наполеона. России это удалось, кроме всего прочего, и с помощью политических и военных мер, составной частью которых были успешные действия ее флота в Средиземноморье в целях предотвращения французской экспансии на Балканы. Такой политикой она продемонстрировала свою реальную силу, укрепив тем самым авторитет у христианских народов Османской империи, и предотвратила вторжение французского флота в Черное море.

Такая направленность внешнеполитической деятельности России имела и свою обратную сторону. Борясь за сохранение территориальной целостности Турции, она должна была сдерживать национально-освободительные стремления балканских народов, что вызывало непонимание в отношениях с отдельными славянскими областями, которое более всего проявилось по линии Россия — Черногория. Отсутствие поддержки народно-освободительным стремлениям черногорцев со стороны России и намеки черногорского митрополита на то, что он может обратиться за ней к Франции, вызвали кризис, который перерос в конфликт, имевший широкий международный отклик.

---

¹ Восточный вопрос во внешней политике России... С. 58.

3. Обстановка в Черногории в начале XIX в. и ее деятельность по укреплению независимости

В период великих искушений на европейской политической сцене в конце XVIII — начале XIX в. и Черногория переживала судьбоносный момент своей истории. Значимость внутривосточных событий, произошедших в конце XVIII в., и важное геополитическое положение вовлекли страну в европейскую драму, тесно переплетая ее историю с историей Европы.

Благодаря позитивным результатам исторического наследия XVIII в., а особенно успехам в борьбе против турок, достигнутым в его последнее десятилетие, политическая роль Черногории с наступлением XIX в. значительно изменилась. Тот факт, что со времени сражений при Мартиничах и Крусах в 1796 г. она фактически более не являлась составной частью Османской империи, в корне изменил ее международное положение и определил новое развитие внутренних и внешних отношений в первые десятилетия XIX в.

Исключительный военный и политический успех черногорцев и брдчан¹, завоеванный этими историческими победами, особенно в битве при Крусах, где был убит командующий османскими частями скадарский визирь Махмуд-паша Бушатли, которого, как изменника Порты, армия султана дважды не смогла победить², по праву поднял их боевой дух и еще больше разбудил народно-освободительный энтузиазм³.

¹ Названием «Черногория и Брда» обозначаются четыре нахии: Катунская, Риекская, Црницакая и Лешанская и семь племен: Белопавличичи, Пиперы, Братоножичи, Кучи, Васоевичи, Ровци и Морача. К Герцеговине относились Грахово, Баняне с окрестностями, Никшич с окрестностями, Дробняки, Ускоки, Пива и Шаранци.

² Ранний успех Махмуд-паши в боях с черногорцами, когда он со своим войском в 1785 г. дошел до Цетинья, льстил его самолюбию и укрепил его авторитет в Албании. Послав рапорт о покорении черногорцев, он приступил к реализации своих дальнейших планов по подчинению своей власти средней и южной Албании. Стремясь воплотить свои замыслы, он вступил в конфликт с правительством в Константинополе. В конце 1785 г. султан издал хатт-и-шериф против Махмуда, в котором беглербегу Румелии приказывалось «арестовать взбуйствовавшего скадарского пашу и лично направить его в Константинополь». Весной 1787 г. турецкое правительство официально заявило, что приняло решение уничтожить Махмуд-пашу и сухопутными войсками с севера и с юга покорить Албанию, сделав это при содействии флота, задачей которого была морская блокада албанских портов. Военные операции османских войск начались в конце того же года (См.: Историја Црне Горе. Књ. III. Т. I. Титовград, 1975. С. 427–429).

³ Победный энтузиазм отразился и в послании, которое в октябре 1796 г. было направлено австрийскому, а вероятно, и русскому императорам. В нем подчеркивалось значение Черногории и ее независимое положение по отношению к Османской империи. Однако, в этих посланиях, также как и позднее — в народных преданиях, успехи черногорцев, порой, преувеличивались.

Благодаря этим победам, Черногория вошла в европейскую историю как политико-географический субъект, независимый от Порты¹.

Перечисленные события были переломными не только в смысле международного утверждения Черногории, но и с точки зрения ее внутреннего развития и объединения с частью Брды (племенами Пиперов и Белопавличей). Свободная территория и достигнутая степень внутреннего единства сделали возможным начало процесса формирования органов центральной власти, т. е. создание институтов государственности.

На скупщине в Станевичах 18 октября 1798 г. было избрано Правительство суда черногорского и брдского и принята первая часть «Законника общего черногорского и брдского», известного как Законник Петра I².

Законник Петра I, с учетом областей, на которые он должен был распространяться, представлял собой правовой кодекс³. Он являлся юридической базой для общественной жизни в целом, а его главной целью — путем развития государственной власти (судебной и административной) — были ликвидация родоплеменной анархии и обеспечение условий для функционирования институтов центрального управления⁴. Только с принятием *Законника* владыки Петра I, Черногория, «хотя и рудиментарно, представляется за границей не как совокупность племен, в которых господствует безвластие», а как «территориально единое государство, в котором личная и имущественная безопасность есть главная юридически гарантированная ценность»⁵.

¹ *Павићевић Б.* Нови подаци о биткама на Мартинићима и Крусима. С. 160.

² На этой Скупщине Законник был принят не целиком, а только его первая часть (1–16 статьи). Все остальные положения Законника, т. е. статьи 17–33 будут приняты пять лет спустя на Скупщине черногорских старейшин 17 августа 1803 г. Поэтому годом его окончательного принятия и считается 1803 г., когда были подтверждены первые 16 статей и одобрены 17 новых... Первым такст Законника опубликовал А. Н. Попов (См.: *Попов А. Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847), а затем А. Медакович (См.: *Медаковић А.* Повјестница Црне Горе. I). Из остальных изданий упомянем: Сборник судебных закона, наредба и међународних уговора по судској струци за Краљевину Црну Гору. Цетиње, 1912. С. 5–23; *Петровић Р.* Законик Петра I владике црногорског, историјскоправна расправа // Записи. Књ. IV. Св. 3–6.

³ Хотя в формально-правовом смысле речь шла об одном правовом акте, делались попытки с его помощью урегулировать различные области общественной жизни (административная и судебная власть, семейные, имущественно-правовые, наследственные и другие отношения).

⁴ Ни внутренний мир, ни политическая независимость Черногории не могли быть достигнуты без ликвидации кровной мести, гарантирования защиты личной жизни и частной собственности индивида, запрета на самосуд.

⁵ *Стојановић П.* Настајање међународноправног субјективитета Црне Горе // Анали Правног факултета у Београду. Београд, 1977. Јул – август. С. 487–488.

Для оформления процесса становления черногорской государственности только законодательных мер было недостаточно. Не меньшее значение, чем достигнутое согласие относительно базовых общественных ценностей, которые должен был защищать нормативный порядок, имело учреждение соответствующих органов государственной власти, уполномоченных осуществлять основные цели Законника. Первым важным шагом в этом направлении и было избрание Правительства суда черногорского и брдского. Его члены избраны на скупшине с Станевичах (1798) в тот же день, когда принята первая часть Законника¹.

Правительство суда черногорского и брдского представляло собой первое учреждение, имевшее атрибуты государственного органа. Оно вершило, главным образом, судебную власть, но осуществляло и некоторые виды административной власти². Характер вновь сформированного органа лучше всего выражало его название. Это были одновременно и правительство (одно из значений этого слова) и суд, полномочия которого распространялись на территорию Черногории и Брды. Предусмотренный уровень власти вновь учрежденного верховного органа подразумевал не только территориальное и функциональное объединение всей этой территории, но и обязательность подчинения его решениям для всех нижестоящих институтов, особенно на племенном уровне.

Установление власти Правительства способствовало «формированию сознания о единстве государства, о порядке и мире, которые должны в нем наличествовать»³. Процессы формирования государства, начавшиеся в такой форме, неминуемо сталкивались с закрытостью племенных общин. Сам факт, что Правительство суда черногорского и брдского в 1798–1803 гг. трижды избиралось⁴ и подтверждалось, гово-

---

¹ В сентябре следующего года члены суда принесли присягу, что «судить будут праведно, без издоимства, по закону» (Никчевић Т. Политичке струје у Црној Гори у процесу стварања државе у XIX веку. Цетиње, 1958. С. 45).

² Павичевић Б. Стварање црногорске државе. С. 109. Судебная функция все-таки преобладала, ибо «в Черногории так и должно было быть из-за бытовавшей кровной мести, которая более всего препятствовала развитию государственных и общественных институтов».

³ Там же.

⁴ Правительство выбиралось по племенному принципу и состояло из старейшин племен. Неизвестно точно число «чиноначальников», оказавшихся в Правительстве при первых выборах. Во время вторых выборов на Скупшине 3 сентября 1799 г. было решено выбрать 50 «чиноначальников». То же число членов Правительства подтверждено и решением Скупщины старейшин Черногории и Брды 6 августа 1803 г. (См.: Црногорске исправе XVI–XIX вијека. Уредили Т. Никчевић и Б. Павичевић. Цетиње, 1964. С. 84). Когда Правительство выполняло функцию суда, то роль председателя иногда брал на себя владыка Петр I. Когда он отсутствовал, его заменял губернатор Радонич. Правительство имело свою канцелярию, известную под названием «Народная кан-

рит о междоусобной борьбе «элементов государственной власти с элементами племенной жизни»¹. Тем не менее, благодаря его учреждению и деятельности, был заложен фундамент будущего государственного порядка, т.е. развития центральных органов власти².

За всеми этими процессами, в качестве особого «института», стоял владыка — верховный правитель страны. Он олицетворял собой духовную и светскую власть в Черногории. Авторитет этих обеих ветвей власти соединялся в его достоинстве именно благодаря тому, что он представлял главную моральную силу в проведении начатых реформ. По существу, церковное достоинство, которым он располагал, как митрополит Черногорско-приморской митрополии, позволяло ему принимать меры для учреждения органов светской власти. Таким образом, определенные черты теократической системы в политической практике Черногории присутствовали, но до конца она не была введена. Поэтому институт «главы государства» не сопровождался адекватными мерами государственного принуждения, хотя его никак нельзя назвать незначительным³. Оценки, встречавшиеся ранее в историографии, будто институтам, сформированным Петром I, никак нельзя приписать атрибуты «насильственной государственной власти», были опровергнуты резуль-

---

целярия». По некоторым сведениям члены Правительства получали за свою работу определенное материальное вознаграждение, за счет штрафов, которые взымались по решению суда.

¹ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С. 112.

² Подлинному значению Правительства дал оценку и сам владыка в письме к губернатору и правителям Негушей от 19 мая 1828 г. В письме, в частности, говорится: «Если бы не было этой тяжелой работы то, только Богу известно, сколько бы катулян и брдчан погибло и в земли турецкие сбежало, и сколько бы бед и несчастий для обеих сторон непрестанно совершалось, из-за которых путешественник не может путешествовать, купец — торговать, пастух — пасты скот, работник — работать, бедняк — ходить на базар, чтобы прокормиться, разгружая товар или делая что-то еще» (Документи из архиве црногорског гувернадура // Историјски записи. 1950. Књ. VI. С. 324–325).

³ Петр I, особенно в устном предании, упоминается как правитель, который воздействовал прежде всего авторитетом слова и таким образом решал все спорные вопросы внутреннего порядка. Но известны и иные примеры поведения правителя, хотя они упоминаются реже. Так, например, русский историк Броневский в своих «Записках морского офицера» пишет, что владыка имел вооруженную свиту. Хотя в них не приводятся примеры того, как ее использовали, чтобы сломить сопротивление установлению государственной власти, такие случаи в несколько ином виде имели место. Владыка организовывал «походы», когда оценивал, что необходимо наказать виновников. В литературе упоминается поход на доняков в 1804 г., и еще более характерный случай налета на села Дола Пешивацкого, который по приказу Петра I совершили черногорские старейшины со своей вооруженной охраной (См: *Броневски В.* Записи о Црној Гори и Боки. Цетиње-Подгорица, 1995. С. 111–113; *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С. 174)

татами последующих исследований¹. Это подтверждают документы, сообщающие о смертных казнях, приговор о которых вынес в 1801, 1803, 1807, 1811 гг. владыка Петр I. Но все-таки такие случаи были редки и не являлись преобладающим видом «государственной практики» при урегулировании внутреннего положения в стране. Наоборот, деятельность владыки гораздо больше опиралась на ненасильственные средства: «Всякий раз, когда возникал какой-нибудь спор между племенами, он обычно посылал свои знаменитые послания, в которых призывал черногорцев жить в мире и согласии, упрашивал, умолял и заклинал их прекратить междоусобицы»². Хотя такой метод правления производил впечатление определенной архаичности, поведение владыки более всего способствовало внутреннему порядку и миру в стране³.

Урегулирование внутреннего положения и высокая степень народного единства, достигнутая мерами законодательного и судебного характера, были особенно заметны, когда речь шла об обороне страны. В этом смысле большинство исследователей согласны в том, что прежде неединство было преодолено в той мере, что все «готовы были подняться на защиту своей страны и скорее погибнуть, чем признать над собой чужое господство»⁴. Благодаря таким результатам во внутренинеполитической жизни, владыка в отношениях с внешним миром воспринимался как правитель Черногории. Хотя политическое значение губернаторов (гувернадуров) из семьи Радоничей сохранялось, Петр I практически самостоятельно проводил ее внешнюю политику, выступая перед официальными иностранными представителями в функции «главы государства», что и во внешнеполитическом плане способствовало легитимации начавшихся процессов формирования государства.

Процессы национального освобождения, целью которых являлось свержение османской власти, и которые вели к созданию в Черногории государства в современном значении этого понятия, развивались,

---

¹ Так, например, Т. Никчевич утверждает, что Петр I «через свои государственные учреждения и через людей, занятых в них, действовал, применяя насилие, если не сказать больше» (*Никчевич Т.* Политичке струје у Црној Гори у процесу стварања државе у XIX вијеку. С. 49).

² *Павићевич Б.* Стварање црногорске државе. С. 128. При отсутствии завершенной и целостной структуры управления, митрополит часто выполнял функцию главы государства, причем не складывалось впечатления, что речь идет о первом человеке государства, в руках которого сосредоточена самая большая власть.

³ П. А. Ровинский даже констатирует, что «работая так день и ночь на благо народа, он без каких бы то ни было крутых мер и какого бы то ни было насилия и принуждения добился полного спокойствия в стране — во всех ее краях» (*Ровински П. А.* Црна Гора у прошлости и садашњости. Т. I. С. 438).

⁴ Там же.

таким образом, при решающей роли церкви. Значение этого фактора мы выделяем особо, поскольку Цетинская митрополия не только находилась в центре общественного развития черногорцев, но и сыграла решающую роль в сохранении их духовной сущности и моральных ценностей, заимствованных, в основном, из духовных и государственно-правовых традиций сербского средневекового наследия.

Второй важный фактор для процессов национального освобождения и государственного развития — это влияние России. Хотя его значение, с установления политических отношений между двумя странами в 1711 г., и было постоянным, интенсивность его проявлений в отдельные периоды черногорской истории оказалась различной. Изменения были обусловлены разными обстоятельствами — внешними или внутренними, связанными с тем или иным государством, — а зависели от характера взаимоотношений, степени достигнутого доверия, конкретных политических интересов. Только в период владыки Петра I было несколько критических ситуаций в политических отношениях Черногории с российским двором. Вылившись в форму политических конфликтов, эти кризисы, тем не менее, не повлекли за собой глубоких последствий, касающихся отношений между двумя странами.

Родственные чувства, которые черногорцы испытывали к «единородному и единоплеменному народу» православной России, вера в силу и могущество Российской империи, которую прежние правители из династии Петровичей возвысили до масштабов культа, неизменно считались залогом выполнения поставленных задач освободительной борьбы.

Именно такое, в известном смысле мифическое, отношение черногорцев к России и безграничная вера в ее мощь, а с другой стороны — интерес России привлечь к себе Черногорию, влияли на то, что нестабильность, возникающая в их отношениях, относительно быстро преодолевалась, и сохранялся высокий уровень политической близости и взаимного доверия. Состояния такого рода были особенно характерны для XVIII в. Одной из таких критических ситуаций была высылка владыки Петра I из России, куда он прибыл после рукоположения в митрополиты в Сремских Карловацах, о чем мы уже упоминали. Это было недоразумение, которое, не оставив глубоких следов в политических отношениях двух стран, было, тем не менее, очень неприятным и для народа в Черногории, особенно из-за положения, в каком она тогда находилась.

Вернувшись из России в Черногорию в феврале 1786 г., Петр I стал страну в тяжелом положении. Пока владыка Петр был за границей, скадарский паша Махмуд в 1785 году напал на Черногорию¹.

¹ Во время пребывания владыки Петра I в России (1785) произошло давно ожидаемое нападение турок на Черногорию. Махмуд-паша с войском в 18.000 человек разбил черногорские силы, насчитывающие всего 2.000 человек, под

В стране царили нищета, голод и разорение. Кроме того, Черногория была в одиночестве, без какой-либо помощи из России, Австрии или Венеции. Казалось, что «век, который начался с пробужденной надежды и великой мечты об освобождении и возрождении погибшего царства после призыва русского царя Петра Великого, после всех взлетов и падений, завершается окончательным крахом»¹. Горький опыт первых миссий при русском и австрийском дворе, тем не менее, не смутил неопытного и мало известного владыку. Это, напротив, укрепило его уверенность, что опорой для своей политики впредь нужно искать не в Вене или в Петербурге, а в своем собственном народе. Осознавая значение единства черногорских племен, владыка Петр I все-таки не верил, что время безграничной преданности и веры в Россию безвозвратно прошло. Наоборот, потребность в сотрудничестве по-прежнему присутствовала и с одной, и с другой стороны. Что лучше всего подтвердили последующие события.

Когда в 1787 г. началась новая русско-турецкая война, в которую в следующем году включилась и Австрия, в Петербурге опять, как и во время прежних войн, решили призвать черногорцев и другие балканские народы поднять восстание. В императорской грамоте, которую им в связи с этим направила Екатерина II, в качестве цели войны определялось «освобождение христианского народа от ига агарянского». Их призывали к совместной борьбе против Турции и обещали «всевозможную помощь»². В Черногорию были посланы офицеры, чтобы помочь в организации отрядов добровольцев и одновременно предотвратить усиление влияния Австрии, стремившейся привлечь христианское население на свою сторону. Забыв об обиде, нанесенной их митрополиту, и о том, что их оставили одних накануне турецкого вторжения, черногорцы приняли участие в войне, совершая партизанские акции и диверсии против турецких сил. Однако, когда война закончилась, они не получили ни от России, ни от Австрии никакой сатисфакции. Обмануты были и их ожидания, что интересы Черногории будут защищены в мирных договорах. Только Австрия включила в текст мирного договора, подписанного с Османской империей в Свиштове, положение об амнистии подданных султана, которые участвовали в военных действиях союзников. Этого было, конечно же, недостаточно, чтобы уменьшить

командованием губернатора Радоница. 23 июня османское войско вошло в Цетинье. Цетинский монастырь был разорен и подожжен. Страна была подвергнута опустошению, а много мужчин, женщин и детей убито. Раздор и разобщенность, которые скадарский паша вызвал среди черногорских племен, предварительно прибегнув к подкупу, делали военную победу османских сил еще более значительной.

¹ *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе. 1711–1918. С. 120.

² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XIX в. М., 1984. С. 334–336.

разочарование и недовольство Черногории политикой как России, так и Австрии.

Но, несмотря на переживаемые время от времени разочарования, Россию в Черногории неизменно считали важнейшим фактором, в поддержке которого можно было сомневаться, но без которого нельзя было добиться освободительных целей — укрепления государственности, приобретения независимости, территориального расширения и выхода к морю.

Используя политический опыт своих предков, владыка Петр I также считал Россию важнейшим внешним фактором в деле строительства государства и приобретения Черногорией полной независимости. То, что «русскому фактору» придавалось почти иррациональное значение, видно уже в его первых обращениях к царскому правительству в Петербурге после побед при Мартиничах и Крусах. В них, без реальных политических оснований, излагаются просьбы принять черногорцев в «однoderжавие с Россией», ввести в Черногории российские «законы, налоги, основать школы», т. е. принять черногорцев и брдчан, освободившихся от турецкой власти «под высокославную императорскую защиту»¹.

Могло бы показаться, что эти просьбы слишком уж мало связаны с реальностью и являются праздною риторикой, однако, фактом остается то, что победы черногорцев при Мартиничах и Крусах сильно «возвысили имя черногорское» в общественных кругах почти всех европейских стран, включая Россию, и что к ним внимательно прислушивались в европейских кабинетах. Это сильнее, чем прежде, скорректировало политику царского правительства в Петербурге в сторону Черногории². С другой стороны, и у черногорцев (особенно у их владыки) возобладали уверенность, что они смогут сохранить результаты, достигнутые при Мартиничах и Крусах, как и осуществить «более крупные предприятия», только если русское правительство согласится оказывать Черногории более энергичную материальную и политическую поддержку³. Мысль о том, чтобы поставить Черногорию под «высокославную протекцию», т. е. чтобы Екатерина II приняла ее в «однoderжавие», и чтобы в стране был введен «государственный порядок», открыты школы, организованы рынки, началось использование полезных ископаемых, была главным пунктом «политической программы» черногорского владыки.

¹ Павићевић Б. Политика Павла I према Црној Гори // Гласник Цетинских музеја. Цетинье, 1970. Бр. 3. С. 9–12.

² После победы при Мартиничах императрица Екатерина II наградила владыку Петра I панагией, украшенной драгоценными камнями. Черногорский владыка получил подарок 8/19 сентября 1796 г. накануне второй битвы черногорцев против Махмуд-паши. Это, без сомнения, повлияло на поднятие боевого духа воинов.

³ Павићевић Б. Политика Павла I према Црној Гори... С. 11–12.

Для осуществления этого замысла были предприняты и непосредственные политические шаги. Представлять интересы Черногории при российском дворе, в связи с вопросом ее формирования как государственного субъекта «под русской протекцией», попросили вице-канцлера Ивана Андреевича Остермана. Однако, после смерти Екатерины II Остерман потерял прежнюю должность, и тогда с той же целью был привлечен Никола Чиркович, т. е. Никола Давидович-Црноевич¹.

Новый российский император Павел I проявил большую заинтересованность в укреплении позиций своей страны в Черногории, стремясь, чтобы при этом не были поставлены под угрозу интересы Австрии и Турции. И все-таки российский двор не мог рассматривать просьбы владыки Петра I о принятии Черногории под покровительство России. Однако, интерес русской политики к сохранению и упрочению своего влияния в Черногории, особенно после крупных побед при Матриничах и Крусах, обеспечил успех деятельности Николы Давидовича.

В сентябре 1797 г. Давидовича принял русский царь. Решение Павла I наградить владыку Петра I орденом Александра Невского, а пятнадцать самых уважаемых старейшин золотыми и серебряными медалями было выражением новой благосклонности России к Черногории. Кроме того, черногорцам была послана царская грамота, а Петру I — письма от царя и государственного канцлера. После неудач, пережитых им в отношениях с Россией при Екатерине II, получение высокой русской награды было не только поощрением для митрополита Цетинской митрополии лично, но и признанием для Черногории. Уже тот факт, что все эти выражения поддержки Петру I, как верховному правителю, поступили непосредственно перед проведением Скупщины в Станевичах в 1798 г., где был принят Законник общий черногорский и брдский и избрано Правительство суда черногорского и брдского, говорит о влиянии их на продолжение начатого в стране процесса формирования государственности.

В этом смысле особенно важным является содержание грамоты Павла I черногорским старейшинам от 30 апреля 1798 г., в которой выражается императорская благосклонность и дается подтверждение дальнейшего покровительства над «черногорским и брдским славяносербским обществом»². Поддержка России не только укрепила позицию владыки, как самой влиятельной политической личности, но и создала более благоприятную внешнюю обстановку для проведения процесса централи-

¹ Деятельность Давидовича, — ставшего представителем владыки в Петербурге, — по восстановлению русского влияния в Черногории была особенно важной в течение последних лет XVIII в.

² Политические и культурные отношения России с южнославянскими землями... С. 337.

зации власти, особенно в условиях, когда после падения Венецианской республики Черногория получила нового соседа в лице Австрии, экспансионистские планы которой были гораздо опаснее, чем давление, которому она до тех пор подвергалась со стороны венецианцев.

Поскольку в условиях больших надежд, возлагаемых на Россию, все еще длилась миссия Давидовича, то, по решению общечерногорского сбора от 19 / 30 мая 1798 г., в Петербург был направлен «специальный посланник» архимандрит Стеван Вучетич. Главной задачей его миссии было «ведение переговоров с царским русским правительством по важнейшим вопросам Черногории и о ее дальнейших отношениях с Россией»¹. Речь шла о просьбе установить открытое покровительство России над Черногорией, т. е. об уже упомянутой идее «расширения» ее «государственного суверенитета»². Хотя эти просьбы не могли быть удовлетворены даже в более мягкой форме, поскольку это вызвало бы недоразумения с османским и австрийским дворами, результатом этой миссии Вучетича оказалось другое важное решение императора Павла I, имевшее большое значение для процесса становления государства. Речь идет о царском рескрипте от 11 января 1799 г., на основании которого Черногории выделялась ежегодная помощь в 1.000 червонцев, которая должна была выплачиваться, начиная с 1 января 1799 г.³ Законная заинтересованность народа Черногории в независимости и строительстве своего государства приобретала через решения российского двора определенную политическую легитимность. И не только это — содержание второго из указанных решений означало значимую материальную поддержку дальнейшему развитию процесса государственного оформления, т. е. введения в стране механизмов государственной власти⁴.

В грамоте Павла I от 11 января 1799 г. императорский двор, кроме выделения денежной помощи, взял на себя и обязательство по защите интересов Черногории, посредством своих дипломатических представителей в Константинополе и Вене. В грамоте давались и особые гарантии защиты Черногории от французов. В документе содержались заверения, что ей не угрожает никакая опасность, поскольку русский флот находится в Средиземном море — «в целях действий против народа, который всегда стремится уничтожить законный порядок и наносит вред христианской вере»⁵.

¹ Павићевић Б. Политика Павла I према Црној Гори... С. 25; Вуксан Д. Црна Гора у 1804. години // Записи. 1939. Књ. XXII. С. 202–204.

² Политические и культурные отношения России с южнославянскими землями... С. 379–387.

³ Там же. С. 386.

⁴ Тысяча русских золотых червонцев равнялась 3.000 русских рублей или 4.000 австрийских флоринов.

⁵ Политические и культурные отношения России с южнославянскими землями... С. 387.

Тот факт, что обещания императора, содержащиеся в грамоте, не носили чисто декларативного характера, подтверждает и то, что тогда же, 11 января 1799 г., особым царским рескриптом русскому посланнику в Вене А. К. Разумовскому были выданы инструкции, касающиеся защиты интересов Черногории, в связи с расширением австрийской власти в Далмации. Под той же датой направлен и рескрипт чрезвычайному посланнику в Константинополе В. С. Томари с приложением копий рескрипта Павла I А. К. Разумовскому и его грамоты черногорцам. Затем ему было отправлено и письмо вице-канцлера В. П. Кочубея, посланное владыке Петру I 18 января 1799 г., дабы он согласовал свое поведение в Порте с основным содержанием этих документов. Русское правительство при этом выражало уверенность, что османская политика по отношению к Черногории не будет «такой жестокой, как ранее», и турки не будут больше «притеснять народ черногорский», а представителю России было предписано «дружеским участием, в случае необходимости, выступать в пользу этого народа»¹.

Однако, изменения, которые произошли в России в начале 1801 г. в результате государственного переворота и вступления на престол Александра I, повлияли и на российскую политику по отношению к Черногории. Они были не столько связаны с личностью нового императора, сколько совпали с созревшим осознанием того, что на изменившиеся международные обстоятельства следует реагировать намного энергичнее. После смерти Екатерины II (в конце 1796 г.) и ускоренного подъема Франции при Наполеоне, позиции России не укрепились, несмотря на все шаги Павла I по изменению ее прежнего пассивного отношения к завоевательным походам французов. О серьезности ситуации, в которой Россия находилась в то время, говорило то, что французская армия, захватив Мальту и вступив в Египет, а затем и в Сирию, угрожала ее интересам на Черном море, т. е. грозила захватом Босфора и Дарданелл. Тем самым, вся политика России в отношении Средиземноморья и Балкан ставилась под сомнение. Чтобы этого избежать, царское правительство заключило с Портой вышеупомянутый договор, по которому русская и османская армии становились союзниками в борьбе против Наполеона. И именно в момент заключения договора о союзе между Россией и Османской империей, над Восточным вопросом, в результате завоеваний Наполеона, нависла опасность крайне неблагоприятного решения, которая повлияла и на отношение царского правительства к отдельным балканским областям, включая и Черногорию.

Таким образом, события на международной сцене вдвойне отрицательно отразились на ситуации, в которой оказалась Черногория.

¹ Там же.

И тогда, как, с одной стороны, русско-турецкий союз, по крайней мере, на некоторое время, приостановил традиционную русскую поддержку национально-освободительных стремлений черногорцев, касавшихся, главным образом, вооруженной борьбы и освобождения от османской власти и территориального расширения, так с другой — с исчезновением Венецианской республики в огне войн с Наполеоном, существенно изменилось международное положение Черногории. Вместо Венеции после 1797 г. ее соседом стало другое государство — Австрия, мощная европейская держава, присутствие которой на черногорских границах существенно ослабляло позиции Цетинья в деле реализации им задач освободительной борьбы и государственного строительства. Причины тому заключались в целях внешнеполитической деятельности Австрии, которые в принципе отличались от национально-освободительных задач Черногории или целей внешней политики России на Балканах, какими они были до заключения соглашения о союзе с Турцией.

Основой австрийской политики в связи с балканским вопросом были два варианта одного решения. Первый предполагал, что Австрия «займет западную часть Балканского полуострова, когда для этого сложатся благоприятные международные условия, а второй, — что там останется Турецкая империя, пока она сама не будет в состоянии этого сделать»¹. Очевидно, что ни один из них не создавал благоприятных условий для продолжения процесса национальной эмансипации и государственного становления Черногории. Аналогичную позицию венский двор занимал и по отношению к освободительным движениям в других балканских областях, или же к возможности создания крупного славянского государства на Балканах, о чем в начале XIX в. не раз говорилось в министерстве иностранных дел в Петербурге.

В такой ситуации, оказавшись между амбициозными завоевательными планами Вены, с одной стороны, и могущественной Османской империей, с другой, да к тому же после безуспешных обращений к России оказать ей существенную помощь, Черногория попыталась установить более близкие отношения с Францией². Если рассматривать общий расклад сил между великими державами в Европе и взаимоотношения России с Францией³, то такой шаг черногорских официальных лиц противоречил традиционным русским интересам на Балканах

¹ Чубриловић В. Међународни положај југословенских земаља концем XVIII и почетком XIX вијека // Југословенске земље и Русија у време Првог српског устанка 1804–1813. Београд, 1983. С. 5.

² Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 356.

³ После провозглашения Наполеона императором, вражда между Францией и Англией возобновилась — в 1805 г. против него была организована коалиция, в которую, кроме Англии и России, вошли еще Швеция, Австрия и Неаполь.

и, в особенности, политике покровительства, которую Россия проводила по отношению к Черногории. Новые направления внешнеполитической деятельности митрополита Петра I были неприемлемы для России, как из-за возможного военного союза черногорцев с французами в предполагаемых боевых действиях между русской и французской армиями, так и с точки зрения глобальных политических планов России, в случае нападения Наполеона на Османскую империю.

После заключения соглашения о союзе с Портой 1799 г., основной задачей России, в случае начала войны между Францией и Турцией, было использование всех средств для защиты государства, которому принадлежали Босфор и Дарданеллы¹. Если военный поход Наполеона все-таки невозможно будет остановить, и территориальная целостность Османской империи окажется под вопросом, то одно из компромиссных решений, которое касалось и Балкан, состояло в образовании полунезависимых государств из всех славян, населявших территорию от Боко-Которского залива до Сербии.

Имея в виду такие внешнеполитические планы России, о которых в Черногории ничего не знали, становится ясно, почему тесные связи митрополита Петра I с французами в поисках помощи освободительной борьбе черногорцев и брдчан, вызвали в Петербурге резкую реакцию. Она тем более понятна, если иметь в виду, что военные и политические успехи Черногории в последние годы XVIII в. (победы в битвах в 1796 г. и шаги по созданию первых органов власти, предпринятые в том же году) «способствовали тому, что Черногория возвысилась в европейской политике и воспринималась как реальный политический фактор»². В такой ситуации, не мирясь с возможностью потери важного форпоста своей внешней политики на Балканах, Россия восприняла весть о профранцузской позиции Цетинья как серьезный удар по международному престижу, в целом, и по ранее проводимой ею политике по отношению к Черногории, в частности.

4. Начало кризиса российско-черногорских отношений

Конфликт в российско-черногорских отношениях возник, когда в Петербург поступила первая информация о связях черногорцев с французами. Хотя эти известия были приняты там с оправданным удивлени-

¹ Управляющий министерством иностранных дел А. А. Чарторыйский — П. А. Строганову, 6 (18) февраля // Внешняя политика России XVIII и начала XIX века. Т. III. М., 1963. С. 54–56.

² Никчевић Т. Улога Црне Горе и митрополита Петра I у припремама и подизању првог српског устанка 1803–1804 // Југословенске земље и Русија у вријеме Првог српског устанка... С. 357.

ем, если учесть традиции взаимоотношений между Россией и Черногорией, появление таких связей вполне можно было ожидать.

По причине возросших антитурецких настроений в Герцеговине, Черногории и Албании (здесь несколько иного характера), избежать контактов их лидеров, в том числе и черногорского владыки Петра I, с агентами Наполеона, посланными во все страны мира, включая балканский регион, было практически невозможно. Кроме развитой агентурной сети, которая занималась пропагандой идей революции, а на самом деле готовила почву для реализации завоевательных планов Наполеона, и сами эти идеи, со своими основными посылами о возможном создании национальных государств и «разрушении» Османской империи, конечно же, были привлекательны для представителей славянских народов, находившихся под властью Турции. В этом смысле, естественно, их должны были с симпатией воспринять и в Черногории. Такие замыслы соотносились с перспективой освободительной борьбы черногорцев и историческим наследием Черногории в целом, а особенно с результатами, достигнутыми в XVIII в. В качестве реально достижимой цели предлагались возможность приобретения независимости, территориальное расширение и выход Черногории к морю, т. е. именно то, что было главными задачами многовековой борьбы черногорцев.

Однако, по мнению современных исследователей, эти контакты по степени своей «опасности» не заслуживали тех мер, что были предприняты правящими кругами России, когда о них стало известно. Такой «вес», несмотря на отсутствие каких-либо конкретных результатов черногоро-французских сношений, они приобрели, благодаря единственно международной обстановке. Более важными, чем то было в реальности, их сделал характер русско-французских отношений, с которыми они были непосредственно связаны.

Действительное политическое значение этих переговоров, несмотря на участие в них черногорского митрополита Петра I Петровича Негоша, которое объективно было на гораздо более низком уровне, чем событие крупного внешнеполитического значения, как расценивалось на русском дворе, подтверждает то, как они начались и как затем проходили. И без подробной реконструкции их хода можно сделать вывод, что они реально и не могли привести к договору о францужско-черногорском военном сотрудничестве. Напротив — складывается впечатление, что политическая позиция Черногории в планах Наполеона была значительно менее важной, чем казалось русской дипломатии и императорскому правительству. Можно даже сказать, что Черногория относилась к числу второстепенных вопросов, которые, как считала французская дипломатия, будут наверняка решены в соответствии с ее интересами, в случае успешной реализации главных стратегических целей, касающихся Средиземноморья и Балкан.

Такой вывод напрашивается потому, что предложение о военном сотрудничестве, сделанное черногорской стороной, импульсом для чего явилась пропаганда французских эмиссаров, было воспринято французами с очевидной незаинтересованностью. Эту оценку подтверждает и ход переговоров на тему союзничества, которые черногорский владыка вел в начале 1802 г. с людьми, близкими Наполеону. Они могут быть в значительной мере реконструированы на основании письма, отправленного 14 мая 1803 г. французским полковником Феликсом де Лапрадом министру иностранных дел Франции Талейрану.

В своем обращении французский полковник напоминал, что больше года назад, в марте 1802 г., к нему из Черногории был направлен посланец, которого он готов привезти в Париж, дабы лично «ознакомить министра с предметом его миссии», т. е. с предложением черногорцами «своих сил» французам. Эмиссар Петра I передал при этом Лапраду «депешу» владыки, в которой тот «выражал желание напасть на соседей-турок»¹. В своем ответе на предложение черногорцев французская сторона требовала от владыки, чтобы он обязался «до новых известий отложить свою акцию»². Согласившись с этим, митрополит пообещал, что не будет «предпринимать никаких действий в течение года»³.

Очевидно, что переговоры об установлении военного сотрудничества, в ходе которых фигурировали *такие* сроки, не свидетельствуют об особой заинтересованности страны, какой это предложение адресовано, — в данном случае Франции, — в тесных военно-политических связях с Черногорией. Такой вывод подтверждает и тот факт, что международная ситуация была тогда крайне сложной, а вероятность скорого начала войны на Балканах и в Средиземноморье, имея в виду завоевательные планы Наполеона, очень велика. Из-за этого великие державы вступали в коалиционные отношения и прибегали к перегруппировке своих сил, борясь за то, чтобы ни один важный стратегический пункт не попал в руки противника. Из-за характера отношений между Францией, с одной стороны, и Великобританией, Австрией, Россией, Пруссией, как и их взаимоотношений между собой, — с другой, менялся, как мы видели, и их подход к Восточному вопросу. Это было заметно и в политике Франции, по предложениям, которые она в связи с его возможным решением предлагала России, или же направляла Порте, в связи с дальнейшей судьбой ее владений в Европе.

Так, например, в отличие от идей «разрушения Османской империи», которые в начале 1802 г. распространяли агенты Наполеона,

¹ Лекић Д. Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784–1830). С. 146.

² Там же.

³ Там же.

уже в сентябре того же года в Константинополь «прибыла миссия» во главе с полковником Себастиани, которая, кроме всего прочего, должна была заняться и нормализацией отношений между двумя странами. Нет сомнения в том, что такой неопределенный подход французского правительства к Восточному вопросу мог повлиять и на неопределенность его отношения к предложению Петра I о нападении черногорцев «на соседних турок». Возможно, что по тем же причинам французская сторона и не торопилась дать ответ на предложение черногорцев.

Судя по письму полковника Феликса де Лапрада Талейрану (май 1803 г.), прошло более года с обнародования предложения черногорцев, а никакого ответа со стороны «первого консула» не последовало. Его не было, несмотря на то, что 29 марта 1802 г. сам Петр I обратился к Наполеону с поздравлениями по поводу «примирения» Франции с Россией¹ и с предложением «своей помощи и помощи черногорских сил»².

Решение о возможном установлении французо-черногорского военного сотрудничества не было принято ни в начале 1804 г. Это подтверждает и рапорт Лапрада Мюрату от 13 января 1804 г., в котором он сообщает ему о «миссии, которая доверена ему со стороны владыки Петра, пославшего к нему одного из своих родственников, с которым он находился в Бари три недели»³. Судя и по этому документу, Талейран принял французского офицера, «внимательно выслушал его и после этого велел ему проводить посланника владыки с надеждой, что владыке будет дан ответ, и обязать его не предпринимать никаких враждебных шагов в течение одного года»⁴. Хотя упомянутый срок в один год к тому времени уже истек, французская сторона до января 1804 г. не дала никакого конкретного ответа на высказанное в начале 1802 г. предложение черногорского митрополита о сближении с Францией и (в случае реализации «плана о разрушении Турецкой империи») осуществлении с ее помощью целей национального освобождения и территориального расширения Черногории.

Реакция правительства России, узнавшего о черногоро-французских переговорах, выразилась в посылке миссии графа Ивелича. Она свидетельствовала о том, насколько в Петербурге страшились самого фак-

¹ Примирение, о котором идет речь, может относиться к русско-французским переговорам, которые окончились подписанием тайного соглашения между Россией и Францией 8 октября 1801 г.

² В обращении к Наполеону митрополит писал и о «готовности других народов, которые страдают под османской властью, объединиться в борьбе за свободу» (Цит. по: *Хитрова Н. И.* Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. С. 310).

³ *Лекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784–1830). С. 144.

⁴ Там же. С. 145.

та черногоро-французского военного сотрудничества, не будучи даже оповещены о его «реальных» результатах. Складывается впечатление, что, в связи с полученной информацией о непосредственных контактах между черногорцами и французами, были предприняты меры, которые, учитывая их политический вес, должны были предполагать большую степень «вероломного поведения» Черногории, чем та, которая действительно имела место. А потому и напрашивается вывод, что, на основе недостаточно проверенной информации об обстановке в Черногории, в Петербурге выстраивалась политическая стратегия, которая, что очевидно, ошибочно исходила из «французско-черногорского сближения», каковое следовало с помощью энергичных мер предотвратить и, таким образом, защитить интересы России. С этой точки зрения, миссия Ивелича, по поставленным перед ней задачам и предоставленным в ее распоряжение средствам, была явно неадекватна тому, что действительно произошло в Черногории.

Но, даже если бы русский двор и располагал полной информацией о том, насколько в действительности продвинулось французско-черногорское сближение, то и в этом случае — одна лишь весть о переговорах уже должна было вызвать озабоченность в русских официальных кругах. Более того, с учетом международного положения России и характера русско-французских отношений следовало ожидать определенной реакции императорского правительства в связи с Черногорией.

Деятельность французских агентов на Балканах, что предсказывали и русские военные аналитики, сопровождалась известиями о планах Наполеона высадить свои войска в западных провинциях Османской империи. Это делало угрозу вторжения французов на Балканы объективной и создавало опасность для южных границ Российской империи. В отчете Азиатского департамента министерства иностранных дел, в связи с вероятностью такого развития событий, высказывалась оценка, что Россия может потерять все «преимущества» своего положения, и что ее южным провинциям может даже угрожать «опасность со стороны Наполеона». Последствия этой опасности могли привести и к тому, что первый консул «овладеет и русской торговлей на Черном море»¹. Из-за серьезности внешнеполитической ситуации, в которой могла оказаться Россия, летом 1803 г. (а тогда в Петербурге еще ничего не знали о черногоро-французских контактах) в министерстве рассматривали вопрос, какие меры следует предпринять в случае высадки французов на побережье Адриатики. При этом особое внимание уделялось роли Черногории, как из-за ее важного геостратегического положения, так и боевых способностей населения. Между тем, реа-

¹ Хитрова Н. И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. С. 309.

лизацию этих планов поставили под серьезное сомнение известия о французско-черногорских переговорах.

Первая информация о том, что в марте 1802 г. черногорцы встречались с французским агентом Феликсом де Лапрадом, и что митрополит Петр I Петрович Негош «предложил Наполеону Бонапарту вооруженную поддержку в борьбе против турок»¹, поступила в русскую столицу из Австрии. В июле 1803 г. венское правительство известило об этом русский двор².

Естественно, что эти шаги австрийский кабинет предпринял не из-за желания укрепить или продвинуть отношения между Россией и Черногорией. Их следует рассматривать в плоскости иных политических интересов, которые вытекали не только из австро-русских, но и из австро-черногорских отношений.

Хотя официальной позицией австрийского правительства, озвученной летом 1803 г., являлось невмешательство во внутренние дела Черногории, а наоборот — поддержание с нею австрийскими властями в Боке дружественных отношений, но с момента назначения в середине 1802 г. барона Розетти управляющим Бокой, равно как и перед тем при генерале Бради, дела обстояли иначе. Они не только хотели закрыть черногорский рынок в Которе и вмешивались в выборы нового губернатора после смерти Йована Радонича. В политике австрийских властей присутствовала идея об отделении Черногории от Турции и от Боки³, о назначении нового владыки для всей Боки, удалении секретаря Петра I аббата Дольчи и т. д. И хотя эти замыслы не получили поддержку австрийского правительства, очевидно, что реализация всех перечисленных мер была для него желательна, но сделать это вместо Австрии должен был кто-то другой. Так, в связи с предложением об удалении Дольчи, который считался одним из виновников восстания в Грбале⁴, было заявлено, что это противоречит международному праву

¹ Там же. С. 310.

² Там же.

³ Так, далматинский губернатор граф Майлайт, пытаясь защитить Боку от черногорцев, предлагал своему правительству договориться с Портой, чтобы она приказала «скадарскому визирю и окрестным пашам занять черногорскую границу, а Австрия сделает это со своей стороны, что отрежет Черногорию и от Турции, и от Боки» (Цит. по: Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. С. 93).

⁴ Восстание в Грбале произошло в июне 1802 г. После интервенции австрийских войск его участники укрылись в Станевичах у владыки, угрожая напасть на Котор и перестать подчиняться Австрии. Согласно более позднему отчету комиссара австрийского правительства маркиза Гизлиери, владыка и Дольчи были главными инициаторами восстания в Грбале, а их намерением было сначала захватить Грбаль, а затем и всю Боку (См.: Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. С. 92–93).

и рекомендовано «действовать» через русского консула в Дубровнике К. К. Фонтон, чтобы Россия сама удалила Дольчи из Черногории.

В Черногории были озабочены поведением австрийских властей в Боке и их вмешательством во внутренние дела страны, опасаясь также, что оно отрицательно скажется и на черногоро-русских отношениях. Предупреждения, что там готовится «компрометирующий материал» на черногорского митрополита и его секретаря, аббата Дольчи, Петр I высказывал еще перед тем, как из Вены в Петербург было послано известие о его связях с французами. Так, в феврале 1803 г. он писал русскому государственному канцлеру А. Р. Воронцову, предупреждая об «интригах Австрии, которая желает посеять раздор среди черногорцев и покорить весь край»¹. Владыка указывал и на интриги, которые ведутся против него и его «старого и верного друга аббата Дольчи»².

Несколько месяцев спустя правительство в Вене «воспользовалось возможностью», чтобы известить русский двор о тайных контактах черногорского митрополита с французами, придав этому событию желаемую политическую окраску. Несмотря на предупреждения владыки, в столице России были склонны верить сообщениям из Вены, а предыдущие его обращения к канцлеру не только утратили свое значение, но могли быть истолкованы и как попытка дезинформировать русский двор.

Факт переговоров черногорского митрополита с французами вскоре подтвердился сведениями из других австрийских источников и даже донесениями русских дипломатов.

Так, например, русский представитель при дворе короля Сардинии И. Лизакевич 1 / 13 августа докладывал императору Александру I, что «владыка поддерживает отношения с французами»³. Он передавал и информацию, полученную от короля Сардинии, что среди писем, которые «некий арбанас» передавал французским агентам, были и письма черногорского митрополита, «адресованные генералу Мортье»⁴.

И русский консул в Дубровнике К. К. Фонтон сообщал в сентябре 1803 г., что «митрополит Петр предан больше не нам, а Франции»⁵. Он извещал и о большом влиянии аббата Дольчи на владыку, а также

¹ Аншаков Ю. П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). С. 80.

² Там же.

³ Споменик XXXI. Други разред. 29 // Прилози за исторiju Црне Горе и Боке Которске почетком XIX столећа из Петроградскога државнога архива. Преписао М. Драговић. Београд, 1898. С. 98. Письмо Йоакима Лизакевича М. Драговичу опубликовал Владан Джорджевич в: Црна Гора и Русија (1784–1814). С. 77–78.

⁴ Лекић Д. Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784–1830). С. 144.

⁵ Там же. С. 146.

о том, что тот и другой весьма озабочены отъездом в столицу России архимандрита Вучетича, искренне преданного интересам России. Не только пристальное внимание, но и тревогу, могла вызвать в Петербурге оценка Фонтана, что в случае десанта французы «были бы хорошо приняты со стороны черногорцев»¹.

Однако наиболее подробное описание положения в Черногории и контактов черногорского митрополита с французами представил русскому двору архимандрит Стефан Вучетич или Вукотич², который в июле 1803 г. «по своим делам» прибыл в Петербург. В начале августа 1803 г. он передал для императора особую «Записку о черногорском вопросе». В разговоре с государственным канцлером А. Р. Воронцовым и в письменных докладах на его имя Вучетич известил русский двор, что секретарь Петра I Петровича Негоша, аббат Дольчи, «склонил митрополита к приверженности Французской республике» и что «Негош и Дольчи» вступили в переписку с французскими эмиссарами³.

В Петербурге с вниманием отнеслись к указанной информации. Чтобы предотвратить распространение французского влияния в Черногории без применения радикальных мер, А. Р. Воронцов предлагал послать туда под видом неофициальной поездки русского консула в Дубровнике К. К. Фонтана. Ему следовало «выяснить правду о тамошних интригах» и увериться на месте «во влиянии, какое имеют иностранные государства, особенно Франция», выяснив также, «кто такой аббат Дольчи, которого обвиняют в том, что его подослал первый консул»⁴.

Согласно этому плану К. К. Фонтон должен был «от своего имени» уговорить митрополита Петра I «удалить от себя Дольчи»⁵.

Второй вариант решения черногорского вопроса, который в своем докладе императору предложил А. Р. Воронцов, предусматривал устранение причин недовольства, которым было мотивировано обращение черногорцев к Франции. Оно объяснялось в Петербурге разочарованием черногорцев из-за недостаточного внимания, которое царское прави-

¹ Там же. С. 147.

² Стефан Вучетич — это на самом деле Петр Вукотич или Вучетич. Он был родом из Грбалья. Мы уже сказали, что его, как архимандрита, черногорский владыка Петр I в 1798 г. послал в Россию со специальной миссией в целях урегулирования вопроса о денежной и иной помощи для Черногории (Подробнее об этом см.: Посланица Петра I Бокельма. 17 ноября 1803 // Вуксан Д. Посланице митрополита черногорского Петра I. Цетиње, 1935. С. 44–45.

³ Аншаков Ю. П. Русско-черногорские политические связи в начале XIX в. Миссия М. К. Ивелича // Исторические исследования. Вып. 2. Самара, 1998. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Аншаков Ю. П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). С. 81.

тельство уделяло их просьбам, что было воспринято ими как прекращение покровительства России. И поэтому черногорский народ следовало убедить в обратном. Суть данного плана устранения французского влияния в Черногории состояла в том, чтобы «предложить Вучетичу вернуться в Черногорию (взяв с собой царскую грамоту) и там объяснить, что царское правительство продолжает придерживаться своей традиционной политики»¹. Доказательством неизменности таковой стала бы выплата субвенции в 1.000 золотых червонцев ежегодно.

Кроме того, к докладу канцлера Александру I, в котором содержалось это предложение, прилагались и проекты двух документов — письма императора митрополиту Петру I и депеши русскому консулу в Дубровнике К. К. Фонтону. В проекте монаршего письма содержались «заверения, что Россия будет продолжать оказывать покровительство Черногории и пограничному православному населению, которое находится под духовной юрисдикцией митрополита»². В проекте второго документа русскому консулу в Дубровнике предписывалось «оказывать черногорцам любую зависящую от него помощь»³.

Тем не менее, план, который был окончательно принят царским двором в качестве способа разрешения черногорского вопроса, существенно отличался от двух предыдущих предложений. Он был основан на значительно большем недоверии к митрополиту Петру I и, соответственно, подразумевал гораздо более радикальные меры русского правительства. Его суть заключалась в том, чтобы вызвать черногорского митрополита в Петербург для отчета о своей деятельности перед Святейшим Синодом. Дилемма, которая все-таки присутствовала при выборе этого решения, основывалась на боязни, что черногорский митрополит не отзовется на приглашение Синода, что для политического престижа России было бы, конечно, весьма неприятно. Поэтому принятию окончательного решения по этому вопросу предшествовал разговор высокопоставленного чиновника министерства иностранных дел Д. П. Татищева с черногорским архимандритом Стефаном Вучетичем.

В российской историографии этот разговор оценивается как ключевой и для утверждения концепции миссии Марка Ивелича, и для выбора именно его на роль ее исполнителя. На основании сохранившихся материалов делается вывод, что Вучетич дезинформировал российские власти, относительно степени влияния митрополита в стране, представляя ее гораздо меньшей, чем она была на самом деле. Кроме того, утверждается, что он совершенно ошибочно уверял своих собеседников, что митрополит не осмелится не отозваться на приглашение Свя-

¹ Хитрова Н. И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. С. 309.

² Там же.

³ Там же.

тейшего Синода и что в случае, если он все-таки так поступит, народ заставит его изменить решение¹. Выделяется также и «заслуга» Вучетича, будто он убедил Д. П. Татищева, что если удалить митрополита, то не сбудутся надежды французского правительства, путем сотрудничества с черногорцами, реализовать свои планы, относящиеся к Албании и Морее. Вместо этого, утверждал он, черногорцы обеспечат войско в 20.000 человек, которое будет совершать ежедневные нападения на французов.

Была принята и аргументация Вучетича, касающаяся кандидатуры Ивелича, как исполнителя политической миссии в Черногории, в отличие от консула в Дубровнике К. К. Фонтана. Выбор пал на него, поскольку он был «югославянского происхождения», располагал необходимыми «местными знаниями», владел «славянским языком» и, самое главное, у него в Рисане были родственники. Таким образом, было легче сохранить в тайне его миссию — он мог отправиться в Приморье под предлогом поездки к ним². Кроме того, Ивелич уже бывал в Черногории с военными миссиями, в последний раз во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Все это убедительно свидетельствовало, что именно Ивелич — наиболее подходящая личность, и, в конце концов, при принятии решения перевесило прочие варианты.

Чтобы обеспечить успех запланированной акции, в Петербурге стремились узнать как можно больше подробностей о внешнеполитических планах черногорского митрополита. В связи с этим, кроме Д. П. Татищева, с Вучетичем встретился и статский советник К. К. Родофиникин. Рапорт от 28 сентября 1803 г., в котором он сообщал подробности беседы с Вучетичем, император прочитал два дня спустя, т. е. 30 сентября 1803 г., судя по отметке, сделанной на тексте.

Исходя из того, что все известия, поступающие с разных сторон, «совпадают с тем», что Вучетич «здесь разгласил» о связях митрополита черногорского с французами, Родофиникин передал ему желание государственного канцлера посмотреть документы, которые он взял у митрополита при отъезде из Черногории. По слухам, которые кружили, речь шла о переписке владыки с французскими эмиссарами.

Во время разговора Вучетич, однако, отрицал, что у него есть такие документы, так как все бумаги, содержавшие «замыслы митрополита и аббата Дольча, они хранили в тайне от него»³. Поскольку им не удалось склонить его на свою сторону, «ибо он предан России», он настой-

¹ Аншаков Ю. П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). С. 81.

² Хитрова Н. И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. С. 311.

³ Споменик XXXI. Други разред. 29 // Прилози за историју Црне Горе и Боке Которске почетком XIX столећа из Петроградскога државнога архива. С. 98.

чиво пытался обнаружить «следы их переписки и узнать об их планах», чтобы об этом известить правительство в Петербурге, но, «этого ему никак не удалось добиться»¹. Вучетич утверждал, что если бы у него были какие-либо документы, то он уже передал бы их, как «серьезное доказательство достоверности» того, о чем сообщил.

Поскольку Вучетич не мог предоставить конкретных аргументов в пользу своих утверждений, то в продолжении беседы, отвечая на вопросы Родофиникина о земляках на службе в России и о том, остались ли в России потомки покойного бригадира Пламенаца, он попытался здесь найти такие аргументы. Он известил русского собеседника, что среди оставшихся Пламенацев, имеется один по имени Савва. О нем он сказал, что это бывший дьякон, которого уличили в краже церковной утвари и за это «лишили духовного звания». Вучетич назвал его «шпионом и эмиссаром черногорского митрополита и аббата Дольчи», которого они «неоднократно посылали к французам», а в последний раз к «их посланнику в Константинополе», откуда тот «нынешним летом прибыл в Одессу, где находится и сейчас». Утверждая, что от Саввы Пламенаца можно узнать все о намерениях владыки, он направил ход «расследования» русских властей в направлении, которое, как оказалось, дало еще более слабые результаты.

После этого разговора в Одессе был задержан, а затем препровожден в Петербург «эмиссар Петра I» Савва Пламенац. Его допрос, проводившийся в присутствии архимандрита Вучетича, показал, однако, что он «абсолютно не в курсе контактов Негоша с французами»². Как раз наоборот, находясь с Вучетичем в карантине в Одессе, Савва от него узнал о планах, которые тот намеревался выполнить в русской столице.

Документы о его допросе, проходившем 16/28 октября 1803 г., свидетельствуют о том, сколько ожиданий было с ним связано. Сначала следователь предупредил Пламенаца, что, поскольку русские хорошо осведомлены о его деятельности, то для него было бы излишним что-либо отрицать, и что, если он желает «помилования», то должен «ясно и без малейшего стеснения рассказать все, что знает о замыслах митрополита», в противном же случае с ним поступят самым строгим образом³. Однако, несмотря на всю серьезность ситуации, в какой он оказался, Пламенац, как указано в документах, отвечая на поставленные вопросы, сохранил «твердость и хладнокровие, которые могли бы

¹ Там же.

² Аншаков Ю. П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). С. 81.

³ Споменик XXXI. Други разред. 29 // Прилози за историју Црне Горе и Воке Которске почетком XIX столећа из Петроградскога државнога архива. С. 97.

свидетельствовать о невиновности», если бы его проступки, «которыми была запятнана его жизнь», не давали повода приписать их «ловкости, а, может быть, и привычке отвечать на вопросах при расследовании его тайных дел»¹. В России верили, что митрополит приказал Пламенацу «следить за архимандритом Вучетичем и извещать обо всем, что он будет делать», но из-за малого количества информации, полученной от него во время расследования, были больше склонны полагать, что он использовался как эмиссар, хотя тайна ему «не была доверена»². Сам Пламенац, считая, что речь шла об интригах против черногорского митрополита, во время допроса в присутствии Вучетича признался только в одном, что известил владыку о том, что слышал от него³.

Чтобы он не посылал митрополиту новых известий и тем самым не нанес вреда намеренной миссии, было решено задержать Пламенаца в Петербурге — по крайней мере до прибытия Ивелича в Черногорию. Полагая, что запланированное отлучение от церкви Петра I произойдет быстро, в Петербурге рассчитывали, что после его удаления будет возможно собрать больше информации и о Пламенаце.

Таким образом, вполне очевидно, что решение о посылке миссии Ивелича принималось, а ее задачи разрабатывались, на основании крайне скудной и непроверенной информации. Поэтому ее цели не могли быть увязаны с действительной политической ситуацией в Черногории, что, естественно, не могло не отразиться негативно и на ее результатах, в целом.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ *Аншаков Ю. П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). С. 81.

ГЛАВА II

МИССИЯ М. К. ИВЕЛИЧА В ЧЕРНОГОРИИ

Миссия графа Марка Константиновича Ивелича, русского генерала, родом из Рисана, и архимандрита Стефана Вучетича¹, начавшаяся в первые дни ноября 1803 г.², имела двоякий характер. С одной стороны, она была составной частью политической и военной стратегии русского двора в борьбе против экспансии наполеоновской Франции, а с другой — непосредственно фокусировалась на Петра I и его секретаря аббата Дольчи, как на «главных инициаторов» нового внешнеполитического курса, сблизившего Черногорию с Францией. Российские, а также некоторые другие историки утверждают, что целью этой поездки было не «наказание» Петра I, а предотвращение усиления французского влияния в Черногории. И хотя многочисленные факты опровергают наличие даже таких намерений, несомненно, что миссия имела важное военное и политическое значение, причем в европейском масштабе, поскольку укрепление русских позиций в Черногории должно было помешать захватническим планам Наполеона и не допустить прорыва католицизма на Балканы.

1. Цели и задачи миссии Ивелича

Конкретные цели миссии графа Ивелича были утверждены на высшем уровне в Петербурге в рамках глобальной дипломатической и военной стратегии, цель которой состояла в том, чтобы воспрепятствовать прорыву французов на Восток. Официально они были сформулированы в инструкции императора Александра I, которую перед отъездом Ивелича из столицы России 28 октября / 9 ноября 1803 г. ему передал государственный канцлер А. Р. Воронцов. Вместе с инструкциями Ивеличу была вручена и «Грамота русского царя к губернаторам и воеводам Черногорской и Брдской области», датированная 26 октября / 7 ноября 1803 г.³

---

¹ Русскому генералу М. К. Ивеличу трижды доверялись важные дипломатические миссии в Черногории и Герцеговине (1774, 1788, 1803).

² Обычно в литературе указывается, что миссия Ивелича началась в середине октября 1803 г. Но так как царская грамота была вручена ему 28 октября, то он мог отправиться в Боку только в начале ноября (Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Главный архив (далее — ГА). I-7. Оп. 6. Д. 4 (п. 4) 1803–1809. Л. 11).

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997. С. 19–20.

В российской историографии, при трактовке указанных инструкций, задачи миссии Ивелича объясняются потребностью русского двора выяснить степень влияния Франции в Черногории и, если оно действительно серьезно, то изменить ситуацию в пользу России. Конкретно, подчеркивается в литературе, перед ним была поставлена задача организации обороны побережья силами черногорцев и герцеговинцев¹. Такая цель его деятельности обуславливалась ожиданием того, что Наполеон высадит свою армию с итальянского побережья на территорию австрийского и турецкого приморья, т. е. в Паштровичах, Будве, Баре. Оттуда открывался путь к Морее (Пелопонесу). Кроме того, существовала опасность, что из-за антиавстрийских настроений в Паштровичах французы могут быть встречены как освободители, что, в случае профранцузских настроений черногорцев, могло позволить Наполеону овладеть и северной Албанией. В рамках этого глобального геостратегического анализа будущего развития событий особое значение придавалось роли Черногории. В планах России она должна была послужить преградой прорыву французов к побережью северной Албании и пограничным районам австрийского приморья. По этому замыслу черногорцы, брдчане и герцеговинцы, нападая с флангов или с тыла, должны были предотвратить дальнейшее беспрепятственное продвижение французских воинских частей по восточному берегу Адриатики. Таким образом, можно было бы воспрепятствовать французскому влиянию в этой части европейского континента, т. е. предотвратить ослабление позиций Османской империи.

Столь широкое толкование миссии Ивелича, в первую очередь, подчеркивает чисто военное значение и справедливо избегает ее сведение лишь к мерам наказания владыки Петра I Петровича Негоша со стороны царского правительства. И, тем не менее, хотя то, что предписывалось Ивеличу в царской инструкции в военном смысле, конечно же, имело решающее значение для его миссии, также несомненно, что некоторые другие положения, содержащиеся в том же документе, но выведенные за рамки военно-стратегических планов, имели «карательный» характер, т. е. были направлены на отстранение от власти черногорского митрополита Петра I.

В Петербурге считали, что французское правительство, стремясь к реализации своих военных планов и желая устранить препятствие, каким в этом смысле могла оказаться Черногория, уже долгое время пыталось склонить ее к сотрудничеству, и будто бы это ему удалось.

---

¹ Хитрова Н. И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // Югословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. Београд, 1983. С. 311–312; Аншаков Ю. П. Русско-черногорские политические связи в начале XIX в. Миссия М. К. Ивелича // Исторические исследования. Вып. 2. Самара, 1998. С. 11.

Решающую роль в выполнении этой цели, по информации, которой располагали русские, сыграл аббат Дольчи¹, родом из Дубровника, высланный в свое время с родины, а затем из России, Австрии и Анконы². Судя по тем же источникам, он был направлен в Черногорию французами, чтобы склонить черногорский народ в сторону Франции, т. е. убедить его доверить свою судьбу Наполеону. Считалось, что Дольчи добился желаемых результатов и, завоевав доверие черногорского митрополита, сумел уговорить его отделить интересы Черногории от покровительства России и преданности ей. Одновременно, спровоцировав конфликт митрополита Петра I с австрийскими властями в Боке, он создал ситуацию, в которой единственной опорой Черногории могла быть наполеоновская Франция. Оказавшись в такой ситуации, митрополит, согласно оценкам аналитиков в Петербурге, содержащихся, кстати, и в инструкции императора Ивеличу, попытался повести народ Черногории по пути, направленному на военный союз с Францией³.

С другой стороны, поскольку Дольчи сумел вызвать недовольство жителей Грбалья, Будвы и Паштровичей, которые находились под управлением Австрии, то не было сомнений, что французы сумеют воспользоваться волнениями в этих районах, и что при высадке на побережье их ожидает не сопротивления, а сердечный прием. С помощью черногорцев, «обманутых поступками своего митрополита», войска Наполеона тогда не только утвердились бы в северной Албании, но получили бы и помощь в двадцать тысяч воинов, что позволило бы им нанести жестокий удар Порте, от которого она не смогла бы оправиться⁴.

Таким образом, по мнению русских аналитиков, Франция добилась бы огромного военного и политического преимущества, при одновременном разрушении союза России и Османской империи. Что касается Черногории, то, по их оценкам, с прибытием французов она потеряет свободу, т. е. окажется под их рабством.

Чтобы предотвратить все отрицательные последствия возможного сотрудничества Наполеона с Черногорией, в инструкции императора подробно описывалось то, что Ивелич должен был сделать во время своей миссии. Кроме советов, как добиться доверия старейшин и народа в Черногории, были подробно изложены и меры, которые следует предпринять против черногорского владыки.

¹ Католический священник дон Франческо Дольчи Вискович в начале XIX в. выполнял обязанности секретаря и был доверенным лицом черногорского митрополита. Он считался сторонником профранцузской ориентации Черногории.

² Упутства цара Александра I графу Марку Ивелићу од 26 октобра 1803 год. пред његов полазак у Црну Гору // *Вукићевић М.* Карађорђе. Књ. 1. Београд, 1970. С. 390.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 390–391.

Поскольку речь шла о духовном лице, которое осуществляло и светскую власть, то основания для наказания «обнаружились» в обеих сферах его деятельности. Вначале акцент был сделан на слабую работу церкви и несоблюдение религиозных обрядов, что якобы сделало народ равнодушным к православной церкви и тем самым уязвимым к влиянию «латинской церкви» и французов. Упоминались и многие другие его «грехи» в духовной области. Он обвинялся, в частности, что скрыл от народа получение от Святейшего Синода большого количества святого мира для миропомазания младенцев при крещении, а также «ста анти-мисов», пожертвованных на обновление храмов, и церковные книги¹.

И в светской жизни его пригрешения носили аналогичный характер. Сообщалось, что он присвоил девять золотых медалей, предназначенных черногорским воеводам, которые были переданы ему в 1799 г., когда его самого наградили орденом Св. Александра Невского. Он также не использовал по назначению деньги, посланные на основание школ в Черногории, которые в течение предыдущих трех лет регулярно приходили из России (по тысяче червонцев). Мотивы такого поведения владыки объяснялись его корыстолюбием и стремлением таким образом убедить народ в Черногории, что русский двор не заботится о его благосостоянии, дабы было легче привлечь его на сторону французов.²

Поэтому Ивелич, согласно царской инструкции, должен был «открыть глаза» черногорцам и защитить их от «страданий, которые им предстоят». Той же цели служила и грамота Святейшего Синода от 16 октября 1803 г., также врученная ему накануне отъезда из Петербурга³. И в ней содержались резкие порицания, касающиеся религиозной деятельности черногорского владыки, как и требование явиться на высший церковный суд в Петербурге и там оправдаться по всем вопросам, по которым его обвиняли. Такой шаг был предпринят, очевидно, с учетом большого авторитета Русской церкви и ее Синода в Черногории. По этим же причинам считалось, что если митрополит, вопреки ожиданиям и «забыв о страхе Божием», не повинуетсЯ грамоте Синода, то черногорский народ его к тому принудит. Также абсолютно ошибочно предполагалось, что миссия Ивелича, точнее — распоряжения императора, содержащиеся в его же инструкции и в грамоте черногорскому народу, а также грамота Святейшего Синода, которые тот привезет с собой в Черногорию, смогут вызвать такой гнев населения, что жизнь митрополита окажется под угрозой. Такое возможное развитие собы-

¹ Там же. С. 392.

² Там же.

³ С Божией милостию Святейший Правительствующий Синод Преосвященному митрополиту черногорскому и бердского народа Петру (АВПРИ. Ф. ГА. 1–7. Оп. 6. Д. 4. 1803–1809. № 2).

тий посланник русского императора, как планировалось, должен был не только предотвратить, но и уговорить черногорцев удовлетвориться его удалением из Черногории, т. е. отъездом в Россию¹.

Поскольку не было сомнений в том, что митрополит либо добровольно, либо под давлением народа будет удален из Черногории, Ивелич должен был после этого, как предполагалось планом, заняться укреплением антифранцузских настроений среди черногорцев. Что подразумевало не только поддержание боевого настроения народа, но и уделение такого же внимания военным приготовлениям черногорцев и герцеговинцев к ожидаемой войне с французами. Поскольку было маловероятно, что судьба митрополита положительно решится в Петербурге, так как считалось, что его возвращение нанесло бы немалый вред Черногории (как констатировалось в царской инструкции), Ивелич должен был в определенный момент, по получении распоряжения из столицы, предложить народу избрание нового пастыря — «богобоязненного и усердного по отношению к России». Затем он бы отправился в Петербург для рукоположения, а Ивелич до его возвращения оставался бы в Черногории, передав ему по приезду «заботу о сохранении народа в приверженности России»².

Уже то обстоятельство, что «приговор» черногорскому митрополиту был вынесен заранее, как и то, что его появление перед Синодальным судом должно было придать всей процедуре лишь видимость легитимности, опровергают утверждения, что миссия Ивелича не имела и «карательного» характера по отношению к владыке Петру I Петровичу Негошу.

Объяснение, которое дается такой, заранее выработанной, негативной позиции царского правительства по отношению к черногорскому владыке, имело под собой причины военного характера. В политических кругах Петербурга присутствовала уверенность, что только удаление митрополита Петра I с его престола может расстроить планы военных действий французов или помешать им. Преобладало мнение, что отъезд «французского союзника» из Черногории, при одновременном движении турецкой эскадры в направлении к Морее, вынудил бы французов изменить свои планы о вторжении войск в северную Албанию³.

¹ Согласно императорской инструкции, митрополит сразу же в сопровождении проверенного лица должен был выехать из Черногории. Поскольку планировалось, что он будет передвигаться по австрийской территории, то об этом следовало оповестить «государственного советника в Вене Анстета», чтобы он, через австрийское министерство, обеспечил беспрепятственный проезд владыки в Россию. Предполагалось, что и министерство иностранных дел России выдаст своему чиновнику в столице Австрии соответствующие распоряжения в том же смысле (*Вукићевич М.* Карађорђе. Књ. I. С. 393).

² Там же. С. 394.

³ Там же.

Запланированные меры, содержащиеся в царской инструкции, которые касались Петра I, основывались или на его добровольном отъезде из Черногории или же, если этого не произойдет, на отъезде под нажимом со стороны народа. Это говорило о том, что акция, в целом, была задумана с применением действий, которые с формальной точки зрения не носили насильственного характера. Тем не менее, хотя в инструкции весьма подробно расписывалась последовательность шагов Ивелича в Черногории, она, очевидно, была не единственным документом, определявшим методы его деятельности и пределы полномочий.

В историографии нет сомнений, что Ивелич имел и другие полномочия — помимо тех, что содержались в упомянутых инструкциях. Они подразумевали и принудительные меры, хотя их уровень толкуется по-разному. Так например, согласно работам российских историков, если бы митрополит отказался выехать в Петербург, окажись информация о его связях с французскими эmissарами действительно точной, то представитель императора мог пригрозить Петру I даже отлучением от церкви¹. Это опять же означало ни что иное, как ясный намек на возможность применения и насильственных мер, в целях удаления его с митрополичьего престола, а, тем самым, и из политической жизни Черногории вообще.

Такая угроза приобретала особый политический вес, поскольку ее высказал не кто иной, а российский высокопоставленный чиновник, посланный царем с царской грамотой. Кроме того, сам этот документ был «юридическим основанием» всех его полномочий, так как в нем император призывал народ оказывать полное доверие всему, что его эmissар «будет от его имени предлагать»². Таким образом, грамота Александра I черногорским старейшинам, которую привез с собой Ивелич, могла быть основой и для принятия мер, отсутствовавших в инструкции от 26 октября / 7 ноября 1803 г. Имея в виду, что она относилась к категории высших государственных документов циркулярного характера, в которых цели и задачи политики Петербурга, или его позиция по отдельным вопросам утверждались в принципе, такие царские письма, как правило, не содержали подробного описания тех мер, которые следовало принять для выполнения указанных распоряжений. То, что содержалось в них в обобщенной форме, имело силу окончательного решения и подразумевало разработку методов их непосредственной реализации через другие органы и государственный аппарат.

Если с этой стороны обратиться к грамоте Александра I от 26 октября / 7 ноября 1803 г.³, хотя она сопровождалась его же инструкцией

¹ Аншаков Ю. П. Русско-черногорские политические связи в начале XIX в. Миссия М. К. Ивелича... С. 12.

² Вукићевич М. Караџић. Књ. I. С. 394.

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 19–20.

Ивеличу, то можно увидеть, что ее содержание оставляло достаточно возможностей для принятия и иных мер, кроме тех, что перечислялись в последней. Более того, учитывая отрицательные оценки положения в Черногории, содержавшиеся в ней, и обозначение его виновников (без точного названия их имен), грамота давала возможность и для более радикальных практических действий.

В грамоте Александра I черногорским старейшинам прежде всего высказана идея, что, «приняв по примеру наших славных предков под покровительство единоплеменный и единоверный нам народ черногорский и брдский»¹, царский двор постоянно и «неутомимо заботился о его благосостоянии, обращая свое внимание прежде всего на средства, которыми он может защитить его от любого нападения извне»², но и «устранить подлые замыслы его внутренних недругов»³. Поэтому в столице империи с беспокойством восприняты вести из надежных источников, свидетельствующие о «властолюбии чужестранцев, подкрепленном вредными замыслами отдельных недоброжелателей из самой Черногории, которые своим нападением угрожают народу черногорскому и брдскому и стремятся уничтожить его независимость»⁴. И именно желание предотвратить такую опасность побудила императора России направить в Черногорию «доверенное лицо в лице генерал-лейтенанта графа Ивелича». Ему рекомендовано, «убедив народ черногорский в нашей всегдашней благосклонности к нему, ознакомить его с предстоящей ему гибелью и указать путь, начертанный его собственными интересами и славой»⁵. В заключение выражалась надежда, что «народ черногорский и брдский, верный до сих пор во всех подвигах наших», в таких поступках царского правительства найдет «новое доказательство заботы о его благе и будет полностью доверять всему, что генерал-лейтенант граф Ивелич будет от нашего имени предлагать»⁶.

В грамоте Александра I черногорский митрополит и «иностранец у него на службе», аббат Дольчи, недвусмысленно обозначены как главные виновники, которые «вывели Черногорию на путь уничтожения ее независимости». Поскольку эта оценка прозвучала с наивысшего уровня, то она обязывала всех, как в царской России, так и в Черногории того времени, подчиниться ей. Однако, поскольку грамота и инструкция Александра I были документами, которые подразумевали публичное знакомство народа с их содержанием, в их текстах, несмотря на различный характер, не могло быть сказано все, что касалось за-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

дач миссии Ивелича и методов его деятельности. В связи с этим можно почти наверняка предположить, что реализацию задач, предписанных грамотой и инструкцией Александра I от 26 октября / 7 ноября 1803 г., должны были сопровождать более или менее точно определенные особые предписания тайного или явного характера.

Деятельность Ивелича по пути в Черногорию и дальнейший ход его миссии, которая, естественно, не могла даже в мелочах осуществляться по его собственному усмотрению, говорят о том, что такие предписания наверняка имелись. Такой вывод напрашивается потому, что действия Ивелича оказались намного радикальнее, чем предписывалось в упомянутых документах. Планы насильственного лишения свободы черногорского митрополита, а также другие примеры «заговорщической деятельности», говорят о намного более широком объеме полномочий Ивелича, чем те, которые в них указаны. Именно эти шаги, превысившие строгие предписания царя, являются причиной того, что в черногорской историографии можно встретить оценки, что «заговор против Петра I был организован в Петербурге»¹.

Такие выводы основаны, прежде всего, на фактах, которые из иной перспективы и вне задач, утвержденных в «царских» документах, освещают деятельность «исполнителей этого заговора». Граф Ивелич и архимандрит Вучетич, например, по дороге в Черногорию говорили о задачах своей миссии в Задаре с генералом Рукавиной². Австрийского генерала при этом ознакомили с содержанием инструкций русского царя, а Ивелич во время беседы пытался углубить в австрийских властях недоверие к черногорскому владыке. О содержании разговора с генералом Рукавиной был осведомлен и австрийский государственный канцлер Кобенцль, который требовал у императора Франца I согласия на оказание поддержки эмиссару русского царя в его деятельности против Петра I и аббата Дольчи. Рассматривался и вариант, по которому, «в случае задержания митрополита на австрийской территории, Ивеличу следовало оказать помощь, особенно в случае сопротивления с черногорской стороны»³. О том, насколько серьезно воспринимался этот вариант, свидетельствует то, что, получив необходимую информацию из столицы России, австрийский император направил властям в Боке инструкцию, что они могут поддержать Ивелича при задержании митрополита и аббата Дольчи, не нарушая при этом мир в его албанской провинции.

В «собственноручном письме» императора Франца I барону Розетти от 1 февраля 1804 г. в связи с этим рассматривалось несколько вариантов сотрудничества с Ивеличем. Согласно первому из них: «Если

¹ Павићевић Б. Петр I Петровић Његош. Подгорица, 1997. С. 238.

² Ђорђевић В. Црна Гора и Русија. С. 98–99.

³ Павићевић Б. Петр I Петровић Његош. С. 238.

митрополит (Черногорский) по призыву генерала Ивелича добровольно согласится ехать в Петербург, то ему не следует чинить никаких препятствий, а наоборот, следует облегчить его путешествие»¹. Вторым и третий варианты содержали инструкции о поведении австрийских властей в случае, если митрополит будет находиться в Черногории или в Станевичах. Император запрещал любое вмешательство или оказание помощи Ивеличу, в случае, если «митрополит уйдет на черногорскую территорию». Только в случае, «если бы черногорцы добровольно сдали своего митрополита Ивеличу, и если бы тот пристойно попросил», барон Розетти был уполномочен помочь с «переездом митрополита по суше и по морю»². Аналогичным образом Розетти мог поступить, если митрополит будет находиться в Станевичах или в каком-либо другом месте «на австрийской территории», и если его «генерал Ивелич, на основании распоряжения своего Двора, попросит» выдать ему митрополита. Но и в таком случае Розетти мог это сделать только в том случае, если бы не было никакой опасности для мира в «албанской провинции»³. Подразумевалось, что задержание нужно хорошо организовать, чтобы успех был гарантирован; после того митрополита не следовало задерживать «в Албании», а «сразу посадить на корабль и отправить по назначению»⁴.

В инструкции австрийского императора рассматривалась и возможность ареста митрополита без требования Ивелича, если бы появились причины, по которым он «был необходим и целесообразен», а Розетти бы считал, что это можно сделать «без какой-либо опасности для мира в провинции». Тогда митрополита следовало отправить в Триест «известив тамошнего губернатора, чтобы тот его принял»⁵.

Все распоряжения императора, касательно митрополита, относились и к аббату Дольчи. Розетти было приказано, что, «если генерал Ивелич захочет схватить только митрополита», сделать то же самое «с Дольчи и с другими бунтовщиками» и отправить их в Триест. Если же Ивелич будет требовать и Дольчи, то Розетти должен передать ему и его и поступить также, как с митрополитом.

Поскольку задержание митрополита было связано с большим риском, Розетти предписывалось требовать подкрепления от военного ми-

¹ Ђорђевић В. Црна Гора и Русија. С. 103.

² Там же.

³ Выражения: *Албания, албанская провинция* в письме австрийского императора, равно как и в других документах того времени, используются для обозначения территории, которая до падения Венецианской республики принадлежала Венецианской Албании. Речь идет о венецианских владениях, располагавшихся к югу от Дубровника, которые после ее падения достались Австрии и назывались Австрийская Албания.

⁴ Ђорђевић В. Црна Гора и Русија. С. 103.

⁵ Там же.

нистерства, если он оценит, что собственных сил недостаточно. В связи с вероятностью такого требования и с тем, как оно должно было быть исполнено, сам император также издал необходимые распоряжения.

Арест черногорского митрополита австрийская сторона оценивала как благоприятный момент для реализации ряда своих внешнеполитических целей, связанных с Черногорией. Согласно письму императора, как только будет устранен митрополит, Розетти должен был на его место «назначить духовного представителя из греческой неуниатской веры» для его «албанских подданных», «человека, не имеющего никаких связей с заграницей или каким-либо чужим государством», но известного по своей приверженности австрийскому двору. Он должен будет управлять духовными делами, пока Франц I не назначит «особого владыку для моей Албании»¹. Розетти должен был найти подходящую личность как для занятия этого места, так и для новой «Епархии греко-восточной веры».

Кроме того, задержание черногорского митрополита австрийский император рассматривал и как благоприятный момент для того, чтобы «снова занять все места и земли, которые принадлежат» австрийской Албании, т. е. те, на какие Франц I имел «несомненные права». При этом, без сомнения, имелись в виду территории, на которой располагались монастыри Станевичи и Майине, находившиеся под юрисдикцией Цетинской митрополии. И для этой акции Розетти был уполномочен просить военного подкрепления, если сил будет недостаточно, а к ее выполнению он мог приступить только в случае полной уверенности в успехе.

В инструкции барону Розетти Франц I советовал также корректно относиться к Ивеличу, «как чиновнику дружеской страны», а в связи с задержанием митрополита Петра I настаивал, что «оно должно состояться только при абсолютной уверенности в успехе»². Однако, барон Розетти, представитель австрийских властей в Боке, выказывал свою недоброжелательность по отношению к митрополиту Петру I не столь «мудро и осмотрительно», как советовал ему император, поскольку был уверен в том, что владыка — это «злодей, алчность и амбициозность которого не знают ни границ, ни законов»³.

О миссии графа Ивелича, кроме австрийских властей, были осведомлены и турецкие официальные лица. Дипломатический представитель России в Константинополе А. Я. Италинский передал необходимую информацию об этом ближайшим сотрудникам султана, так что в январе 1804 г. реис-эфенди был извещен, что Россия недовольна по-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ *Лекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784–1830). С. 154.

ведением владыки. Порта в связи с этим передала соответствующие инструкции скадарскому визирю. По прибытии в Рисан, Ивелич и сам обратился к турецкому визирю в Скадре с просьбой о солидарности и понимании¹.

Все перечисленные виды контактов с представителями других государств, которые Ивелич осуществлял в рамках начавшейся миссии в Черногорию, не были указаны в императорской инструкции от 26 октября / 7 ноября 1803 г. В ней в четкой форме не содержалось и приказа об аресте, т. е. насильственном отстранении Петра I от власти, хотя такая возможность в официальных кругах, очевидно, рассматривалась — как одно из средств для ликвидации французского влияния в Черногории. Однако, в связи с этим необходимо подчеркнуть, что все эти «действия» в отношении Петра I, по крайней мере формально, основывались на уверении, что черногорский владыка — это «французский человек» и потому может представлять серьезную помеху реализации антинаполеоновской концепции российской дипломатии, для которой важным было обеспечение черногоро-русского военного сотрудничества. Осуществлению этой цели были подчинены действия Ивелича, которые повлияли и на слишком позднее изменение отношения российского двора к Петру I. То, что эти изменения не произошли ранее, т. е. что правдивая информация о черногорском митрополите, свидетельствующая, что он — совсем не враг, а искренний последователь российской политики, прибыла в Петербург со значительным опозданием, — главным образом, «заслуга» графа Ивелича и его донесений, в которых он отчитывался о своей деятельности.

Об этом убедительно свидетельствует *Приказ исполняющего обязанности министра иностранных дел А. А. Чарторыйского М. К. Ивеличу* от 6 / 18 мая 1804 г. о принятии мер против проникновения австрийцев в Черногорию и дальнейшего продвижения французов².

Из этого документа ясно видно, что в донесениях императору Александру I от 20 и 26 февраля и А. А. Чарторыйскому от 26 и 27 числа того же месяца Ивелич представил результаты начатой им работы и меры, принятые по организации обороны Приморья, как весьма успешные. Он сообщил, что большинство черногорских и герцеговинских племен уже дали согласие начать, по первому призыву России, боевые действия против войск Наполеона. Он извещал и о том, что от имени Риекской и Црмницкой нахии их лидеры поклялись на верность России. К результатам своей деятельности он причислил и меры, предпри-

¹ Павићевић Б. Петр I Петровић Његош. С. 241; Ђорђевић В. Црна Гора и Русија. С. 98, 119.

² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 22–24.

нятые с целью прекращения раздоров и кровопролития среди самого населения Черногории¹.

Русский император был очень доволен этими донесениями. Меры, предпринятые Ивеличем и результаты, которых он якобы добился, обещали полный успех русской политики, т. е. должны были гарантировать «мир и спокойствие населения Адриатического побережья, на которое французское правительство давно бросило свой грабительский взгляд»². Вызвали одобрение императора и отчеты о шагах, предпринятых Ивеличем в Герцеговине и областях, граничащих с нею. Его положительное мнение о деятельности Ивелича выразилось и в официальной форме — в царском рескрипте от 5 / 17 мая 1804 г. В нем Александр I выражал удовлетворение по поводу успешного начала миссии Ивелича³. Не имея истинной информации о положении в Черногории, А. А. Чарторыйский, предлагал тому сообщить содержание рескрипта черногорским старейшинам, полагая, что это будет «новым стимулом для их приверженности России»⁴.

На основании отчетов Ивелича император одобрил и план действий, касающийся аббата Дольчи. Речь шла о том, что первоначально русский посланец предлагал передать Дольчи Австрии. Позднее, однако, он отказался от этой идеи, посчитав лучшим решением отправку Франо Дольчи в Россию. Император же, как писал А. А. Чарторыйский, считал такой шаг крайним средством, ни коим образом не совпадавшим с «человеколюбивыми настроениями его величества»⁵. Поскольку Дольчи — со своими «злыми кознями, с помощью которых он пытался втянуть митрополита в свои замыслы»⁶ — был главным средоточием «зла, которое там произошло», то было решено, что лучше всего его задержать и передать австрийцам, чтобы они держали его под строгим присмотром. А так как и там были им недовольны, то в Петербурге полагали, что австрийцы, конечно, найдут способ «помешать его вредным намерениям».

Согласно донесениям Ивелича, достигнутые им в начале своей миссии результаты по поднятию боевого духа у тамошнего народа были весьма значительными, на что Чарторыйский в очередной инструкции обращал его внимание, что этим наверняка будут недовольны австрийские начальники в Венецианской Албании, «поскольку сами не сумели

¹ АВПРИ. Ф. ГА. Оп. 6. Д. 4. 1803–1809. Л. 15–16.

² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 22–24.

³ АВПРИ. Ф. ГА. Оп. 6. Д. 4. 1803–1809. Л. 4–11.

⁴ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 23.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

того добиться»¹. Поэтому он советовал Ивеличу не ожидать с их стороны ни помощи «в его подвигах», ни препятствий к ним.

Так как император был доволен деятельностью Ивелича, через Чарторыйского ему был передан совет: используя завоеванное доверие, продолжать советовать тамошнему народу «повиноваться своему государю», т. е. русскому царю. А это значило, что не следовало ничего менять и в уже сложившемся отношении к Петру I. Но поскольку могло случиться, что после удаления митрополита Австрия попытается овладеть Черногорией, Ивелич должен был «внимательно следить» за намерениями австрийцев и, если вдруг возникнет оправданное подозрение, предпринять необходимые меры, чтобы не допустить реализации этих замыслов. При этом русские эксперты оценивали, что военные силы, которые Австрия разместила в Боке Которской, были невелики и явно недостаточны для такого предприятия. И даже с потенциальным подкреплением, батальоном под командой генерала Братиса, они не могли представлять опасность для Черногории, так как их не хватило бы даже на то, чтобы защитить побережье Боки от возможного нападения французов².

С другой стороны, французские части, предназначенные для высадки на побережье северной Албании и дислоцированные в Отранто, не совершали никаких передвижений. Поэтому А. А. Чарторыйский не считал необходимым отдавать распоряжение о военных действиях против них, тем более, что основные предписания на этот счет были даны в инструкциях, полученных Ивеличем при отъезде. Рассматривался только вопрос о способе доставки резервов, если вести о приближении французских войск вызовут потребность в них. В таком случае Ивеличу рекомендовалось обратиться к властям в Которе, если нижестоящие австрийские начальники откажутся ему в этом помочь. Чтобы избежать трудностей финансового характера, его величество приказал одобрить кредит в 10.000 рублей, которые следовало немедленно предоставить в его распоряжение.

В заключении Чарторыйский указывал Ивеличу, что в Петербурге с нетерпением ожидают известий о проведении общенародного сбора, на котором должна быть оглашена императорская грамота, а народ более подробно ознакомлен с задачами миссии Ивелича. Это подразумевало и отчет о положении в Черногории, и о последствиях ухода владыки. Поскольку имелась вероятность, что его удаление может быть задачей отнюдь непростой, Ивеличу советовали принять все меры предосторожности, чтобы желанная цель была достигнута без кровопролития. Перед общенародным сбором следовало обнародовать все «вредные» намерения митрополита и доказать необходимость его личного отче-

¹ Там же.

² Там же.

та о своих поступках в Святейшем Синоде. Поскольку считалось, что дело уже сделано, то Ивеличу было дано приказание отправить Петра I в Петербург с «необходимой предосторожностью и осторожностью» и «с должным уважением к его достоинству священного лица»¹.

Однако обстановка в Черногории весьма отличалась от той, какую в своих отчетах представлял Ивелич, а потому запланированный общенародный сбор тогда не был проведен. Оказалось невозможным и устранение черногорского митрополита одним из предусмотренных способов. Более того, все, что Ивелич сделал в первые месяцы своей миссии, по крайней мере, в отношении Петра I, говорило о полном провале посланца русского императора в выполнении поставленных задач.

2. Деятельность Ивелича по прибытии в Котор

Из письма, которое 26 февраля 1804 г. Ивелич послал министру иностранных дел Чарторыйскому, очевидно, что он прибыл в Боку Которскую 2 января 1804 г., «добираясь через Венгрию, Хорватию, Далмацию по трудно проходимым дорогам»². Сразу же по прибытии он приступил к работе, столь подробно прописанной в инструкциях императора.

Его приезд должен был быть неожиданным, чтобы «как можно больше удивить митрополита» и лишить его «средств и времени для борьбы»³. Поскольку миссия имела тайный характер, то, говоря о причине своего путешествия, Ивелич указывал, что, покинув службу, он приехал в отпуск в Рисан. Ему было предписано в первое время вести себя так, чтобы создалось впечатление, что его приезд не вызван никаким иным предлогом. С другой стороны, близость Рисана к Черногории давала ему возможность в короткое время установить связи с сердарами и воеводами черногорских и брдских племен.

Согласно полученным инструкциям, он должен был приступить к выполнению намеченных задач, лишь убедившись в готовности народных вождей к сотрудничеству. Это означало, что в беседе с ними он должен был оповестить их о политических замыслах митрополита и его намерении передать их в руки французского правительства. А также предупредить, что «армия этой Республики, однажды обосновавшись среди них, навяжет им рабство, от которого они больше не смогут освободиться»⁴.

¹ Там же.

² АВПРИ. Ф. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4 (п. 4). 1803–1809. С. 11.

³ Инструкция Александра I графу Марку Ивеличу от 26 октября 1803 г., накануне его отъезда в Черногорию // *Вукићевић М. Карађорђе*. Књ. I. С. 391.

⁴ Там же.

Поступая по инструкции и желая привлечь как можно большее число черногорских и брдских старейшин, т. е. восстановить народ против владыки и таким образом обеспечить сотрудничество черногорцев и брдчан в борьбе против французов, Ивелич начал из Котора рассылать письма черногорским вождям.

Уже 2 / 14 февраля 1804 г. им было послано два таких письма. Одно — «воеводе Богдану и попу Станко и сотоничанам¹, а второе — сердару Йоке и попу Савве Пламенацу в Болевичах². В своих обращениях Ивелич доводил до «их знания», что «прибыл сюда» по указу «Императора всероссийского» и от него привез высокую грамоту «для всего народа», которую должен передать, но также и по делам, которые по царскому повелению должен совершить. В верности черногорцев русскому трону, какими «всегда» были и их «предки», его государь, Александр I, не сомневался. Однако из-за порученной ему миссии Ивелич просил, чтобы они, как только получают «эту книгу», послали по два надежных и честных человека по своему выбору, с которыми он будет говорить о царском поручении, а они потом «из его уст» им о нем все перескажут.

Письма, направленные черногорским старейшинам с призывом встретиться или послать своих эмиссаров, чтобы они ознакомились с приказом царя и как можно быстрее выполнили волю Александра I, не подтвердили, однако, ожиданий Ивелича. Черногорские старейшины знавали русского графа по русско-турецкой войне, когда он также находился в Черногории и давал советы по ведению военных действий в окрестностях Подгорицы, Спужа и Никшича. Поскольку тогда он не оставил о себе добрую память, то и сейчас его встречали с заметной сдержанностью. Но он был посланником царя, а значит — к нему следовало относиться с уважением. И, тем не менее, народные вожди не проявляли готовности участвовать в каких-либо делах, направленных против владыки Петра I, о чем в связи с приездом Ивелича в Боку начали распространяться слухи. Митрополит пользовался у черногорцев большим уважением, и они были настолько преданы ему, что преданность эта, как оценивается в литературе, «граничила с религиозным фанатизмом»³. Поэтому, а также и потому, что участие в сомнительной миссии с элементами заговора против своего же государственного лидера было противно моральным принципам патриархального черногорского общества, где приверженность вере и чести занимали важное

¹ Архивско одљење Државног музеја Црне Горе (далее — АОДМЦГ). Ф. Петар I — 1804. 750 (Гроф Ивелич — Сотонићанима. Котор, 2 / 14. II. 1804).

² АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 751 (Гроф Ивелич — попу Пламенацу и др. Котор, 2 / 14. II. 1804).

³ Павићевић Б. Петр I Петровић Његош. С. 240.

место, отклик черногорских старейшин на послания Ивелича был слабым. Только в нескольких случаях, и с результатами гораздо слабее нежели ожидалось, Ивелич имел возможность встретиться с теми, кому он посылал свои письма. Так, «в начале марта (24 февраля / 8 марта 1804 г.) Риекская нахия направила к Ивеличу делегацию из 30 человек, уполномоченную дать клятву на верность России»¹. Такой их поступок, естественно, не выходил за рамки традиционного отношения черногорцев к своей покровительнице и не мог считаться успехом русского посланца по привлечению народа Черногории к целям его миссии, направленным против Петра I.

С другой стороны, несмотря на весьма слабые результаты, Ивелич с самого начала пытался морально дискредитировать черногорского владыку. В более мягком варианте его нападок Петр I обвинялся не столько в предательстве, сколько в заблуждении, в которое его ввел секретарь, французский и австрийский агент, «злойный недруг русского двора», аббат Дольчи, из-за чего Петр I и отдалился от России. А далее, для компрометации личности владыки средства почти не выбирались. Чтобы как можно больше унижить его и вызвать к нему неприязнь, говорилось даже и о его договоре с каким-то государством о продаже черногорского народа за 25.000 дукатов².

И все-таки самые большие надежды в деле «расправы» с черногорским владыкой Ивелич возлагал на распространение царской грамоты, в которой сам Александр I обвинял владыку Петра I и его секретаря Франо Дольчи в предательстве.

Имея в виду, что негативный политический курс российского двора по отношению к Черногории, подтверждаемый и миссией Ивелича, формировался, главным образом, на базе информации, которую о внешнеполитических связях владыки с французами русским сообщил архимандрит Вучетич, Петр I поначалу пытался, избегая открытой конфронтации с российским эмиссаром, а тем самым и с Петербургом, решить спор, разобравшись с Вучетичем. И если в письме к Ивеличу от 14 / 26 февраля 1804 г. он выражал сожаление, что тот прибыл в австрийский Котор, а не в Черногорию³, то в обращении к черногорцам и брдчанам от 6 / 18 марта 1804 г.⁴, уверенный в их поддержке, владыка известил их о мерах, которые должны были быть приняты для защиты его самого и его народа «от роли, которая ему неспра-

¹ Там же.

² Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. С. 260.

³ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 754 (Петар I — грофу Ивелићу. 14 / 26. II.1804).

⁴ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 765 (Петар I — Црногорцима. 6 / 18. III.1804).

ведливо приписана»¹. Об их характере и причинах Петр I известил черногорцев и брдчан особым посланием, которое оглашалось во всех общественных местах.

В «Объявлении» были обнародованы все лживые и клеветнические утверждения, связанные с его именем, и подчеркивалась та роль, которую в их появлении сыграл «клятвопреступник» Вучетич. Исполненный решимости не поддаваться несправедливому давлению и лжи, которые «противно совести и морали» распространялись, чтобы народ возненавидел его, Петр I писал черногорцам, что «ни он, ни общенародное Правительство» Вучетича «терпеть не могут», ибо тот «оказался откровенным предателем и врагом всего народа», который «и днем и ночью» вносит «в нашу страну великую смуту и раздор, чтобы разорить наш общий мир» и «воссоздать прежний кровавый меч междоусобной войны», который огромным совместным трудом с «братьями старейшинами притупился»². Из-за таких поступков Вучетича было решено лишить его, «по силе законов церковных, властью от Бога данной», сана архимандрита, а кроме того — чина священника, дьякона, полудьякона, как и монашеского звания вообще, и то «таким образом», чтобы «приравнять его к предателю», и как «преступника» с того дня считать «исключенным из сословия священников и из общества; законопреступником и открытым подстрекателем народа»³, связанным вечным проклятием. В соответствии с таким решением, владыка в том же послании «всем лицам духовным и мирским и вообще всем христианам мужского и женского пола» во всей своей епархии, «под жестоким проклятием», запретил оказывать расстриге Вучетичу какой-либо почет и уважение, или от него благословение принимать, или какой-то с ним договор явный или тайный заключать, а сторониться его «как злодея и злонамеренного смутьяна», который «не думает ни о чем, кроме как ложью утвердить свое счастье на несчастье и позоре всего нашего народа, как это любой может с очевидностью и увидеть»⁴.

О решении, принятом от имени черногорского Правительства, владыка в тот же день известил Ивелича. Известие о том, что Петр I 6 / 18 марта 1804 г. лишил Вучетича (посланного в Черногорию вместе с Ивеличем) сана архимандрита, было «обнародовано не только в Черногории, но даже в австрийских землях, в общедоступных газетах, без каких-либо препятствий со стороны австрийского губернатора барона Розетти»⁵. С русской же стороны решение владыки было истол-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. № 6.

ковано как новое доказательство высокого уровня «своеволия» черногорского митрополита и, как таковое, не могло вызвать симпатий.

Резкость реакции черногорского митрополита уже на первые действия, которые в рамках своей миссии предпринял граф Ивелич, была для него абсолютно неожиданной. А содержание письма владыки, которым он известил царского посланца о лишении Вучетича сана архимандрита, порождало дополнительное беспокойство. Петр I не только сообщал ему, что вместе со своим народом «собирается защищать нашу свободу», но и передавал намерение Правительства послать вскоре к царю своего представителя, чтобы тот «устно отчитался о нашем нынешнем новом порядке, мире и согласии, а затем и о других событиях»¹. Последнее было крайне неприятно для Ивелича, который уже предвосхитил успешный результат своей миссии в донесениях, отправленных в феврале того же года императору и товарищу министра иностранных дел Чарторыйскому.

«Объявление» владыки от 6 / 18 марта и письмо Ивеличу, отправленное в тот же день, принудили того к быстрому ответу, обусловив и его более интенсивные контакты с черногорским митрополитом и Правительством, бывшие до того времени куда слабее, чем связи с черногорскими старейшинами, которых он пытался склонить на свою сторону. В ответе Петру I от 7 / 19 марта 1804 г. Ивелич сообщал, что он знаком с его «Объявлением» от 6 / 18 марта, в котором его пресвященство соизволил объявить, что «весь народ черногорский и брдский с давних времен выражал верность и служил русскому престолу, которому служит и сегодня, и будет служить впредь»². Как «любимый брат», он выражал радость, что те, кто оклеветал владыку и «все общество черногорское и брдское, как и предатели веры христианской, навсегда останутся опозоренными»³.

Интересно заметить, что только в этом письме (т. е. значительно позже, чем многих черногорских старейшин) Ивелич оповестил владыку Петра I, что он послан в Черногорию Александром I, причем с императорской грамотой. Уже этот факт ясно свидетельствовал о характере и истинных задачах миссии Ивелича. Поставленные перед ним задачи, очевидно, не имели целью проверку реального положения в Черногории, или степени преданности черногорского митрополита России, а исходили из его «профранцузской ориентации», как окончательного, заранее утвержденного факта.

Ситуация, возникшая в связи с лишением Вучетича сана и предполагаемой поездкой черногорской делегации в Петербург, вызвала у цар-

¹ Павићевић Б. Петр I Петровић Његош. С. 242.

² АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 767 (Гроф Ивелић — Петру I. Котор, 7 / 19. III. 1804).

³ Там же.

ского эmissара первые признаки паники. Пытаясь изменить положение в свою пользу, Ивелич в обращении к владыке настаивал, чтобы текст императорской грамоты был как можно быстрее оглашен, и предлагал ему срочно встретиться. Из-за неточных отчетов о своей деятельности, посланных в феврале Александру I и Чарторыйскому, ситуация, в случае поездки черногорских представителей в столицу России могла принять еще более неблагоприятный оборот. Поэтому в письме Правительству Ивелич просил его членов отказаться от намерения послать черногорскую делегацию в Россию¹.

Известие о том, как Петр I поступил с архимандритом Вучетичем, встревожило не только Ивелича. Оно было полной неожиданностью и для русских сановников, так что это его решение в негативном контексте комментировалось и в русской столице². Владыку упрекали в непоследовательности по отношению к эmissарам, которых он сам и направлял в Петербург, или же в недостаточно глубокой оценке при их отборе, особенно после всех отрицательных высказываний, высказанных им в адрес Вучетича по прибытии Ивелича³.

Во всяком случае, после энергичного сопротивления, оказанного черногорским владыкой попыткам царского эmissара сместить его с власти, и публичного сообщения черногорцам решений, которые Петр I принял вместе с Правительством, позиция Ивелича, в смысле возможности решения поставленных перед ним задач, уже не была прежней. Своими действиями митрополит всем дал понять, что именно он является подлинным правителем в своей стране, и что без его согласия не могут быть приняты какие-либо решения, связанные с будущим Черногории. Тем не менее, русский посланец как будто не всегда это понимал. Озабоченный возникшей ситуацией, Ивелич, вместо того, чтобы принять существующее положение вещей и соотнести с ним методы своей деятельности, т. е. установить сотрудничество с митрополитом, продолжал твердо придерживаться полученных инструкций. Тем самым, отношения Черногории с российским двором еще больше осложнялись вместо того, чтобы продвигаться в сторону улучшения.

Хотя эmissар упорствовал и продолжал вести себя по-прежнему и после того, как конфликт с черногорским владыкой стал открытым, была очевидна его нервозность. Она проявлялась в желании любой ценой осуществить свою миссию, несмотря на то, что он действовал в сов-

¹ Павићевућ Б. Петр I Петровић Његош. С. 242.

² АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 767 (Гроф Ивелић — Петру I. Котор, 7 / 19.III.1804).

³ Так, в письме тайному советнику Лашкареву от 3 / 15 апреля 1803 г., о Стефане Вучетиче или Вукотиче владыка пишет как о неблагодарном и хитром человеке, который обманом получил от него паспорт для отъезда в Россию. В письме он просил, чтобы его выслали из России, так как его деятельность там вредит Черногории (АВПРИ. СПб. ГА. I-8. 1803. Оп. 7. Д. 6. Л. 34-35).

сем иных обстоятельствах, чем те, на которые рассчитывали в Петербурге. Этим объясняются и постоянные ссылки Ивелича на авторитет русского императора и его приказы, а также несколько командный тон в обращении с черногорскими вождями. Таким образом, он пытался укрепить свой пошатнувшийся авторитет и обеспечить успех миссии.

Такой вывод можно сделать на основании писем, которые он продолжал посылать черногорским старейшинам. Не получив ответа на одно из них, он снова обращается (6 / 18 марта 1804 г.) к сердару Николе Джурашковицу и всем «церковным и светским лицам и всему народу Риекской нахии». При этом Ивелич не просит, чтобы в Котор для разговора с ним прибыли «два верных и честных человека», а скорее в форме приказа предписывает: «Поэтому, по получении этой книги вам следует приехать, чтобы увидеть царскую грамоту и услышать царские распоряжения и приказания...»¹.

Первым серьезным предупреждением, что выполнение поставленных задач такими методами будет невозможно, стало письмо, которое направили Ивеличу Правительство, губернатор и остальные старейшины 16 / 28 марта 1804². В послании, подписанном Вукале Радоничем, в частности, говорилось, что царская грамота, которую тот привез, «поразила наш народ», поскольку из нее видно, что его императорское величество на основании лжи и клеветы расстриги Вучетича и его соучастников был обманут. Особое внимание в письме уделялось защите «доброго архипастыря нашего» от клеветы, нанесенной усердной работе и верности его, как и «его прародителей», императору. Подчеркивались заслуги Петра I по наведению порядка в стране, а также в деле учреждения Правительства, принятия законов, урегулирования отношений между племенами, прекращения раздоров, мести и кровавых междоусобиц в народе.

Имея все это в виду, губернатор, сердары, воеводы, князья и все Правительство черногорского и брдского народа просили эмиссара царя, чтобы он «по справедливости наш верный народ и архипастыря нашего» перед царским двором оправдал и «эту живую рану с нас снял»³.

В ответе Правительству граф Ивелич уверял, что он и до сих пор «по справедливости» извещал его императорское величество «о его преосвященстве господине митрополите и народе черногорском и брдском». Он выражал между тем и удивление, что «господа правители так быстро изменили свое мнение», не увидевшись с ним и «не зная

¹ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 766 (Гроф Ивелич — сердару Ђурашковићу и др. Котор, 6 / 18.III.1804).

² АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 768 (Губернатор и остали главари — грофу Ивелићу. 16 / 28.III.1804).

³ Там же.

приказаний царя»¹. На основании этого он делал вывод, что они и не желают видеть его у себя, хотя «в первой книге» звали его приехать. Он советовал им, что «не следует злодеев слушать», потому что они могут «много зла и вреда нанести», завершая письмо вопросом: «Желаете ли вы принять меня, ответьте, чтобы я знал»².

По поводу письма, с которым к нему обратилось Правительство, Ивелич написал и Петру I. Он выражал свое удивление по поводу его содержания и уверял, что донесения, которые он посылал, не могут быть причиной того, что клеветники черногорского митрополита «не останутся посрамленными», а сам он «не будет удостоен особой царской милости»³. Он был готов как можно скорее, при личной встрече, ознакомить владыку с полномочиями, полученными от императора. В соответствии с этим и требование Правительства, чтобы он, как царский посланец, находящийся в особой миссии, обратился с письмом к царскому двору и оправдал черногорцев, могло вызвать там не только гнев высокопоставленных персон, но и большие неприятности.

Последнее было, без сомнения, точно. Обращением к царскому двору, как того требовало Правительство, Ивелич дезавуировал бы содержание своих прежних донесений, вместе с «хорошими результатами своей работы», о которых в них упоминал, а себя самого представил бы в весьма неприглядном свете. Поэтому в переписке с черногорскими старейшинами он пытался найти наиболее безболезненный выход из того незавидного положения, в каком оказался.

И в письме к владыке он выражал «удивление и сожаление» из-за того, что Правительство столь быстро изменило свое мнение и предложения, не встретившись предварительно с ним и не узнав инструкции и приказы, которые у него имелись. Повторяя мысль из обращении к Правительству, он обвинял черногорцев в том, что встреча с ним все еще не была устроена, и что, если бы «великий русский царь послал его к недругам своим», то и они пустили бы его в «свои границы», чтобы услышать приказ царя.

На критику Ивелича, высказанную в двух данных обращениях, ответ последовал незамедлительно — в тот же день в письме, которое от имени Правительства черногорского и брдского народа подписал владыка Петр I⁴. В нем говорилось, что было бы естественно, если бы Ивелич

¹ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 771 (Гроф Ивелић — Петру I. Котор, 18 / 30.III.1804).

² Там же.

³ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 770 (Гроф Ивелић — Петру I. Котор, 18 / 30.III.1804).

⁴ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 770 (Петр I — грофу Ивелићу. Станевичи, 18 / 30.III.1804).

«сначала с митрополитом рассмотрел и посоветовался обо всем, что его сиятельству было приказано со стороны русского двора», а затем, чтобы народ на сборе с этим познакомился и чтобы высокий царский приказ «посредством нашего архипастыря был объявлен», дабы затем его выполнять. Было заявлено, что неизвестны причины, из-за которых граф Ивелич в уже определенном месте с черногорским митрополитом не захотел встретиться, а «соизволил разгласить, а в некоторых случаях и письменно сообщить», что «народ наш» из-за непослушания «три империи разорит».

Тем не менее, идея встречи Ивелича и митрополита Петра I снова прозвучала. Как наиболее подходящее место владыка предлагал свой дом в Майинах. На встрече должны были быть решены все спорные вопросы. Она включала в себя и прибытие Ивелича в Черногорию, как это подобает царскому посланнику и вручение грамоты. Об организации его приезда позаботились бы владыка и Правительство черногорское и брдское. В конце письма Петр I просил, чтобы Ивелич сам выбрал место и время их встречи¹.

Но встреча эта, тем не менее, так и не произошла. Вместо этого, Ивелич продолжал использовать свои старые методы — писал письма и вызывал черногорских старейшин для переговоров в Котор. Тот факт, что некоторые из ранее отправленных писем остались без ответа, вероятно, и являлся одной из причин повторения таких приглашений. В повторных письмах это делалось со все более откровенным выражением нескрываемого недовольства и даже личной обиды. В послании пиперам, направленном «от российского посланника во все стороны, благочестивым и благородным господам: воеводе Радовану, Пауну Шушову, Савичу Радоеву, ... Стефану Джуковичу в Челии пиперской и другим старейшинам»², заметна явная разочарованность Ивелича из-за того, что его ранние обращения игнорировались. Он писал им, что уже три месяца прошло с тех пор, как он прибыл в Котор, и что из всех нахий приезжали к нему старейшины, которые видели царскую грамоту «и подчинились приказу», но что от пиперов еще никого «не было до сих пор, тогда как грамота послана и пиперам, как и другим землям»³. Он писал им, что «если они от царя московского и если желают быть под его защитой», то пусть приедут в Котор или Рисан, как только по-

¹ В письме от 18 / 31 марта 1804 г. владыка сообщал, что, в зависимости от того, какой «взаимный договор они заключат» в связи с приемом его светлости «в наших краях», он договорится с Правительством, дабы встретить его в Черногории с соответствующими почестями (АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Оп. 6. Д. 94. Л. 50).

² АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 774 (Гроф Ивелич — Пиперима. Котор, 21.III. / 2.IV.1804).

³ Там же.

лучат его письмо и «по возможности скорее», и не поступят по-иному, «если желают добра себе и всем пиперам...»¹.

Конец этого документа поврежден, и его невозможно точно прочитать. Ивелич говорит, что получил что-то от «визиря от Скадра», а затем добавляет — «а также и от визиря Боснийского и визиря Герцеговины». Логично предположить, что и эти строки могли быть написаны в контексте предупреждений о том, что нужно поступить по его приказу. Такой вывод напрашивается и имея в виду общий тон письма, хотя из историографии известно, что, поступая по инструкции императора, Ивелич через доверенных лиц вел «переговоры с боснийским и скадарским визирями, готовыми привлечь к войне с французами армию численностью в 30–40.000 воинов»².

Аналогично предшествующему и письмо Ивелича, которое в тот же день он послал сердару Махаилу Бошковичу³. В нем еще конкретнее говорится о весьма слабых результатах, которых он добился, посылая письма черногорским старейшинам и призывая к тому, чтобы царская воля «была как можно скорее и последовательнее выполнена». И в начале этого письма, подчеркивая, что за время его трехмесячного пребывания в Которе из всех «нахий страны» приезжали к нему старейшины, которые «видели царскую грамоту и приняли приказ», он далее пишет, что никто еще не появился из Брды, а грамота послана «и ее жителям так же, как и другим землям»⁴. Полагая такое посещение условием продолжения дальнейшего покровительства русского царя над жителями Брды, Ивелич писал сердару Бошковичу: «Когда эта книга придет, возьми с собой верного московскому царю старейшину и приезжай ко мне в Котор или Рисан, как только сможешь»⁵. А затем добавил: «Не поступай иначе, если добра желаешь себе и всем брдчанам, чтобы не жить в вечной гибели, поэтому я должен переговорить с тобой о великих делах»⁶. В конце письма, которое, как и предшествующий документ, повреждено, Ивелич указывает, что он «получил две...» (и далее нельзя прочитать — чего), упоминая опять в том же контексте визиря скадарского, боснийского и герцеговинского.

Но Ивелич не только писал письма и приглашал черногорских старейшин приехать в Котор. Поскольку такой метод его деятельности не принес ожидаемых результатов, он был вынужден сам посещать нахии

¹ Там же.

² Павићевић Б. Петр I Петровић Његош. С. 240.

³ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 774 (Гроф Ивелић — сердару М. Бошковичу. Котор, 21.III. / 2. IV.1804).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

и племена. В письме, направленном црмничанам 5 / 17 мая 1804 г.¹ он пишет, что в тот день приехал в Прасквицу, а завтра поедет «на Кастио² с высочайшей грамотой уважаемого и великого царя российского»³. Затем он намеревался поехать в Црмницу, чтобы объяснить ее жителям «высокую царскую милость», уверенный, что это «почтенное и верное племя ... его с радостью и добрым сердцем примет»⁴. Как отмечается в литературе, это его желание, однако, не осуществилось, «так как поп Йово из Црмницы, надежный соратник владыки, намерен был вернуть его в случае приезда»⁵.

Параллельно с обращениями к черногорским старейшинам, Ивелич вел переписку и с владыкой Петром I. Она, в основном, была инициирована черногорской стороной. Попытки переговоров с царским посланцем были связаны с тем, что черногорский митрополит хотел как можно скорее разрешить возникшие недоразумения и избежать дальнейшего обострения отношений с императорским двором.

Так, например, в письме от 9 / 21 мая 1804 г., адресованном Ивеличу, Петр I выражал недоумение, что тот не принимает мер, которые «соответствуют правде и славе его величества и добру черногорского и брдского народа, а также его чести»⁶. В ответе, отправленном в тот же день, Ивелич утверждал, что он этих мер никогда не чурался и был согласен выполнить «все, что полезно для службы нашему всемилостивейшему государю и храброму черногорскому и брдскому народу», а во вред общим недругам.⁷ С этой целью он предлагал, если то угодно его преосвященству митрополиту, прибыть на переговоры в Рафаиловичи, во время которых владыка сможет убедиться в «чистоте его души и доброго сердца для всего, что есть польза и честь народа», и что он не против его преосвященства, «что и докажет на деле»⁸.

На предложение Ивелича владыка ответил два дня спустя, подтвердив получение письма и выразив готовность прибыть на встречу⁹. Тем не менее, долго планировавшаяся встреча царского эмиссара и черногорского митрополита опять не состоялась. Несмотря на дружеский тон их переписки и взаимные заверения в личной честности и привер-

¹ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 788. (Гроф Ивелић — Сотонићанима. 5 / 17.V.1804).

² Кастио — крепость в старом городе в Будве. Может быть, имеется в виду Кастел Ластва, т. е. Петровац-на-море.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Павићевић Б. Петр I Петровић Његош. С. 245.

⁶ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 793 (Гроф Ивелић — Петру I. 9 / 21.V.1804).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 793 (Петар I — грофу Ивелићу. 11 / 23.V.1804).

женности одним и тем же политическим целям, никаких конкретных сдвигов в сближении позиций и установлении искреннего сотрудничества не произошло.

Об этом свидетельствует и письмо Петра I Ивеличу от 5 / 17 июня 1804 г.¹ В нем владыка открыто упрекает его в том, что он не желал принять меры, которые тот искренне советовал ему в своих письмах, а поступал, опираясь на клевету расстриги Вучетича, а не следуя плану, «благоприятному и полезному для обеих сторон, который доверен ему высочайшим двором», удаляясь, тем самым, «от интересов царских и народных»².

Однако, несмотря на резкий тон, который черногорский владыка использовал в переписке с Ивеличем, их встреча вскоре произошла. И хотя мнения о том, имела ли она вообще место, в литературе расходятся, думается, что при посредничестве Илии Греговича и Илии Медины их свидание все-таки состоялось 13 / 25 мая 1804 г. в Бечичах³. О чем они на нем говорили, известно мало. По сведениям, которые приводит в своей работе Н. И. Хитрова⁴, Ивелич на этой встрече вручил владыке письмо Святейшего Синода Русской православной церкви. Во время беседы был также затронут вопрос о проведении через две недели общенародного сбора с целью вручения грамоты Александра I, которую Ивелич привез в Черногорию. На встрече вместе с владыкой присутствовали и члены Правительства, и все они поклялись в верности России.

По возвращении в Котор после свидания с черногорским митрополитом (15 / 27 мая 1804 г.) Ивелич отправил в Петербург отчет об успешном доведении дела «до желаемой точки»⁵. Однако реальное положение вещей, даже судя по оценкам российских историков, существенно не изменилось и после этой встречи. Ничто не свидетельствовало о том, что положение в Черногории сможет вскоре стать таким, каким представлял его Ивелич в своих отчетах, адресованных в Петербург.

Миссия графа Ивелича с самого начала проходила в обстановке взаимного недоверия, резкой критики и взаимных нападок. Согласно более позднему его отчету, который содержался в «Записке о порученных

¹ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 805 (Петар I — грофу Ивелићу. 5 / 17. VI. 1804).

² Там же.

³ Сообщая об этой встрече в письме князю Адаму Чарторийскому от 8 / 21 июля 1804 г., Ивелич, в попытке представить ее как свой успех, пишет, в частности, что, согласно его желанию, прибыл к нему на границу маинскую в село Бечичи, «со своим Кулуком или Правительством», черногорский владыка. Все вместе они трижды поклялись в верности его царскому величеству (АВПРИ. ГА. I—7. 1803—1809. Оп. 6. Д. 4. Л. 12).

⁴ Хитрова Н. И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. С. 315.

⁵ Там же.

и выполненных делах генерал-лейтенанта Ивелича с ноября 1803 г. по март 1806 г.»¹, главным виновником того был черногорский владыка. Пытаясь доказать сей «факт», Ивелич в том же документе указывал, что к шагам, которые он предпринимал, как царский посланец, владыка относился «холодно и с большой сдержанностью». Иллюстрируя его поведение, Ивелич привел случай, произошедший в начале 1803 г. Когда он потребовал, чтобы его как эmissара императора оповестили о «порохе и свинце», которые хранились в монастыре Майини, то владыка, не считая должным сделать это лично, ответил через своего секретаря Доментиана. И Ивелич был извещен, что от графа Николая Войновича получено несколько бочек пороха, но никакого свинца. В продолжении письма, подписанного иеромонахом Доментианом Владевичем, ему было сказано и то, что его «преосвященство владыка отчета об этом никому, кроме своего народа и вновь основанного Правительства, давать не обязан».² Тем же документом, за подписью секретаря владыки, Ивелич был уведомлен, что вновь основанное Правительство «вскоре пошлет к российскому двору эmissаров, чтобы оповестить его императорское величество самодержца всероссийского обо всех здешних учреждениях и событиях», и что до получения от «его императорского величества милостивого и высокого рескрипта, его преосвященство и народное правительство ни с кем иным не желает заниматься делами, важными для нации»³.

Такое содержание письма можно трактовать как решение митрополита и Правительства на определенное время заморозить всякую политическую деятельность, т. е. прервать контакты со всеми, включая и графа Ивелича. Однако, в «Записке о порученных и выполненных делах...»⁴, которую, в виде отчета, составил Ивелич, приводится тот факт, что Правительство черногорское и брдское отнюдь не тогда, а позднее, «16 / 28 марта 1804 г., по рекомендации митрополита, приняло решение прервать все отношения с Ивеличем и отказалось принять высокую грамоту, как тенденциозную и неприемлемую»⁵.

Среди архивных документов, использованных нами, этим числом действительно датируется упомянутое и весьма важное письмо Правительства, губернатора и остальных старейшин графу Ивеличу. Но, хотя его оригинал, который хранится в архиве Черногории, сильно повреж-

¹ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803-1809. № 6.

² Там же.

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 21.

⁴ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803-1809. № 6.

⁵ АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 768 (Губернатор и остали главари — Ивелићу, да оправда народ пред царем ради клевете. Цетиње, 16 / 28. III. 1804).

ден и не может быть прочитан полностью, на основании того, что нам удалось расшифровать, вышеприведенная констатация Ивелича никак не может быть подтверждена. Не останавливаясь на причинах появления этого письма и его целях, так как об этом уже говорилось, можно без всякого сомнения сказать, что они не были связаны с необходимостью прервать отношения с Ивеличем. Об этом свидетельствует и часть текста, в которой Правительство, губернатор и остальные старейшины просят у графа Ивелича помощи и личного ходатайства за то, чтобы «по правде наш верный народ и архипастыря нашего» оправдал перед царским двором и «эту живую рану с нас снял»¹.

И на основании других архивных материалов, сведения из «Записки о порученных и выполненных делах...»² Ивелича о решении черногорцев прервать отношения с царским эмиссаром и не принять грамоту русского императора, вряд ли могут быть подтверждены. Из переписки Правительства черногорского и брдского, с одной стороны, и императора, Коллегии иностранных дел и самого Ивелича — с другой, которую в 1933 г. опубликовал Д. Вуксан, складывается как раз обратное впечатление. В своих обращениях черногорская сторона чаще всего выражает недоумение — почему Ивелич так долго задерживается в австрийском Которе и не передает грамоту?³ По тем же источникам, владыка, которого не покидала мысль о встрече с Ивеличем, писал ему в начале мая 1804 г. и недоумевал, почему тот не действует по приказу царя⁴.

Правда, в литературе можно встретить оценки, что в середине года, когда давление Ивелича было «все сильнее и неприличнее», а Правительство владыки становилось «все монолитнее», «оно без колебаний заявило», что никогда не примет в Черногории не только генерала Ивелича, но и самого царя, если это не согласовано с владыкой⁵. Однако, и эта констатация не может считаться твердым доказательством в пользу утверждения Ивелича, что черногорцы и брдчани отказались принять царскую грамоту, т. е. помешали Ивеличу ее передать.

Поскольку утверждение об отказе черногорцев и брдчан принять царскую грамоту с такой определенностью содержится только в ци-

¹ Там же.

² АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803–1809. № 6.

³ В уже цитированной работе Д. Вуксана приводится письмо Правительства черногорского и брдского от 6 марта 1804 г., направленное Ивеличу. В нем говорится: «Правительству известно, что Ивелич прибыл в австрийский город Котор как посланник царя, чтобы передать черногорцам царскую грамоту. Уже второй месяц как Правительство ожидает приезда Ивелича в Черногорию, ... чтобы выяснить причины его прибытия» (Цит. по: Вуксан Д. Црна Гора у 1804. години // Записи. 1933 С. 205).

⁴ Там же.

⁵ Павићевић Б. Петар I Петровић Његош. С. 245; Б. Ђорђевић. Црна Гора и Русија. С. 121.

тированной «Записке о порученных и выполненных делах...»¹, можно предположить (а это сквозит и в документе в целом), что, приводя такой аргумент, Ивелич хотел убедительными причинами объяснить провал своей миссии и, таким образом, снять с себя ответственность за невыполнение поручений и, прежде всего, — за непередачу царской грамоты черногорскому народу. Второй вывод, который подкрепляет и данную констатацию, заключается в том, что вся деятельность Ивелича велась по плану, утвержденному на высшем уровне, в направлении удаления владыки Петра I, как способа ликвидации, как считалось, сильного французского влияния в Черногории. Уверенность, что этого легко добиться, являлась, очевидно, результатом ошибочной оценки позиций владыки в Черногории и силы русского влияния там. То, что в Петербурге преувеличивали авторитет России, ее официальных учреждений и возможности их влияния на черногорцев, подтверждает и тщетность акции Святейшего Синода, которая лишь подтвердила окончательный провал миссии Ивелича...

3. Препятствия в осуществлении миссии Ивелича в Черногории

С самого начала деятельность Ивелича, касавшаяся Черногории, встретила сопротивление всех ее общественных структур: как племенных организаций, так и нового органа центральной власти — Правительства. Все предложения императорского посланца воспринимались ими крайне сдержанно на фоне мощной политической поддержки, оказываемой народом митрополиту.

Кроме неприятия призывов к сотрудничеству, которые Ивелич из Котора направлял вождям черногорских и брдских племен, дабы отвлечь их от владыки, сопротивление его миссии выражалось и в конкретных политических шагах. В частности, в том, что решения, касавшиеся его миссии, утверждавшиеся на общенародных сборах или Правительством, посылались или ему самому, или же (особенно позднее) — в высшие государственные и церковные учреждения России. За этим стояли, в первую очередь, Правительство суда черногорского и брдского, как новый «надплеменной» орган, губернатор Вукале Радонич — светский деятель с аналогичными претензиями, а также многочисленные сердары, воеводы, кнезы; и помимо них, конечно, сам владыка Петр I, как митрополит Цетинской митрополии и правитель страны.

О первом протесте Правительства, губернатора и остальных старейшин, который был заявлен Ивеличу 16 / 28 марта 1804 г., мы уже гово-

¹ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6 Д. 4. 1803-1809. № 6.

рили, упомянув о нем в контексте реакции на содержание императорской грамоты и деятельности, которую по инструкциям из Петербурга выполнял Ивелич. Однако его миссия, за которой стояли высшие светские и церковные органы — двор, правительство, Святейший Синод Русской православной церкви, — имела, наряду с военно-политическим, и религиозный аспект. Чтобы более эффективно выполнить политические задачи, в качестве особого «пункта» в программу деятельности Ивелича была включена и «акция» Святейшего Синода — вместе с письмами императора Ивелич привез в Черногорию и особую синодальную грамоту. Хотя по форме она имела церковный характер, ее смысл был, по сути, политическим.

Более того, синодальная грамота по своему значению являлась одним из ключевых элементов масштабно задуманной русской стратегии в отношении Черногории. Из нее исходили или на нее опирались все остальные политические решения, которые придавали смысл и определяли главные цели миссии Ивелича. И самой важной из них было удаление митрополита Петра I из Черногории. Хотя это решение принимали политические органы, его реализация была облечена в религиозные одежды, так что необходимость удаления Петра I обосновывалась не политическими причинами — сотрудничеством с французами, а неканоническим поведением владыки, который по этой причине должен был явиться на суд Святейшего Синода.

После того, как стали известны обвинения, содержащиеся в грамоте Святейшего Синода, сопротивление миссии Ивелича приобрело новые формы. С политического уровня — т. е. с вопроса о контактах владыки с французами, оно перешло в религиозную плоскость, сведясь к вопросу о его неканоническом поведении.

Так сложилось, что синодальная грамота, призванная своим содержанием прикрыть уже принятые политические решения, и, как таковая, имевшая вспомогательное значение, оказалась в центре внимания. Таким образом, роль Русской православной церкви оказалась вдвойне неблагоприятной. С одной стороны, суть ее отношения к Черногории и митрополиту Петру I, помимо воли ее руководящих органов, определялась решениями министерства иностранных дел, принятыми в рамках уже утвержденной политической стратегии правительства¹, а с другой — основной отпор в Черногории вызвали не грамота Александра I и его инструкция, а именно обращение Синода.

---

¹ Окончательная версия грамоты Святейшего Синода составлена на основании проекта, подготовленного в министерстве иностранных дел России. Несомненно, это говорит о том, что она отражала мотивы политики царского правительства, средством реализации которой послужила миссия графа Марка Ивелича.

Тем самым, все действие, имевшее выраженно политический характер, но которому из-за характера власти в Черногории требовалось придать приемлемо-религиозную форму — с целью избежать видимости открытого вмешательства в ее внутренние дела, — получило сильный конфессиональный оттенок, практически полностью вытеснивший политические вопросы на второй план.

Включение Святейшего Синода в процесс «наказания» Петра I, вопреки ожиданиям, оказалось контрпродуктивным. Решающим в этом отношении было то, что центр тяжести в «споре» с политического уровня переносился на конфессиональный. Это одновременно сужало и пространство для политического маневра графа Ивелича, что не могло не сказаться негативно на успехе его миссии. Потому и результаты ее были намного слабее ожидаемых, хотя в определенном смысле попытка именно таким путем повлиять на изменение положения в Черногории выглядела логичной.

Утверждая это, мы, прежде всего, имеем в виду значение Цетинской митрополии, как религиозного института, в политической жизни Черногории, а также тот факт, что ее возглавлял «главный виновник» — владыка Петр I, которого только отлучением от церкви, т. е. смещением с митрополичьего престола, можно было лишить и политического влияния в стране. В дальнейшем включение Святейшего Синода в выполнение этих политических целей придавало всей процедуре необходимую легальность, и, прежде всего, из-за почти решающей роли, которую Русская православная церковь играла в сохранении Цетинской митрополии и ее превращении в мощный, причем не только духовный, но и светский центр Черногории. И, наконец, таким путем было легче всего убедительно обосновать причины, которые обуславливали необходимость вызова Петра I в Петербург, т. е. его удаление с поста митрополита и из Черногории.

Грамота Святейшего Синода предлагала в этом смысле множество «доказательств» пригрешений владыки в области духовной жизни, т. е. его неканонического поведения. Ее окончательный вариант выражал официальную политику России. Соответственно, содержание грамоты — это наглядный пример, иллюстрирующий использование церкви в политических целях, о чем можно с полным правом говорить, имея в виду, что значительно «более мягкий вариант» грамоты, составленный в самом Синоде, был затем заменен «окончательной версией», составленной на основании проекта министерства иностранных дел. Вместо приглашения черногорского митрополита прибыть в Петербург для разъяснения вопросов, «которые относятся к духовной пользе», без каких-либо угроз, как было прописано в проекте грамоты Синода, принят совсем другой текст с множеством упреков и обвинений в его адрес. Тем самым, как справедливо отмечает российский ис-

торик В. Жмакин, царская политика навязала высшей церковной власти России «позорную роль»¹.

Нападки, содержащиеся в синодальной грамоте, решительно повлияли на силу отпора и сплочение всех общественных структур в Черногории. Это привело и к тому, что в переписке со Святейшим Синодом был поставлен вопрос о правах этого учреждения вмешиваться во внутренние дела Черногории. Центр тяжести «спора», таким образом, все более удалялся от рассмотрения причин кризиса в черногорско-русских отношениях, смещаясь с переговоров черногорского владыки с французами к вопросу о его канонической ответственности. Поэтому, прежде, чем перейти к рассмотрению шагов, предпринятых Черногорией в связи с обвинениями церковных властей России, коротко остановимся на содержании грамоты Святейшего Синода.

В грамоте содержались весьма резкие замечания в связи с деятельностью церкви и выполнением церковных обрядов.

Письменное обращение Святейшего Синода от 11/23 октября 1803 г.² было адресовано преосвященному митрополиту черногорского и брдского народа Петру. Наряду с информацией о прежних взаимоотношениях и о помощи из России, полученной Цетинской митрополией, в нем перечислялись конкретные недостатки в деятельности церкви, ответственность за которые возлагалась на митрополита. Его упрекали, в частности, что при крещении новорожденных в церкви им не делают помазания святым мирром, что церковь не имеет утвари, необходимой для богослужения, что монастыри в запустении и без икон, что народ не слушает поучений о вере и уважении Бога и что сам митрополит не стремится его этому научить, а «уже годы пропускает в ведении святой службы»³.

Далее говорится, что все те обстоятельства, которые представляют «знамение крайней опасности и гибели христианского православия у черногорского и брдского народа», привлекли внимание Святейшего Синода, «который с духовным возмущением замечает, по крайней мере, невнимательное отношение пастыря к своему стаду, если и не намеренное учение разврату»⁴. По этой причине, Синод, с высокого одобрения его императорского величества, решил вызвать его на свой суд, «только для того, чтобы Вы или опровергли упомянутые обвинения, оправдались, или, если чувствуете себя виновным, очистились

¹ Жмакин В. Россия и Черногория в начале XIX века // Древняя и новая Россия. 1881. Т. XIX. № 3. С. 434.

² С Божию милостию Святейший Правительствующий Синод Преосвященному митрополиту черногорского и брдского народа Петру (АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803-1809. № 2).

³ Там же.

⁴ Там же.

истинным покаянием и, получив одобрение, исправили бы затем недостатки и с особой заботой хранили бы у черногорского и брдского народа православную, греко-русскую веру, которая испокон века там исповедуется»¹.

Предполагая, что владыка отзовется на его приглашение, Святейший Синод предупреждал, что отказ значил бы «явное признание намеренных действий против православия и подтверждал бы приверженность латинской церкви», в чем митрополит также обвинялся. Далее высший орган церковной власти России угрожал владыке Петру I, что в таком случае он будет лишен всех духовных достоинств, «как архиерей, который, как говорят, приклонился иноверцам и поэтому достоинства своего сделался недостоин и как сын церкви», и что «православный черногорский и брдский народ» будет призван «избрать себе другого, более достойного верховного пастыря и послать его в Санкт-Петербург на рукоположение»².

Резкость тона синодальной грамоты более свидетельствовала о том, что решение о судьбе Петра I было уже принято, чем оставляла какие бы то ни было возможности для диалога. Письмо Синода в концентрированном виде выразило всю мощь политического давления, которое Россия в ту пору оказывала на Черногорию. Было совершенно очевидно, что оно было направлено на то, чтобы обвинениями и угрозами, т. е. демонстрацией силы, добиться намеченной цели — устранить Петра I с поста митрополита. Но ожидания, что посредством миссии графа Ивелича, в которой «поучаствовал» и Святейший Синод, это будет сделано легко и быстро, и на место отставленного будет поставлен новый владыка — вероятнее всего Стефан Вучетич, оказались, тем не менее, нереальными. Произошло как раз обратное — вместо того, чтобы ослабить позиции черногорского митрополита, такие действия лишь укрепили его положение и способствовали большему единению народа и всех значительных политических факторов в Черногории.

Считая владыку оклеветанным и несправедливо обвиненным, черногорцы и брдчане встали на его сторону, а Правительство предприняло шаги, чтобы устранить эти недоразумения, вступив в переписку с официальными представителями России.

Мы уже сказали, что первые обращения Правительства, например, письмо от 6 / 18 марта 1804 г.³, были направлены графу Ивеличу. В них высказывалось намерение разрешить спор путем переговоров на месте без его дальнейшей «интернационализации», т. е. перенесения в высшие сферы российской власти. Однако, эти настояния и выраже-

¹ Там же.

² Там же.

³ Вуксан Д. Црна Гора у 1804. години... С. 205.

ние недовольства по поводу длительной задержки Ивелича в Которе и постоянных контактов с противниками черногорцев и брдчан, ничего не изменили в методах его деятельности и не уменьшили его подчеркнутого высокомерия в проведении мер, указанных в инструкции Александра I и имеющих основной целью — восстановить народ против владыки.

Но, если поначалу в этой переписке преобладали мотивы, относящиеся, главным образом к обвинениям, «клевете и интригам расстриги Вучетича», и просьбы защиты от царского эmissара, то содержание ее существенно изменилось после оглашения грамоты Святейшего Синода. О том убедительно свидетельствует другое обширное письмо «Правительства Черногорского и Брдского» генерал-лейтенанту графу Марку Ивеличу от 3/15 июля 1804 г.

Извещая его о получении копии синодальной грамоты с содержащимися в ней выражениями — весьма неприятными «для нашего черногорского и брдского народа», Правительство обратило особое внимание на решение «русских святых отцов» о вызове «нашего архимандрита» на их суд, полагая, что, хотя его вызывали, «чтобы оправдаться», он был обвинен заранее, так как «синодальные отцы осудили его, говоря, что он недостойн сана архимандрита, требуя от него покаяния в каких-то его ошибках, неизвестных синодальным отцам и необоснованных, не принимая во внимание нашу приверженность ему и его верность отечеству, как и усердие по отношению к нашему всемилостивейшему покровителю, а также невиновность, несмотря на клевету»¹. Правительство с удивлением узнало о намерении Синода выбрать, вместо «нашего достойного и доброго архипастыря», другого, из-за того, что он якобы «веру и закон нарушил» и сговорился с «неприятелями своего отчества». Еще большее недоумение его члены выражали потому, что Святейший Синод «распространяет свою власть на все края вселенной и мучает нас, требуя действовать по русскому образцу, ... не учитывая нашу бедность и неудобства»². Они были особо возмущены, что Синод требовал это от Черногории — «страны без власти и управления судебного, без школ и похожих учреждений», в которой и без того нет никакой ереси, а только «самая чистая и истинная вера в господа Бога Христа, греко-восточная иллирская существует»³. В письме к Ивеличу, которое подписали 67 человек (губернатор, сердары, кнезы, воеводы и несколько священников), члены Правительства с гордостью объясняли, что «народы (!) черногорские со времени гибели славяно-сербского

¹ Черногорски законици 1796–1916. Правни извори и политички акти од значaja за историју државности Црне Горе. Зборник докумената. Књ. 1. Приредили Б.Павићевић и Р. Распоповић. Подгорица, 1998. С. 352–353.

² Там же.

³ Там же.

царства, спасаясь от лютых неприятелей христианства и селясь здесь, в горной местности, остались независимыми от какой бы то ни было власти, которая могла бы ими править»¹. Они подчеркивали, что «повинутся» только митрополитам, «как нашим архипастырям», и следуют их наставлениям, поскольку они их «к защите православной веры и свободы ... непоколебимо направляют».

В продолжении письма Ивеличу Правительство посвятило главное внимание «нынешнему архипастырю», который «более, чем все предыдущие, трудностей имел», потому что во время его многолетнего отсутствия², «из-за раздоров», черногорцы были покорены «сильным и злым соседом» — албанским пашой. По возвращении, «научившись молить и заклинать и переходить пешком из одного места в другое», владыка предпринял все, чтобы народ привести к единству, помочь ему вооружиться и дать отпор неприятелю «нашей веры». Его заслугой оно считало завоеванную несколько лет спустя (1796) победу и то, что с тех пор черногорцы остались «при своей свободе и независимости» и в своей вере. Из-за этого членам Правительства было еще более странно, что русский Святейший Синод, не учитывая местные обстоятельства, попытался убедить их в правоте клеветников, которые порицают «доброго и бодрого» пастыря и называют его ленивцем. Указывая на различные условия, в каких живет Церковь в России и в Черногории, на «удобства» отцов Синода, обязанных отправлять лишь пастырскую службу, они подчеркивали, что условия Черногории требуют, чтобы «народ непрестанно учили и мирили, а служба выполняется тогда, когда завершаются народные дела», и когда архипастырь от них отдохнет, «но такой отдых ему редко выпадает», так как дел, которые он выполняет, очень много.

В стране не было судебной власти, и именно усилиями владыки «суд и управление в прошлом году утверждены». Таким образом, говорится далее в письме Правительства, в стране наведен порядок, а «самоволие и злодеяния» паресечены. Но вместо того, чтобы оказать поддержку этим усилиям, синодальные отцы, закрывавшие глаза на несчастья черногорцев, «в тот момент, когда наш народ во всем оказался в значительно лучшем положении, чем прежде», вызвали его архипастыря «неправедно и без причины на свой суд». Ибо «лучшего архипастыря божьего, более полезного отечеству и более верного ему, а

¹ Там же.

² В конце 1784 г. Петр I уехал на рукоположение в Сремские Карловцы, откуда в следующем, 1785 г., через Вену отправился в Россию и долго оставался в Шклове — у Давида Неранджича и его брата Симеона Зорича Неранджича. Через них он стремился обеспечить себе доступ к царскому двору. В начале ноября он выехал в Петербург, откуда через три дня по прибытии был выслан по приказу Потемкина. В Черногорию он вернулся в феврале 1786 г.

также столь приверженного христианству у нашего народа никогда не было»¹.

В связи с замечаниями Синода о положении в Церкви, в письме говорилось, что дары «нашим митрополитам», архиерейские одежды и ризы священников с необходимыми принадлежностями для архиерейской службы находятся отнюдь не в чужих руках, «а мы о них заботимся, противно тому, что доложено Святейшему Синоду»². Далее указывалось, что приходские церкви в Черногории Синод «не только драгоценными, но и вообще никакими ризницами и вероучительными книгами не снабжал», а церковные нужды удовлетворялись частично из доходов митрополии, а частично собственными усилиями владыки. Авторы письма не отрицали, что в снабжении «святым мирром и антиминсами» черногорцы более всего обязаны «русскому Святейшему Синоду», но отказывались признать, будто «нашим новорожденным при крещении не совершается помазание святым мирром». Священники получали мирро от архиереев «в сосудах алебастровых, для такой святыни подготовленных». Не принят был и упрек в малом числе монахов в монастырях, но сказано, что их, «имея в виду наличие средств на содержание, имеется достаточно».

Особое внимание в письме Правительства уделялось объяснению статуса Цетинской митрополии. Его авторы упрекали Святейший Синод в том, что он не принял во внимание тот факт, что народ славяно-сербский имел «своего греко-восточного иллирского патриарха, которому все сербские архиереи подчинялись и от которого зависели до 1766 г.». Речь, по сути, шла о том, что после ликвидации Печской патриархии (1766) Цетинская митрополия начала развиваться особо, отличаясь от остальных частей Сербской православной церкви. После ликвидации Печской патриархии все ее епархии попали под юрисдикцию Вселенской патриархии. Чего, однако, не произошло с Цетинской митрополией, которая стала в известной степени самостоятельной. Благодаря этому, Вселенская патриархия не могла влиять на избрание цетинских митрополитов и назначать на этот пост греков, как в других епархиях Сербской православной церкви. Правительство писало, что со смертью последнего «патриарха Сербии» Василия Бркича «прекратилось существование славяно-сербского патриарха, и престол печского патриарха навеки остался пустым». Поэтому «наш господин митрополит со здешней нашей церковью остался один, независимый от какой-либо власти других архиереев...»³. Это оговаривалось, как один

¹ Черногорски законици 1796–1916. Правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Зборник докумената. Књ. 1. С. 354.

² Там же.

³ Там же. С. 355.

из аргументов о независимости Цетинской митрополии от Русской церкви, и, кроме того, указывалось, что народ славяно-сербский «в древние времена» принял христианство «не от русских, а от греков, как было и на Руси»¹. Потому в письме оспаривались «власть и попечительство» Синода над славяно-сербским народом, «который живет вне границ русских»².

Не признавались и права Российской империи в отношении черногорского и брдского народа. Подчеркнуто, что он не «состоит» под ее подданством, «а только под моральным покровительством, и не по каким-то другим причинам, но лишь по единоверию и единоплеменности»³. Независимость и самостоятельность Черногории по отношению к России, как в духовном, так и в светском отношении обосновывалась тем фактом, что черногорцы и брдчане «не мыслят быть русскими подданными, как ее граждане», а свою свободу, которую обеспечили им пра-родители, желают защищать до последней крайности. Они готовы скорее умереть с мечом в руке, чем сдаться в «подлое рабство какой бы то ни было силе».

Но, несмотря на все аргументы, изложенные с целью защиты от обвинений Синода, Правительство недвусмысленно подтверждало свою приверженность России. Оно подчеркивало, что такое положение останется до тех пор, «пока в ней будет существовать вера православная», т. е. «на все времена», даже в том случае, «если бы Россия оттолкнула нас от себя», что, по его мнению, вряд ли могло когда-то случиться.

Имея в виду столь глубокую преданность черногорцев и брдчан русскому двору, члены Правительства были весьма разочарованы появлением в «наших краях» царского посланца, который «хочет арестовать нашего архипастыря и подвергнуть человека, не являющегося подданным России, синодальному суду»⁴. Отвергая эту возможность, они писали Ивеличу, что «до сих пор наши архиереи не отбывали в русский Синод на допрос», а потому и «этого нашего архиерея мы не пустим, чтобы кто-то восторжествовал над ним и судил его»⁵. Если же он все-таки в чем-то ошибался и был виноват, «за что несправедливо оклеветан», то они могли бы судить его сами — «но не как архиерея, а как самого честного среди нас гражданина»⁶.

Это свое право они обосновывали тем, что Петра I «народ черногорский» сам избрал своим государственным и духовным вождем, и что, поскольку в Сербии в то время не было патриарха, который бы руко-

¹ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803–1809. № 4.

² Там же.

³ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803–1809. № 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. № 4.

положил его в архиереи, то это сделал карловацкий митрополит в Венгрии, после чего он и был назначен «верховным пастырем над нами»¹. Поэтому, если бы он «оказался недостойным своего положения», то они сами сменили бы его и назначили другого, «более достойного, чем он», и нашли бы соответствующее место для его рукоположения. Но так как «более достойного и заботливого», чем владыка Петр I, у них никогда не было, то до тех пор, пока он жив, они не желали никого другого, и особенно — не «такого мошенника и расстригу, как клеветник Вучетич». Ивеличу открыто было сказано, что «о нашем архипастыре никто не должен беспокоиться, кроме нас»².

В письме к нему, таким образом, Правительство, выражая решительное несогласие с политикой царского правительства, защищало право народа Черногории самостоятельно принимать решения по всем вопросам внутренней жизни страны. Это право было основано на результатах освободительной борьбы — т. е. завоевании независимости и успехах в деле организации власти и внутреннего порядка. В этом смысле члены Правительства не воспринимали покровительство России над Черногорией так, как однажды выразился Ивелич, спрашивая их: «Считаете ли вы государя своим повелителем?» Они полагали, что так вопрос перед ними ставить нельзя, ибо «сами они о подданстве русском никогда не задумывались», считая покровительство связанным «с набожностью и усердием» и не прося при этом «ни лучших условий, ни привилегий», и что, стало быть, «настоящего покровителя» они и не имеют. Своим единственным долгом, исходя из преданности и «усердия к русскому двору», они считали обязанность «воевать против врагов русских до последней капли крови», как, собственно, делали и их предки. Никаких других обязательств они на себя не принимали, а это готовы были исполнить «и сейчас, если какие-нибудь вражеские захватчики на нашу территорию через австрийскую границу попытаются проникнуть»³. При этом, очевидно, что имелись в виду французы, так как Ивеличу было сказано, что они будут биться с присущей им отвагой, чтобы не позволить врагу, «кем бы он ни был, проникнуть на нашу территорию»⁴.

В связи с данными объяснениями и сам Ивелич подвергся резкой критике. Фактически это было заявление, принятое на общенародном собрании, который состоялся в день Вознесения Господня. Черногорцы и брдчане указывали ему на то, что он совершил «бесполезный и крайне оскорбительный шаг» — в особенности потому, что содержание императорской и синодальной грамот было обнародовано «прежде, чем Ваша

¹ Црногорски законици 1796–1916. Правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Сборник докумената. Књ. I С. 356.

² Там же.

³ Там же. С. 357.

⁴ Там же.

светлость пожелала подробно объяснить их нам». Из-за этого копии этих документов попали в руки «наших недругов», а черногорцы вместо ожидаемой заботы и внимания Святейшего Синода получили «тяжелые удары по нашей невинности»¹. Кроме того, они обвиняли его в том, что в своих отчетах русскому двору он «свидетельствовал вредно» и при том «так коварно, как не сделали бы даже наши недруги и клеветники»². О его моральных качествах они также были не лучшего мнения. Зная его и ранее, они напоминали ему, что от всего, что он обещал, «не было никакой пользы — ни славы, ни чести, ни счастья». И это его «последнее обещание» было бы для народа «значительно губительнее, чем первое», если бы они ему поверили. Поэтому они и не желали позволить ему давать им поручения и приказы на их территории.

Поскольку, как считали черногорцы, Ивелич их опозорил, то они, в заключении письма обращались к нему с «единогласной просьбой» впредь пощадить их от всех «явных и тайных интриг» и оставить их в покое, так как «истина его не интересует». Сами же они оставались «непоколебимы в верности русскому престолу, ожидая кого-нибудь из русских дворян, кто бы все выяснил и передал в Петербург правду о положении дел»³.

Одновременно с обращением к Ивеличу были отправлены письма Александру I, Святейшему Синоду Русской православной церкви и Коллегии иностранных дел. Все это говорило о весьма серьезной реакции черногорцев в отношении русской политики, последовавшей в момент, когда стали известны главные политические цели миссии Ивелича. В появлении писем, адресованных высшим органам светской и духовной власти России, решающую роль сыграла грамота Святейшего Синода и обвинения, высказанные в ней в адрес черногорского митрополита. Ее сильное влияние очевидно и по тому, что в этих письмах почти не упоминается существо конфликта — установление политических связей Петра I с представителями французских властей, или же, как в письме Ивелича, откомментированном нами ранее, это делается спорадически.

Поскольку все эти письма были подготовлены после общенародного сбора, состоявшегося в день Вознесения Господня, очевидно, что они не могли не затронуть вопросов, обсуждавшихся на нем. Так, грамота Святейшего Синода, которая должна была послужить осуществлению политических целей царского правительства, неожиданно стала мощным объединяющим фактором, производя совсем не тот эффект в жизни Черногории, на который рассчитывали в Петербурге.

Так как обращения к Святейшему Синоду и Коллегии иностранных дел по своему содержанию не слишком отличаются от цитированного

¹ Там же. С. 358.

² Там же.

³ Там же.

письма Правительства Ивеличу, то обратим внимание на текст послания черногорских старейшин Александру I.

Для него, более чем для других документов, характерно историческое введение, где объясняется наличие самого феномена «правления митрополита» в Черногории, возникшего после смерти «последнего воеводы Джордже Црноевича». Описывая борьбу, которая под предводительством владык «из знаменитых черногорских семей» свыше трех веков велась в защиту православной веры и свободы, и значение милостей русских царей, которых они удостаивались, в письме показаны и результаты, достигнутые совсем недавно (принятием законов и «устройством суда») в деле наведения порядка в стране.

По словам авторов письма, наибольшие заслуги в прогрессе страны принадлежали черногорскому митрополиту Петру I Петровичу Негошу. Подчеркивались его постоянство и беспристрастность, а также отсутствие честолюбия и корыстолюбия. Высказывались и другие похвалы по поводу его деятельности, согласно «должности и сану архиерейскому» и труда на благо народа¹. Указывалось также, что «бремя церкви, возложенное на него», не таково, «что нести невозможно», но, что в стране все еще «желательное устройство не введено в постоянный обиход»². В связи с этим, авторы обращались к царю с просьбой — чтобы, если его императорскому величеству «угодно», он «сообщил нашему народу о каких-либо высоких милостях при удобных обстоятельствах», а митрополиту «доставил желанную славу и счастье»³. Все это «проводилось бы с величайшей пользой» для двора его императорского величества. Во всяком случае, в письме оценивалось, что необходимо «иметь к нашему доброму архипастырю и самому верному и усердному Вашего Им. Велич. кавалеру такое отношение, которое приносило бы пользу империи и народу»⁴.

И далее черногорские старейшины выражали недоумение по поводу неожиданного прибытия графа Ивелича в «австрийский» город Котор и его контактов с «нашими самыми большими злодеями», тогда как в Черногории он никого не известил о своем приезде. Еще большей неожиданностью были приглашения в «чужой город», чтобы его «приказания получать и выполнять», что им, «как свободному народу», было несвойственно. Они были возмущены угрозами, что если его приказы не будут исполнены, то он с армиями «трех царств нас окончательно разгонит»⁵. Кроме того, Ивелич, под влиянием бывшего архимандрита

¹ *Медаковић М.* Повестници Црне Горе са законом од најстаријег времена до 1830. С. 151–155.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Вучетича, «тайным и явным способом» чинил в народе «смуту и всех злых людей и смутьянов призывал к себе»¹. Давая им разные обещания, он подстрекал их «поднять народ на мятеж и нарушить царящее ныне спокойствие».

Некорректное отношение Ивелича проявлялось и в том, что он не приехал «в наши края» с высокой грамотой, «которая под печатью ему выдана» и которую он должен был огласить перед черногорцами и брджанами. Вместо этого он послал копии этой грамоты «через окружающий народ», так что она тем самым «попала в руки наших недругов». Это вызвало дополнительную неприязнь и возмущение черногорских старейшин действиями Ивелича, о пригрешениях которого, относящихся к 1788 г., они также написали царю².

И все же самым оскорбительным они считали то, что Ивелич, приехав в Котор, начал хвалиться, что он, «по имеющейся инструкции и приказанию Святейшего Синода» прибыв в Черногорию, «посадит под арест нашего архипастыря и отправит его в Сибирь на вечное заточение». Такие его поступки они считали постыдными. Поскольку черногорский митрополит ничем не заслужил, чтоб «в его доме и при независимом статусе кто-либо мог так тиранически с ним обращаться», черногорские старейшины выражали свою решимость защитить его, заявляя, что «пока мы живы, никакая сила не в состоянии причинить ему такую неприятность».

Право столь энергично выступить в защиту своего архипастыря они основывали на том, что черногорский митрополит «никогда не был под заповедью русского Синода», а только под покровительством его императорского величества, и при том — исключительно моральным. Поскольку Святейший Синод «не имеет никаких прав» в отношении архиереев, «которые ему не подвластны за пределами русских границ», то они полагали, что и «с нашим архипастырем он никаких дел иметь не может».

Свое обращение к царю черногорские старейшины завершали заявлением, что они всегда готовы принять «милости, приказания и распоряжения ... для пользы народа» от «всемилодивейшего покровителя». Но имея в виду, что генерал Ивелич не желает через черногор-

¹ В письме говорилось, что это в людей, «совершивших преступление, суд нынешнего, вновь учрежденного Правительства вселяет страх» (Там же).

² В письме императору говорилось, что Ивелич во время своего приезда в 1788 г. для обнародования «высочайшего манифеста», чтобы поднять здешнее христианское население с оружием против турок, уверял, что «по окончании войны оно будет счастливым». Поверив его «клятвам», черногорцы и брджане начали воевать, а сам он «убежал к своим родственникам» и на деньги, полученные на военные нужды, построил для своей семьи «великолепные каменные дома». Пока шла война, он занимался торговлей и так недозволенным образом разбогател, тогда как черногорцы, проливая свою кровь в боях с врагами, «остались без какой бы то ни было награды» и были обмануты.

ского митрополита объявить те, которые он им уже послал, то они просили — в целях «познания истинного нашего существа» — соблаговолить послать «совестливого посланника и русского по происхождению». От имени народа черногорского и брдского они покорнейше просили царя Александра I приказать послать паспорта «посланникам всего народа», которых они намеревались отправить «с самыми благоприятными вестями» к его императорскому величеству.

И в письме к царю, смело и без малейшего стеснения, старейшины опровергали все обвинения царского правительства и Святейшего Синода в адрес черногорского митрополита. Они энергично отстаивали право черногорцев и брдчан суверенно решать вопрос об избрании своих владык и самостоятельно их судить — в случае возможных прегрешений. Царский эмиссар обвинялся во внесении смуты и раздора в страну. Из-за его неточных отчетов о реальном положении дел в Черногории, народные вожди просили царя послать им другого человека и с этой целью разрешить черногорским представителям приезд в российскую столицу.

Хотя уверенность в собственной правоте и легко доказуемая «слабость» обвинений в адрес черногорского митрополита, несомненно, «стояли» за решительностью тона, каким было написано письмо черногорских старейшин императору и Святейшему Синоду, но как политические круги Петербурга тогда, так и современных исследователей сейчас, смущала и смущает степень энергичности в отстаивании ими собственных позиций. В Черногории, очевидно, осознавали военное и политическое значение своей страны, что, наряду с выше упомянутыми причинами, открывало возможность для диалога, который вообще-то не был характерен для взаимоотношений великой державы и малого народа, государство которого все еще находилось в процессе становления.

Это видно и по следующему шагу, предпринятому черногорцами. Через два дня после проведения общенародного сбора, когда уже были отправлены обращения в высшие сферы государственной власти России, как и самому Ивеличу, последовало новое письмо, адресованное ему же и подписанное на сей раз только Петром I¹. Оно было логичным продолжением принятых до этого мер, которые своей продуманностью придавали усилиям черногорцев и брдчан, в защите от нажима русского правительства, характер завершенной политической акции.

Сообщая о состоявшемся сборе старейшин черногорского и брдского народа, Петр I писал Ивеличу, что, несмотря на все нанесенные ему обиды, он из-за «верности отечеству и усердия по отношению к его императорскому величеству», предлагал народу, что если тот «видит свою

¹ Хотя переписка, о которой говорилось выше, официально велась между черногорским Правительством и органами государственной и церковной власти России, нет сомнений, что письма с черногорской стороны, благодаря своему авторитету и положению в стране, писал лично владыка Петр I.

пользу» в том, что обещал Ивелич, «принять его с удовольствием», хотя в «высокой грамоте» о нем ничего хорошего не было сказано. Однако, и несмотря на то, что русский Синод хотел «отделить его от нации» и вывести на суд, резкость выражений против него в синодальной грамоте вызвала в народе — вместо неприязни к нему — обиду, лишь усилив неприязнь к царскому эмиссару. И именно из-за содержания этого «вредного документа», который Ивелич хотел огласить, а также по другим важным причинам, «весь народ» согласился, что его не следует принимать «в свои пределы», оставаясь на прежних позициях, как это объяснялось «его светлости» в последнем письме.

Таким образом, решение общечерногорского сбора, о котором Петр I известил Ивелича, заключалось в том, чтобы запретить царскому посланцу прибытие в Черногорию. Хотя и письма Правительства, посланные в Петербург, о которых мы упоминали, опирались на резолюции, принятые на этом сборе, в них, кроме выражения недовольства поступками Ивелича и неприятия методов его деятельности, ни слова не говорилось о решении черногорских старейшин запретить ему въезд «в свои пределы». Но именно потому, что это решение было озвучено несколько дней спустя, в виде особого документа, адресованного тому, к кому оно непосредственно относилось, оно имело больший политический вес и говорило о решимости черногорцев и брдчан отстаивать собственные позиции и не сдаться под давлением русского правительства. Таким образом, резолюции черногорского сбора фактически означали конец миссии графа Ивелича. Запретом въезда в Черногорию он был лишен возможности выполнить задачи, предусмотренные в царской инструкции. Благодаря сопротивлению черногорцев, политика русского правительства, для реализации которой и была организована эта миссия, потерпела фиаско.

Но, несмотря на отказ повиноваться требованиям, за которыми стояли царский двор и Святейший Синод, и на открытую поддержку митрополита, Правительство, как и сам владыка, все время подчеркивали свою «приверженность, верность и усердие» России и готовность черногорцев и брдчан до последней крайности бороться против ее врагов. Именно этот факт давал возможность русскому правительству, используя новые методы (среди которых устранение черногорского владыки с его престола уже не будет главным), попытаться осуществить цели своей политики в отношении Черногории. Решение было найдено в открытии российского консульства в австрийском Которе, в круг деятельности которого включались и дела, относившиеся к Черногории. В этом смысле между задачами миссии Ивелича и теми, что предстояло выполнять консульству в Которе, не было столь большой разницы. Изменился только способ их реализации и отношение к черногорскому митрополиту Петру I... А вот это, опять же с точки зрения внутренней жизни Черногории, явилось отнюдь не малой переменной.

ГЛАВА III

ОСНОВАНИЕ РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА В КОТОРЕ

Решительная позиция черногорцев и брдчан, как и стойкость их в своем мнении о личности черногорского митрополита, повлияли на существенное изменение политики России в отношении Черногории. Безуспешность миссии Ивелича показала, что в ее новой концепции следует стремиться не к устранению Петра I, а к установлению с ним близкого сотрудничества. Кроме того, всем стало ясно, что ошибочной политикой царского правительства был в значительной мере подорван авторитет Святейшего Синода, а тем самым, и возможность использования его в политических целях.

Поскольку более не существовало возможностей для восстановления двусторонних отношений путем канонического влияния, то не оставалось ничего иного, как посредством светских учреждений найти способ преодоления недоразумений, длительная нерешенность которых обрекала эти отношения на серьезный застой. Тот факт, что черногорцы, оказывая отпор миссии императорского эмиссара, умело использовали решения своих только что основанных институтов светской власти, показывал, что такое положение требует новых методов влияния. Поэтому в Петербурге было решено попытаться реализовать свои замыслы, касающиеся Черногории, с помощью российского консульства в Которе.

Решение об основании консульства подтверждало провал десятилетней миссии Ивелича, в которую были вложены немалые денежные средства¹. Включение консульства в решение данного вопроса убедительно свидетельствовало, что при русском дворе начали осознавать, что на Черногорию надо рассчитывать «не как на русского подданного, а как на государство, которое черногорцы строят собственными силами и пытаются обеспечить ему международную поддержку, сколько бы они ни клялись в преданности России»². В соответствии с ее новым положением и выраженными элементами независимости, следовало и строить будущие взаимоотношения. Поэтому открытие русского кон-

---

¹ По «Отчету о приходах, расходах и непредусмотренных затратах за службу графа Ивелича с 4 января 1804 г. по 28 марта 1806 г.» в декабре 1804 г., в счет кредита в 10.000 рублей, он получил 2.470 венецианских червонцев, а в течение того же года эта сумма увеличена еще на 3.000 червонцев, так что в целом составила 5.470 венецианских червонцев. Вся эта сумма по отчету о расходах, которые также приведены, была потрачена.

² *Јовановић* Р. Црногорско-руски политички односи 1771–1917 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 29.

сульства в Которе явилось отражением по-новому понятой государственной и международной роли Черногории.

Кроме этого, статус русского консульства в Которе можно рассматривать и иначе. Существование и деятельность консульства на территории Австрии (с октября 1804 и до начала 1806 г.) представляло собой один из первых видов дипломатическо-консульского представительства Черногории в отношениях с соседними государствами. Таким образом, его можно назвать одной из первых форм международного представительства Черногории в период ее становления как государства. При этом, оно осуществлялось не посредством ее собственных органов, а через российскую консульскую службу, что самому основанию и деятельности консульства придает особое историческое значение и ценность.

Однако, хотя формы и практические методы деятельности русского консульства в Которе с очевидностью указывают на значение этого учреждения в истории дипломатии Черногории, причины его создания, как мы уже видели, не объяснялись дипломатическими или консульскими нуждами страны. Оно было связано с гораздо более крупными и далеко идущими задачами внешней политики России на Балканах. С этой точки зрения, открытие консульства в Которе явилось своеобразным политическим компромиссом между методом неудавшегося воздействия российского правительства на Черногорию и необходимостью любой ценой, и иными средствами, сохранить влияние России в этой части европейского континента. Его существование имело, таким образом, более глубокий политический смысл, чем просто дипломатическая или консульская защита интересов Черногории. При общем анализе эти его нужды кажутся даже второстепенными по сравнению с главными целями внешней политики России, о которой говорилось выше. Но даже несмотря на это, нельзя не упомянуть то значение, которое деятельность русского консульства имела для практики конкретного консульского представительства, т. е. защиты интересов Черногории — особенно в отношениях с Австрией и отчасти с Турцией.

1. Основание консульства и определение его полномочий

Первые сведения о намерении России открыть консульство в Которе (независимо от консульства в Дубровнике, полномочия которого распространялись и на Черногорию) относятся к первым числам мая 1804 г. Заместитель министра иностранных дел России А. А. Чарторыйский письмом от 5 / 17 мая 1804 г. известил черногорского владыку Петра I, что Александр I подписал указ об учреждении консульства в Которе¹. Тогда же (5 / 17 мая 1804 г.) Чарторыйский сообщил и

¹ Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. С. 130.

чрезвычайному российскому посланнику в Вене графу Разумовскому об основании консульства в Которе и назначении консулом надворного советника Алексея Осиповича Мазуревского¹.

В черногорской историографии указывается, что до назначения в Котор А. О. Мазуревский занимал консульскую должность в Дубровнике². Эти сведения не точны, хотя он действительно имел опыт консульской работы, находясь ранее на должности консула в Таврии (Крым)³.

Мазуревскому был выдан документ о назначении — консульский патент. Он был также датирован 5 / 17 мая 1804 г. и подписан императором Александром I. В консульском патенте объяснялись причины назначения русского консула в Котор, указывались рамки его полномочий и сообщались основные данные о его личности. В консульском письме Мазуревского говорилось: «Мы сочли возможным назначить нашего консула в Которе, который находится под властью Его величества Императора Римского⁴, чтобы Наши подданные, которые приезжают туда заниматься торговлей и прочими делами, могли иметь необходимую помощь и защиту. Зная о хороших качествах и способностях Нашего надворного советника Алексея Мазуревского, Мы избрали его в это звание и этим, подписанным нашей рукой патентом, назначая его Нашим консулом в Которе, просим Его величество Императора Римского, а от начальников его и других чиновников требуем, чтобы упо-

¹ АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. Д. 3. 1803-1809. Л. 4.

² Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. С. 130... Сведения о том, что Мазуревский был прежде консулом в Дубровнике другие авторы не подтверждают.

³ Надворный советник А. О. Мазуревский начал карьеру в 1786 г., когда поступил в Коллегию иностранных дел и был направлен в миссию в Константинополе. В 1795 г. он был повышен в чине и стал переводчиком, а после освобождения от обязанностей в Коллегии перевелся на службу к генералу Зубову. Здесь он служил до 3 декабря 1796 г., когда по собственному желанию был по болезни уволен в чине коллежского асессора. Затем он отправлял секретарские обязанности по консульской службе и, согласно указу Сената от 11 февраля 1797 г., был назначен консулом в Таврии. Кроме предусмотренных консульских полномочий, Мазуревский, по распоряжению Новороссийского военного губернатора графа Каховского, выполнял и все обязанности, связанные с иностранными делами, касавшиеся этой губернии. После закрытия консульства в Таврии (1802) он занимался переводом записок и других документов графа Мочинига. Эту работу он выполнял для Торговой и Медицинской коллегий, за что в 1803 г. высочайшем указом был произведен в чин надворного советника. (См.: АВПРИ. СПб. ГА. IV-5. Оп. 123. 1804-1809. Д. 3. Л. 56-59, 71-89).

⁴ Котор находился в составе Венецианской республики с 1420 г. до ее падения в 1797 г. После наполеоновских войн, по мирному договору в Кампо-Формио (1797), Бока Которская и Далмация вошли в состав Австрии. Вена тогда являлась столицей Священной Римской империи германской нации.

мянutoму Мазуревскому разрешено было в обозначенном месте выполнять свои обязанности и пользоваться всеми правами, привилегиями и льготами, которые соответствуют его званию, и которыми консулы других держав на территории Его величества Императора Римского пользуются. В свою очередь обещаем, что и Мы будем в аналогичных случаях поступать также, если получим об этом прошение»¹.

На основании указа царя, начальник канцелярии А. А. Чарторыйский в тот же день подписал А. О. Мазуревскому инструкцию², приказав ему «сразу же» выехать на новое место службы. Тот же документ предписывал русскому посланнику в Вене графу А. К. Разумовскому ознакомить «Министерство Великого Императора Римского» с назначением А. О. Мазуревского и просить, чтобы вновь назначенному консулу было разрешено «в обозначенном месте выполнять доверенную ему должность без препятствий». Это подразумевало, в частности, что он может пользоваться всеми правами, привилегиями и льготами, которые обычно предоставляются консулам других стран на территории под властью австрийского императора. К своей депеше, направленной в диппредставительство России в Вене, Чарторыйский приложил и патентное письмо Мазуревскому в переводе на французский язык.

Согласно полученным инструкциям, все торговые дела русских подданных в Которе были в ведении надворного советника А. О. Мазуревского. В случае тех или иных трудностей в его деятельности, посланник в Вене граф А. К. Разумовский был обязан, «в соответствии с возникшими обстоятельствами», помогать ему, представляя его на венском дворе, или же необходимыми советами³.

И русский генеральный консул в Дубровнике К. К. Фонтон был извещен о назначении Мазуревского⁴. Коллегия иностранных дел поручила ему «снабжать того необходимыми сведениями», которыми он как консул располагал, поскольку до сих пор Черногория и Бока Которская входили в состав консульского округа в Дубровнике.

Первые известия об основании русского консульства в Которе и о назначении консула поступили в Черногорию через Марка Ивелича. В письме черногорскому владыке Петру I от 7 / 19 июня 1804 г. он со-

¹ АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. 1804. Д. 3. Л. 34 а. (Консульский патент А. О. Мазуревского).

² АВПРИ. ГА. IV-5 Оп. 123. 1804. Д. 3. Л. 28-33 об. (Инструкция государственной коллегии иностранных дел А. О. Мазуревскому, назначенному российским консулом в Которе. 5 мая 1804 г.).

³ АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. 1803-1809. Л. 4.

⁴ Царское правительство назначило К. К. Фонтон на должность русского генерального консула в Дубровнике в конце 1801 г. При этом ему было поручено и ведение дел, связанных с Черногорией (См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 17. № 2; Павићевић Б. Политика цара Павла I према Црној Гори... С. 51-65.

общал об открытии консульства и о том, что консулом, «который будет защитой народу черногорскому и брдскому», назначен надворный советник Алексей Осипович Мазуревский, прибывший тогда же в Котор.

Мазуревский ехал в Котор через Вену и Триест. Любопытно, что только в Вене он узнал об истинных причинах своего назначения. Во время пребывания в столице Австрии, А. К. Разумовский, российский посланник при венском дворе, сообщил ему, «что стечение обстоятельств требует его скорейшего присутствия в Боке Которской»¹.

Алексей Осипович Мазуревский прибыл в Боку 22 июня 1804 г. Подтверждение тому мы находим в нескольких источниках. В письме русскому государственному чиновнику Д. П. Татищеву от 26 июня / 8 июля 1804 г. граф Ивелич сообщал, что получил его письмо (22 июня / 4 июля) от Мазуревского, «который как раз прибыл в Котор»². На аналогичные аргументы опирается и Антон Никифоров в своей работе «Первые русские представительства в Черногории и Сербии». О дате приезда Мазуревского он пишет, что тот «к месту назначения прибыл через Вену и Триест и 8 июля 1804 г. писал из Рисана (поселение на берегу Которского залива), что 22 июня прибыл в “Боко-ди-Каттаро” и оттуда отправился в Рисан, где передал депешу графу М. Ивеличу»³.

По прибытии в Боку Мазуревский сначала поселился в Рисане, где в то время проживал М. К. Ивелич. Поскольку экзекватура из Вены еще не была получена, открытие консульства откладывалось. Это тем не менее не помешало А. О. Мазуревскому приступить к делам, которые касались Черногории. Эту возможность обеспечил ему черногорский митрополит, оповестивший народ в Черногории о его прибытии.

В «Объявлении» черногорцам и брдчанам от 14 / 26 июля 1804 г. Петр I извещал, что «его величество все милостивейший наш государь император всероссийский Александр Первый соизволил устроить консульство в Которе и послать туда консула российского происхождения господина Алексея Иосифовича Мазуревского»⁴. По «царской воле и приказанию», он должен был «следить и при любой удобной возможности оборонять и защищать православные народы христианские, а особенно черногорцев и брдчан, которые давно усердием и верностью привязаны к высочайшему всероссийскому престолу»⁵. Петр I, «к радости и веселью» народа, сообщал, что «эти новые милости царские, в которых содержится счастье, честь и благополучие»

¹ АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. 1804. Д. 3. Л. 271.

² АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803-1809. № 4.

³ Никифоров А. Прва руска представништва у Црној Гори и Србији // Историјски записи. Подгорица, 1991. Бр. 1-2. С. 194.

⁴ Миловић Ј. Петар I Петровић Његош — писма и друга документа, грађа. 1780-1820. Књ. 1. Титоград, 1987. С. 94.

⁵ Там же; АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. Д. 3. 1803-1809. Л. 4.

для черногорцев и брдчан, им надлежит принять «с наивысшим благодарением», принося «непрестанно теплые молитвы о долголетнем здравии и царствовании всемилостивейшего благотворителя»¹.

В первом «Объявлении» черногорского владыки об основании консульства, таким образом, не было сказано ничего конкретного о подлинных причинах его открытия, задачах и видах деятельности, которые ему будут доверены. Этого не сделано, хотя по содержанию письма, написанного день спустя (15 / 27 июля 1804 г.) надворному советнику Мазуревскому, можно предположить, что Петру I Петровичу Негошу уже тогда было известно об особой роли будущего консула и высоком уровне его полномочий в вопросе отношений Черногории с соседней Австрией. Видимо, из-за деликатности и определенной болезненности этого вопроса Петр I сообщал будущему консулу, что «с новым знаком высокой милости монарха», выполнение которого требует «извещения о нем тех, кто должен об этом знать», на следующей неделе будут ознакомлены «некоторые чиновники и остальные воины», тогда как сам народ о том узнает, «когда состоится скупщина у резиденции в Цетинье»². Владыка обещал, что в «Объявлении», которое он в связи с этим составит, будет рекомендовано, «чтобы Правительство черногорское и брдское свои отношения ... с усердием и наибольшим доверием перенесло на консульство»³.

Таким образом, план открытия российского консульства предусматривал с самого начала две функции: одну, вытекающую из его официального статуса как консульского органа на территории другого государства, и другую, — которая была основана на особых интересах русской политики в отношении Черногории.

Официально консульство в Которе являлось одним из консульских представительств России на территории Австрии. Тем самым и причины его открытия, и основные обязанности не выходили за рамки общих принципов, которые лежали в основе практической деятельности остальных русских консульств. Такая принципиальная позиция содержалась и в инструкциях Коллегии иностранных дел надворному советнику А. О. Мазуревскому⁴. В них говорилось, что «его императорское

¹ Миловић Ј. Петар I Петровић Његош — писма и друга документа, грађа. 1780–1820. Књ. I. С. 194.

² АОДМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 828 (Петр I — русскому консулу о том, что народ обрадован заботой царя о нем. 15.VII.1804).

³ Там же.

⁴ АВПРИ. ГА. IV–5. Оп. 123. Д. 3. 1803–1809. Л. 282 («По именному Его императорского величества указу инструкция из Государственной коллегии иностранных дел определенному в Которе консулом надворному советнику Мазуревскому»).

величество счел необходимым учредить консульство в Которе из-за пользы для торговых дел, которые ведут его подданные»¹. В подробном описании служебных обязанностей, возложенных на вновь назначенного консула, преобладали задачи торгово-экономического характера в контексте русско-австрийских отношений. Но имелись и обязанности иного рода.

К регулярным обязанностям Консульства относились следующие. Кроме защиты высших интересов его императорского величества (1), что было первейшей задачей и всех других дипломатических и консульских представителей России в мире, Мазуревскому предписывалось оказывать всякую помощь каждому русскому кораблю, который прибудет в Котор — будь он военный или торговый, и каждому русскому человеку, приехавшему по служебным или частным делам (2). Кроме того, он должен был представить в Коллегию иностранных дел точный и обширный отчет обо всех особенностях «тамошнего края», заслуживающих внимания, особенно, о состоянии торговли в Которе, количестве торговых домов, видах торговли, экспорте и импорте товаров; и все это — наряду с необходимыми сведениями о выгодах, которые имеют европейские народы от торговли производимыми там товарами. Следовало обратить внимание и на льготы, которые в этой стране можно получить или добиться для России, а также доставить Торговой коллегии все замечания и предложения для лучшей и более целесообразной организации производства товаров для которского рынка. Чтобы Торговая коллегия по этим вопросам могла выпустить особые рекомендации, русский консул в Которе был обязан извещать ее обо всем, что касается торговли (3). Коллегию иностранных дел А. О. Мазуревский должен был информировать о местных условиях, важных событиях, включая и деятельность локальных учреждений (4). Консул должен был каждый корабль, выходящий из Котора, снабжать, по требованию его капитана или владельца, соответствующими документами со своей подписью, указывая в них, кому корабль принадлежит, чем загружен и за чей счет — русского или какого-либо иностранца (5). К его консульским обязанностям относилась и задача опровергать все недостойные слухи о Российской империи; он должен был стараться укрепить в тамошнем крае осознание ее величия и силы; благожелательности, с которой иностранцы, и особенно купцы, принимаются в России; преимуществ и привилегий, приобретенных с обретением порта на Черном море, как по общему тарифу, так и по особым указам; и, в конечном итоге, высокого и сильного покровитель-

---

¹ Там же.

ства, которое дарует его императорское величество всем, кто исповедует греко-русскую веру, в каком бы месте они по велению судеб ни проживали (6)¹.

После всех этих обязанностей, описанных в шести пунктах, которые Мазуревский должен был выполнять в качестве русского консула на территории Австрии, в инструкциях Коллегии иностранных дел зафиксированы и его обязанности по отношению к соседним областям, особенно к Черногории. Из-за их характера — т. е. потому, что они выходили за рамки обычных консульских дел, касаясь другой страны, а не государства назначения и территории установленного консульского округа, этот вид задач, доверенных консулу, обозначен в инструкциях только в общих чертах.

Совершенно четко было сказано, что соседство Боки Которской с Черногорией и Герцеговиной — это главный мотив, т. е. истинная причина его назначения. Таким путем в министерстве хотели получать правдивую и подробную информацию обо всем том, что заслуживает внимания в упомянутых областях. Указывалось и на то, что в инструкциях не фиксируются его конкретные обязанности в связи с Черногорией, так как исчерпывающие рекомендации, касательно этого края, Мазуревский должен получить по прибытии в Котор от графа Ивелича, находящегося там со специальной миссией. О значении, которое придавалось этой сфере деятельности А. О. Мазуревского, говорит и тот факт, что, кроме получения официального консульского статуса, он был назначен и секретарем графа Ивелича с обязанностью прилежно и точно вести переписку с министерством и исполнять все, что тот ему поручит. Очевидно, что этот вид деятельности был важнее официальных мотивов его назначения, поскольку Мазуревский, в соответствии с выданными ему инструкциями, должен был сопровождать графа Ивелича в случае, если он по служебным обстоятельствам вынужден будет поменять место пребывания. О том, прекратилась бы в таком случае консульская функция Мазуревского в Которе, или нет, в инструкциях ничего не говорилось. Предусматривалось только, что, когда граф Ивелич завершит порученные ему дела и вернется в Россию, оставив Мазуревского в Которе одного, Коллегия иностранных дел рассмотрит его обязанности и снабдит дополнительными инструкциями о том, чем он должен будет заниматься. До того же времени, наряду со своими прямыми обязанностями, он должен был заботиться о том, чтобы русские, находящиеся на этой территории, не подвергались каким-либо оскорблениям со стороны частных лиц или властей в

---

¹ Там же.

Которе, а в случае, если бы такое случилось, принимать соответствующие меры, представляя и защищая их интересы (8)¹.

Что же касается инструкций, которые Мазуревский должен был получить от графа Ивелича, в связи с деятельностью, связанной с Черногорией, то они, с учетом его статуса секретаря, не могли иметь общего характера. Эти обязанности определялись и изменялись в зависимости от результатов миссии Ивелича. Известно, однако, что решение немалого числа задач, порученных Ивеличу, было перенесено на Мазуревского практически сразу после его приезда в Котор. О том, что его деятельность при этом проходила под полным контролем русского генерал-лейтенанта, свидетельствует недатированное письмо Ивелича Мазуревскому, отправленное из Рисана в июле 1804 г. В нем говорилось не только о его первых непосредственных поручениях, но и о характере остальных заданий, которые Мазуревский должен был выполнять во время своего пребывания в Черногории. Письмом предписывалось: «Обстоятельства обязывают вас вступить в формальные отношения с черногорским митрополитом, начав их с официального извещения, что его императорское величество изволил основать консульство в Которе, а ответ, который вы на это получите, а также и всю переписку, которую вы в соответствии со временем и обстоятельствами будете иметь с вышеуказанным митрополитом, вы должны в оригинале доставлять мне на прочтение»². Одновременно Ивелич выражал надежду, что Мазуревский сумеет завоевать своим красноречием доверие митрополита для выполнения желанной цели. Так он мог бы помочь ему «в скором завершении царского поручения»³, которое был обязан выполнить.

Очевидно, что новое консульство, основанное на территории Австрии, было особо значимым для русского правительства из-за отношений с Черногорией. Его посредством оно желало добиться двух внешнеполитических целей. Одна касалась более долгосрочного влияния на Черногорию в контексте общих планов России, относящихся к Балканам и Средиземноморью, особенно в сравнении с Францией и Австрией. Осуществление второй, более узкой, цели подразумевало устранение негативных последствий неудачной миссии Ивелича, который не желал в том публично признаться.

¹ В инструкциях предписывалось, чтобы Мазуревский, «в случае каких-либо трудностей в выполнении консульских обязанностей или препятствий в деле представления интересов подданных России», обратился к русскому посланнику в Вене «и просил материальной помощи и рекомендаций» (9).

² АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. Д. 3. 1803-1809. Л. 287.

³ Там же.

2. Деятельность русского консульства по передаче императорской грамоты общечерногорскому сбору и его решения

По прибытии в Боку А. О. Мазуревский занимался не только организацией консульства. Он был привлечен и к тому, чтобы закончить дела, начатые графом Марком Константиновичем Ивеличем. Одним из самых важных была передача черногорскому и брдскому народу грамоты Александра I, которая к моменту его приезда все еще находилась у Ивелича.

Правда, определенные шаги в этом направлении предпринял уже сам Ивелич. Речь идет о том, что примирение с владыкой, достигнутое при посредничестве майора Милетича, сделало возможным проведение конкретных переговоров о дате приезда Ивелича из Котора в Черногорию с целью передачи грамоты. Была достигнута договоренность, что 7 / 19 августа 1804 г., в день Преображения Господня, в Цетинье состоится сбор, на котором грамота и будет вручена¹. Между тем в отдельном письме Ивелич оповестил владыку, что, по причине болезни, он не сможет прибыть в Цетинье, но передаст грамоту Мазуревскому, который приедет вместе с Милетичем. В доверенности² на передачу грамоты, которую Ивелич выдал консулу, тому было поручено передать ее так, чтобы «она была принята с положенным уважением и почестями» (1)³, «чтобы Правительство и народ уверились в милосердии монарха нашего и всегдашнем его уважении к единоплеменным, единоверным и храбрым черногорцам и брдчанам» (2)⁴, и чтобы церемония вручения была организована так, чтобы «митрополит остался уверен, что вымолил возвращение прежней благосклонности к нему у щедрого

¹ Вуксан Д. Црна Гора у 1804. години. С. 268.

² В доверенности, которой Ивелич уполномочил А. О. Мазуревского вручить царскую грамоту черногорскому и брдскому народу, составленной в Рисане 4 / 16 августа 1804 г., в частности, говорилось: «Известные вам обстоятельства не терпят отсрочки — из вашей переписки с черногорским митрополитом я вижу, что в день Преображения Господня, 7 числа этого месяца, сообразно моим пожеланиям назначен в Цетинье общенародный сбор, на котором Правительству и народу требуется вручить грамоту его императорского величества. А поскольку, как вам известно, приступ болезни вызывает у меня тошноту при езде верхом, так что, и подвергая жизнь опасности, я не мог бы доехать до Цетинья; в такой ситуации приказываю вам как чиновнику, который уже пользуется доверием императора, получив это письмо, вместо меня поехать в Черногорию и порученную вам высочайшую грамоту передать тому, кого Правительство и народ выберут для распечатывания ее и прочтения всему черногорскому и брдскому народу» (АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. Д. 3. 1803-1809. Л. 292).

³ Там же.

⁴ Там же.

нашего монарха». Словом, консул должен был согласовать свою работу «с известными обстоятельствами, требующими быстрого окончания тамошнего беспорядка, и учтивостью, торжественными обещаниями и соответствующими объяснениями» обеспечить «такое отношение, как митрополита, так и Правительства к здешнему барону Розетти», что они, «поскольку Черногория имеет в Которе консула от августейшего протектора своего и благочестивого императора всероссийского», откажутся от будущей переписки или открытых переговоров с ним, а будут вести их только через «выше указанного единоплеменного и единоговерного консула» (3)¹.

7/19 августа на сборе в Цетинье, в присутствии 1625 человек², с пением молитв, под залпы из 51 мортиры, звон колоколов и возгласы с выражением признательности русскому царю, Мазуревский передал грамоту «черногорскому и брдскому губернатору» (гувернадуру) Вукале Радоничу, который, распечатав ее, прочитал собравшемуся народу. Затем Мазуревский зачитал императорский рескрипт графу Ивеличу³.

Таким образом, черногорцы наконец, ознакомились с содержанием грамоты русского царя «Губернаторам и Воеводам Черногорским и Брдским Славяно-сербских областей», составленной почти за год до того⁴.

В грамоте нашла отражение первоначальная позиция России по отношению к Черногории, которая не отвечала ситуации, изменившейся за год. Так, например, в ней говорилось, что из-за «властолюбия иностранцев, подкрепленного вредными намерениями некоторых недоброжелателей из самой Черногории, черногорскому и брдскому народу грозит нападение, поскольку эти властолюбцы стремятся уничтожить ее независимость». Желание устранить эту опасность и привело к «направлению в Черногорию доверенного лица, а именно генерал-лейтенанта графа Ивелича, которому поручалось уверить народ в нашей неизменной благосклонности, открыть предстоящую ему гибель и показать путь, начертанный для его собственной пользы и славы»⁵.

¹ Там же. Л. 293.

² Сведения о числе присутствующих, различны. Кроме указанной цифры, в русских источниках упоминается цифра в 1600 человек, а в источниках черногорского происхождения говорится, что в сборе приняло участие 2500 человек (АОНМЦГ. Ф. Петар I — 1804. 845 (Петр I — Александру I о том, что принял грамоту и огласил ее перед народом. 16 / 28.VIII.1804).

³ АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Д. 4. № 4 (Письма Правительства и митрополита Александру I).

⁴ Грамота, которую привез с собой Ивелич, составлена 18 / 30 октября 1803 г. Александр I подписал ее 26 октября / 7 ноября, а Ивеличу она была вручена 28 октября / 9 ноября 1803 г.

⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 19-20; АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Оп. 6.

Грамота завершалась выражением надежды, что народ черногорский и брдский, до сих пор верный России, «найдет новое доказательство стараний наших о счастье его и будет с полным доверием относиться ко всему, что упомянутый генерал-лейтенант Ивелич будет от нашего имени предлагать»¹.

Содержание торжественно обнародованной грамоты и «Рескрипта Его Величества Императора» от 5 мая 1804 г.², где высоко оценивались деятельность и усилия Ивелича, а также выражалась признательность ему за успешную работу, не соответствовало тому, что было реально достигнуто во время десятимесячной миссии генерала. Поскольку в письме от 6 / 18 мая А. А. Чарторыйский обещал, что и все остальные, кто будет ему помогать, не останутся без награды³, могло показаться, что церемония, имевшая место 7 / 19 августа, с точки зрения самого акта передачи грамоты, не имела большего политического значения. Однако, далеко не все было столь успешно, как пытались представить на сборе в Цетинье. О том свидетельствовала и вторая часть мероприятия, касавшаяся основания русского консульства в Которе. Таким образом, хотя российские власти и не признали ошибок, допущенных ими ранее, олицетворением которых явились царская грамота и Ивелич, они были вынуждены идти в своей внешнеполитической деятельности «другим путем» — через консульство в Которе. Так произошел переход от старых методов работы к новым, но без желания признать, что во всем этом имелись некоторые противоречия.

То, что намерение использовать церемонию вручения грамоты для более четкого определения русско-черногорских отношений, в связи с открытием консульства в Которе, действительно существовало, лучше всего подтверждает цитированная выше доверенность Ивелича Мазуревскому от 4 / 16 августа 1804 г. В этом смысле особенно любопытен ее третий пункт, где говорится, что «Черногория имеет в Которе консула от ... протектора своего ... императора всероссийского». Бесспорный факт, что при торжественном вручении грамоты 7 / 19 августа 1804 г. был утвержден и характер будущих отношений Черногории с русским консулом, подтверждают еще три архивных документа. Это

Д. 4. № 4... Имея в виду ее резкий тон, многие черногорские исследователи — В. Джорджевич, Д. Вуксан, Б. Павичевич — выражают оправданное сомнение в том, что «зачитанная грамота от 26 октября 1803 г. вызвала такое воодушевление у черногорцев». В качестве возможных вариантов ответа, почему так произошло, предполагается, что при ее чтении были выпущены «тяжелые места», или даже то, что Ивелич передал фальсифицированную версию грамоты (См.: *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија. С. 141; *Вуксан Д.* Петар I Петровић Његош. С. 129; *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. С. 248).

¹ АВПРИ. ГА. I-7. 1803–1809. Оп. 6. Д. 4. № 4.

² АВПРИ. ГА. I-7. 1803–1809. Д. 4. П. 4. Л. 15–16.

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 22–24.

уже цитированная «Записка о порученных и выполненных делах генерал-лейтенанта графа Ивелича с ноября 1803 г. по май 1806 г.»¹, письма Петра I и Ивелича Александру I от 16 / 28 августа и 7 / 19 октября 1804 г., а также документ без даты и названия, в котором российским властям сообщается информация по данным вопросам.

В первом из указанных документов говорится, что «высокая грамота доставлена народу и принята им 7 августа с соответствующими почестями со стороны Скупщины, на которой решено, чтобы никто из черногорцев не имел никаких отношений с австрийским начальством, кроме как через русского консула под угрозой лишения чести и имущества каждого»². В письме, которое Петр I направил русскому императору, сказано: «Я и народ черногорский и брдский переложили на этого консула все наши дела с австрийским правительством и отреклись иметь с тем же правительством какие бы то ни было явные или тайные сношения или переписку помимо той, которая будет идти через упомянутого консула»³. В письме Александру I, написанном М. К. Ивеличем после описания церемонии передачи грамоты, говорится: «Правительство и весь народ, считая открытие консульства в Которе важным знаком милости Вашего Императорского Величества и желая особо доказать свою верность своему Августейшему Протектору, решили ничего важного не предпринимать без совета консула, а его письменно уполномочили по всем своим делам со здешней австрийской управой, чтобы впредь с ней помимо указанного консула не имели бы никакой переписки или переговоров, о чем как Правительство, так и митрополит сообщили лично австрийскому губернатору и во все нахии послали приказы и повсюду в торговые дни их трижды объявить приказали»⁴.

В четвертом из указанных документов сказано, что с вручением высочайшей грамоты черногорскому и брдскому народу прерваны отношения Правительства черногорского и брдского с австрийскими властями в Которе⁵.

В соответствии с этим, хотя русское консульство в Которе *ex officio* было органом, ответственным за сношения русского правительства с местными австрийскими властями, оно неофициально считалось и консульством Черногории, уполномоченным представлять ее интересы перед теми же австрийскими властями. Такой статус, несмотря на отсутствие международного признания Черногории, обеспечивал ему

¹ АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Д. 4. Л. 2.

² Там же.

³ *Миловић Ј.* Петар I Петровић Његош — писма и друга документа, грађа. 1790-1820. Књ. I. С. 198.

⁴ АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Оп. 6. Д. 4. № 4 (Ивелич — Александру I. 7 октября 1804 г.).

⁵ АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Д. 4. Оп. 6. № 6.

тот факт, что правительство в Вене было осведомлено о функциях, доверенных ему русской и черногорской сторонами, но, заявляя протесты, не прерывало и не запрещало данный вид его деятельности. Тем самым, за ним признавалось право на занятие и такими делами, т. е. определенная степень официальности, которая вытекала из его фактических отношений с местной австрийской администрацией. Соглашаясь с ролью представителя, венские власти де-факто признавали и его консульскую функцию в защите Черногории и ее подданных, хотя де-юре, с точки зрения международного права, такой вид деятельности являлся нонсенсом.

3. Полномочия, которые черногорцы и брдчане, согласно решению общечерногорского сбора, возложили на русского консула

Имея в виду объем полномочий, которые черногорцы и брдчане доверили русскому консулу, обращение «Всему народу от черногорского Митрополита и Правительства объявление» от 14 / 26 августа 1804 г. было направлено в «каждую нахию, во все кнежины и села, а также на рынки и во все места», чтобы «каждый услышал и понял, о чем в этом письме говорится и что приказывается»¹.

В преамбуле документа говорилось, что, «поскольку его величеству все милостивейшему покровителю нашему, великому государю, императору и самодержцу всероссийскому Александру Первому было благоугодно устроить консульство в австрийском городе Котор и назначить русского по происхождению господина Алексея Иосифовича Мазуревского для защиты и любой необходимой и пристойной помощи нам и всему нашему черногорскому и брдскому народу, находящемуся под высокославным... его величества покровительством»², то посредством этого «Объявления» дана возможность каждому «услышать и понять, о чем в этом письме говорится и что приказывается»³. В продолжении послания владыки конкретно определялись обязательства черногорцев и брдчан по отношению к русскому консулу, а также случаи, когда он может предоставлять им защиту. Все это было сформулировано в четырех отдельных пунктах «Объявления», а обязательства по соблюдению его положений представлены в форме приказа.

¹ АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Оп. 6. Д. 4. Л. 156; Миловић Ј. Петар I Петровић Његош — писма и друга документа, грађа. 1780-1820. Књ. 1. С. 195.

² Миловић Ј. Петар I Петровић Његош — писма и друга документа, грађа. 1780-1820. Књ. 1. С. 196.

³ Там же.

Прежде всего, утверждалось, что русского консула, «поскольку он находится на таком месте, где представляет лицо царя, нашего защитника и покровителя», обязаны «любить, уважать и достойные почести и уважение» оказывать «во всяком месте», и не только «господа чиновники, но и все остальные черногорцы и брдчане»¹. Кроме того, в первом пункте «Объявления» их обязывали «слушать и выполнять» все то, что он «кому-нибудь прикажет, зная, что его приказы не могут служить ничему иному, кроме как общенародному миру и спокойствию и пресечению любого зла и смуты»².

Русский консул отвечал, как фиксировалось во втором пункте, за передвижение черногорцев и брдчан из Черногории в Котор и в другие места. Запрещалось «любому малому и взрослому черногорцу и брдчанину проходить открытым или тайным способом через Котор или в другие города и места Боки, не сообщив об этом предварительно господину русскому консулу»³.

Третий пункт относился к решению частных правовых, имущественных и других споров между черногорцами и брдчанами с австрийскими подданными. Предписывалось, что каждый черногорец и брдчанин, «который хочет требовать сатисфакции у австрийцев, не должен делать этого путем самовольной мести, но только через суд, как и в нашем законодательстве указано, то есть должен сначала свои причины открыто и правдиво представить черногорскому Правительству, которое будет обязано писать господину консулу, а господин консул будет требовать от австрийского правительства вызвать своих судей и провести справедливый суд к удовлетворению черногорцев»⁴. Роль русского консула как посредника между органами правосудия одного и другого государства предусматривалась и в случае споров, возбуждаемых австрийскими властями. Поэтому было предписано, что «таким же образом и Правительство черногорское должно отвечать и поступать с царскими судьями, и тогда с обеих сторон будет мир и тишина между соседями, как Богу и обоим императорским дворам угодно»⁵.

В четвертом пункте обязывались вести себя достойно те, кто приезжает на рынки, «а также в любое другое место, особенно, в Котор», поскольку «каждый должен вести себя честно и порядочно, мирным путем». Если же «какой-либо австрийский гражданин учинит большую напасть и неправду» какому-нибудь черногорцу или брдчанину, то они должны сообщить об этом господину консулу, который особо

¹ Там же.

² АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Оп. 6. Д. 4. Л. 156; *Миловић Ј.* Петар I Петровић Његош — писма и друга документа, грађа. 1780-1820. Књ.1. С. 196.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

послан для защиты нашей и который будет требовать удовлетворения за оскорбленного черногорца или брдчанина, чтобы он не мстил самовольно»¹. Таким образом, предусматривалась консульская защита черногорцев и брдчан со стороны русского консула в спорах с австрийскими подданными. Для тех же черногорцев, которые являлись виновниками «смуты» на рынках, была предусмотрена ответственность перед черногорским судом при посредничестве консула.

Кроме круга обязанностей, утвержденного в «Объявлении», русский консул имел и другие полномочия.

В работе «Черногория в 1805 г.» Д. Вуксан подчеркивает, что «с тех пор, как было открыто русское консульство в Которе», черногорцы не могли ездить в Россию без выданного консулом паспорта. Приводится пример Лазара Дамьяновича, «самозванного Братолюбича», которому Мазуревский отказал в его выдаче. В другом случае, по рекомендации владыки, паспорт был выдан Савве Стояновичу, посланному в Россию по делам Черногории². Хотя полномочия по выдаче паспортов не были отдельно указаны в «Объявлении», они в определенном смысле подразумевались, так как в то время, не имея своих паспортов, черногорцы путешествовали, в основном, с русскими.

Но несмотря на содержание «Объявления» Петра I и других решений, принятых на сборе в Цетинье, можно с уверенностью констатировать (имея в виду сказанное выше), что сама идея возложения представительства Черногории перед австрийскими властями на русское консульство и перенесения на него широкого спектра полномочий в отношениях с Австрией исходила не от черногорцев.

Мы особо подчеркиваем сей факт, ибо в российской историографии на этот счет имеются и другие мнения. Так, например, указывается, что «русское консульство в Которе было создано по просьбе митрополита Петра I Петровича Негоша»³. Трактую дословно такие оценки, можно было бы заключить, что русское консульство в Которе открылось в результате реализации планов Черногории, которая желала перенести на него поддержание связей и упорядочение своих отношений с Габсбургской монархией. О том, что это было далеко не так, свидетельствуют следующие факты.

И те, кто разделяет мнение о Цетинье — как инициаторе основания консульства в Которе, добавляют, что Ивелич, которому Мазуревский подчинялся, также просил о его открытии⁴. Кроме того, из пись-

¹ Там же.

² Вуксан Д. Црна Гора у 1805 // Записи. 1938. Књ. XIX. С. 267–277.

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 25. № 1.

⁴ Там же.

ма Ивелича князю Адаму Чарторыйскому от 7 / 19 октября 1804 г.¹ следует, что концепция особой роли этого учреждения во внутренней и внешней жизни Черногории была разработана российскими официальными лицами значительно раньше, чем черногорцы могли принять какое-то решение. Ни черногорская скупщина, ни владыка не имели механизмов для решения этого вопроса по очевидным государственно-правовым и международно-правовым причинам. То, что они своими вердиктами перенесли на русского консула полномочия по ведению дел с местными властями соседнего государства, не повлияло на решение о его основании, но влияло, хотя бы формально, на объем его полномочий. Если это сделано с целью создать видимость влияния Черногории на определение объема деятельности консульства, то эта потребность была мотивирована политическими причинами, важными как для одной, так и для другой страны.

Конечно, с черногорской стороны присутствовало опасение, что в случае, если она не согласится с объемом полномочий русского консула, как то было задумано, то под угрозу будет поставлено дальнейшее покровительство России. С другой стороны, имея в виду степень его собственных обязанностей, было естественно, что она представит это как пожелание черногорцев, а не русского правительства. А то, что графа Ивелича можно, по крайней мере формально, рассматривать инициатором такой «видимости» — после того, как решение о создании консульства было уже принято, недвусмысленно подтверждается содержанием его письма А. Чарторыйскому. В нем Ивелич наглядно продемонстрировал степень своего влияния на определение объема деятельности консульства — он, «из-за нынешних обстоятельств, счел нужным, чтобы Правительство черногорское и брдское передало все свои дела со здешними австрийскими властями этому консульству»².

Позиция царского эмиссара, высказанная столь ясно, не оставляет сомнений в том, что «выведение» прерогатив консульства за рамки официальной сферы его деятельности, явилось, по сути, результатом решения, принятого российской стороной. После одобрения на высшем уровне идеи основания консульства Ивелич только более подробно разработал вопрос о его отношениях с Черногорией, чему черногорцы в своих резолюциях «придали официальный характер». Именно по причине более широких полномочий консульства по сравнению с тем, что соответствовало его официальному статусу, как далее пишет Ивелич, было необходимо и «наличие двух канцелярских чиновников — одного для славянского, а другого для итальянского дело-

¹ АВПРИ. ГА. IV–5. Оп. 123. Д. 3. 1803–1809. Л. 51.

² Там же.

производства, так как здешние австрийские власти все дела ведут на итальянском языке»¹.

В письме Чарторийскому, касательно средств, необходимых консульству, Ивелич, в частности, обращал его внимание на то, что, «поскольку в обязанность консула входит прием старейшин и других лиц, приезжающих из Черногории», то целесообразно, чтобы ему «была одобрена сумма на их питание, по крайней мере, в 360 рублей в год»². В письме выражалось пожелание завершить организацию деятельности консульства в соответствии с расширением его обязанностей. В связи с чем Ивелич предложил Чарторийскому назначить на место канцелярских чиновников графа Федора Ивелича «для славянского» и Антона Фрушку «для итальянского языка» с жалованием в 250 рублей каждому³. Он рекомендовал их на эти должности, поскольку они «с самого начала его прибытия сюда» постоянно при нем находились, с успехом выполняли порученные задания и «по справедливости заслуживают награду». За их услуги Ивелич предлагал назначить их на указанные должности в чине коллежских советников...

Все это служит дополнительной аргументацией в пользу тезиса, что организацию деятельности консульства в той ее части, что касалась Черногории, разработал и внедрил сам Ивелич. Решения же, принятые на сборе в Цетинье, несмотря на свою «громкость», имели лишь формальный характер. Это еще раз свидетельствует о том, что, хотя русское консульство в Которе, исходя из официального статуса, и являлось консульским органом России на территории Австрии, мотивы его создания и объем полномочий в существенной мере определялись русско-черногорскими отношениями.

4. Открытие русского консульства в Которе и начало его деятельности

Что касается даты, которую можно считать началом деятельности русского консула в Которе (официальной и неофициальной) и обстоятельств, на нее повлиявших, то, в качестве определяющих, можно рассматривать следующие аргументы. С одной стороны, русский консул мог официально приступить к исполнению своих обязанностей лишь после выполнения предварительных условий, а именно, получив экзекватуру от правительства в Вене и непосредственное разрешение к началу деятельности от местных властей в Которе. С другой стороны, говоря о его полномочиях в связи с Черногорией, следует подчеркнуть

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

значение принятия известного «решения» на сборе черногорских старейшин, а затем и «Объявления», составленного митрополитом и Правительством, которыми русский консул уполномочивался представлять черногорцев и брдчан перед австрийскими властями.

Важным для выполнения консульством как одной, так и другой функции, являлось то, что его торжественное открытие произошло в присутствии представителей местных австрийских властей, а также черногорской делегации. Тем самым, консульство получило публичный «мандат» для беспрепятственного исполнения своих обязанностей.

Следует сразу оговориться — нет никакой необходимости связывать начало работы русского консульства в сфере, которая была ему неофициально доверена, с датой принятия «Объявления». Решение черногорского сбора и «Объявление» митрополита не носили той степени обязательности, чтобы именно от них зависело, когда вновь назначенный консул приступит к решению вопросов, касающихся Черногории. С другой стороны, оказалось, что сам акт официального открытия консульства не имел бы столь важного значения, если бы действия, какие оно и до того предпринимало в этой области, не обладали необходимой правовой или политической силой, т. е. не могли бы считаться напрямую связанными с консульским представительством Черногории.

Специфическое положение консульства, в смысле уточнения реальной даты начала его деятельности, можно объяснить тем, что его функции выполнял высокопоставленный императорский посланник, соответствующий патент которому был уже выдан, а сам он — официально назначен консулом, что подтверждалось и получением экзекватуры из Вены. Все это было сделано еще до отправления в Черногорию, что придавало его действиям соответствующую степень официальности еще до того, как власти в Которе предоставили ему свободу в отправлении возложенной на него должности. С юридической точки зрения только эти моменты из области русско-австрийских отношений и могли иметь значение для его консульского статуса, тогда как решение черногорского сбора и «Объявление» черногорского владыки в этом смысле не имели какого-либо реального веса.

Тем не менее, дополнительную путаницу в связи с датой начала его деятельности вносит тот факт, что черногорские власти начали обращаться к нему в целях защиты интересов своих подданных еще до формального открытия консульства. Сохранившиеся документы подтверждают факты обращений Правительства черногорского и брдского к русскому консулу в Которе с просьбой о посредничестве перед австрийскими властями в деле защиты интересов черногорцев и брдчан, даты которых предшествуют 7 / 19 августа 1804 г. На этих примерах мы остановимся ниже, повествуя о деятельности консульства.

Вероятно, и высоким авторитетом человека, — уполномоченного императором, — уже назначенного консулом в Которе, но еще не при-

ступившего к отправлению должности, можно объяснить и решение черногорского сбора, и «Объявление» митрополита Петра I о перенесении на него полномочий по черногорским делам, хотя консульство тогда еще не функционировало. Так как дата его официального открытия связывается с первыми днями октября 1804 г., это могло означать, что консул, несмотря на то, что не были выполнены все необходимые формальности, начал свою деятельность сразу по прибытии в Котор — без предварительного согласия австрийцев или решения черногорцев и брдчан, касающегося дел, которые, от их имени, он мог выполнять, обращаясь к местным властям.

В литературе и в доступных нам источниках имеются различные версии по поводу самой даты торжественного открытия консульства. Д. Вуксан в своей «Черногории в 1804 г.» указывает, что оно было открыто 1 / 13 октября 1804 г. в присутствии делегации из Черногории — в составе губернатора (гувернадура) Радонича и еще пятерых старейшин. Кроме имен присутствующих Вуксан сообщает и ряд сведений о церемонии открытия¹.

Российская исследовательница Н. И. Хитрова в работе «Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в.» пишет, что консульство открыто 2 / 14 октября и что на церемонии присутствовали «губернатор и 25 черногорских старейшин»².

И А. Никифоров в уже цитированной статье в «Исторических записках»³ замечает, что в отчете Мазуревского из Рисана от 6 октября 1804 г. зафиксировано: «Консульство, которое мне доверено, открыто с обычными церемониями 2 октября, в присутствии его светлости графа Ивелича и черногорских и брдских представителей». Далее в тексте автор задает, как нам кажется, излишний вопрос — действительно ли консульство находилось в Которе, ибо письма Мазуревского написаны в Рисане, хотя и сам приводит убедительные данные, исключющие какие-либо сомнения по поводу его местонахождения.

Хотя на первый взгляд приведенные точки зрения могут вызвать путаницу⁴, очевидно, что разница двух указанных дат, даже если точ-

---

¹ По Д. Вуксану, в делегацию владыки входили: губернатор Вукале и старейшины Перо Вукотин Мартинович, Станко Петрович, Драгиша Щепанов Мартинович, Марко Марков Мартинович и Вукале Гаврилов Иванович. *Вуксан Д.* Црна Гора у 1804. години... С. 269.

² *Хитрова Н. И.* Из историје руско-црногорских односа почетком XIX вијека // Југословенске земље и Русија у време првог српског устанка 1804–1813. С. 318.

³ *Никифоров А.* Прва руска представништва у Црној Гори... С. 130.

⁴ В тексте под тем же названием, что и настоящая работа, напечатанном в сборнике «Объединение Черногории и Боки», в связи с датой открытия консульства мы привели данные, обнаруженные в Архиве внешней политики Российской империи. Речь идет о письме Мазуревского в Коллегию минис-

ность одной или другой можно было бы оспорить с большей основательностью, не имеет особого значения. С другой стороны, совершенно точно известно, что «церемония открытия», на которой присутствовали русский консул, черногорская делегация и представители австрийских властей, произошла именно 2 / 14 октября 1804 г. При этом опять же не столь важно, сколько черногорских представителей присутствовало на открытии. Для международно-правового статуса нового консульства церемония открытия не имела значения начала установления консульских отношений между двумя странами, поскольку при основании русского консульства в Которе *ex officio* речь шла о дальнейшей институционализации такого рода связей между Россией и Австрией. Поэтому дата назначения консула и особенно дата выдачи экзекутуры со стороны австрийских властей — это важнейшие моменты, от которых зависело время начала работы консульства¹. Участие черногорских делегатов в «церемонии открытия» с этой точки зрения не имело особого значения и не могло *de jure* влиять на организацию консульства или же на легализацию права консула на представительство интересов Черногории перед австрийскими властями. Их присутствие имело церемониальный характер и служило торжественным подтверждением того, о чем ранее уже договорились официальные представители России и Черногории.

Известно, что Австрия в первое время отказывалась санкционировать деятельность русского консула. Только через два месяца после назначения Мазуревского, 5 июля 1804 г., вице-канцлер граф Кобенцль сообщил посланнику России в Вене графу Разумовскому о получении необходимого согласия австрийских властей на деятельность консульства. В ноте Кобенцля говорилось: «Его Величество Царь и Король одобрил *Requim exequatur* г. Алексея Мазуревского, назначенного консулом России в австрийской Албании»². Одновременно Разумовский был извещен, «что в следующую субботу правительству указан-

---

терства иностранных дел, написанном также в Рисане 6 / 18 октября 1804 г. В нем сказано, что «по причинам, о которых министерство известил граф Ивелич, консульство все еще не открылось, но он надеется, что это вскоре произойдет» (АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. 1803-1809. № 4). Во время последующих исследований, на основании большого числа документов, мы могли убедиться, что консульство, по всей вероятности, было открыто 2 / 14 октября 1804 г.

¹ *Exequatur* — это, согласно международному праву, акт государства, принимающего консула, в котором оно разрешает его деятельность на всей своей территории или на ее части. *Exequatur* вручается как консулу, так и властям, контролирующим территорию консульского округа, и служит документом, которым консул может, в случае необходимости, удостоверить свою личность. *Exequatur* может быть и отозван. Его форма и точное содержание не определены международным правом и нередко различаются в разных государствах.

² АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. Д. 3. 1804-1809. Л. 257.

ной области будут выданы необходимые распоряжения о признании его консулом, и что он сможет приступить к своей новой должности, а также что ему будет оказано уважение, достойное чиновника дружеского и союзнического государства»¹.

Вероятнее всего эти распоряжения запаздывали, и потому, несмотря на согласие правительства в Вене, Мазуревский еще некоторое время не мог официально приступить к работе. В письме в Коллегию иностранных дел от 8 июля 1804 г. он, в связи с этим, писал: «По причине того, что из Вены до сего дня не послана экзекватура, консульство еще не открыто». Он оповещал свое министерство и о том, что с момента прибытия «приступил к выполнению других обязанностей»², т. е. тех, что касались миссии Ивелича в Черногории. О том же, когда необходимые распоряжения из Вены поступили к австрийским властям в Которе, мы не имеем точной информации. По сведениям, которые в своей работе приводит Н. И. Хитрова, лишь «в октябре 1804 г. австрийское правительство официально сообщило о признании русского консульства в Которе»³. Мы полагаем, что это произошло несколько раньше (в конце сентября), но, во всяком случае, до 2 октября 1804 г., когда консульство было торжественно открыто.

Данный вывод подтверждает и церемония открытия консульства. Она заключалась в том, что по прибытии из Рисана генерал-лейтенанта Ивелича (в сопровождении майора Милетича и черногорской делегации из двадцати пяти членов во главе с губернатором Радоничем), было совершено освящение здания и исполнена молитва во здравие государя императора Александра I, а затем над входом в консульство — установлен императорский герб⁴. Имея в виду, что на церемонии открытия присутствовали и представители местных австрийских властей, понятно, что государственные символы другой страны не могли быть установлены без получения на то согласия из Вены. И только с этого времени российское консульство в Которе могло считаться открытым, а обращение консула к местным органам австрийской администрации преобретало характер служебных контактов официальных органов двух государств.

Консульство в Которе в институциональном смысле было, таким образом, всего лишь одним из многочисленных дипломатическо-консульских учреждений, какими Россия располагала в мире в конце XVIII — начале XIX в. В более узком смысле оно являлось и одним из целой

¹ Там же.

² АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. Д. 3. 1803–1809. Л. 51.

³ Хитрова Н. И. Из истории русско-черногорских односа почетком XIX века... С. 325.

⁴ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803–1809. Л. 118.

сети консульских органов, которые после установления дипломатических отношений, учредили Россия и Австрия. К его компетенции относились обычные дела, которые в интересах своей страны выполняли русские консульства за границей¹. Такой характер деятельности не представлял бы для нас особого интереса, если бы создание консульства не преследовало цель, прямо не касавшуюся русско-австрийских отношений, но определявшуюся интересами России в Черногории. Поэтому о функциях консульства в Которе можно судить двояко: во-первых, с точки зрения его положения по отношению к центральным органам власти Черногории, и во-вторых, с точки зрения отношения других государств, особенно Австрии, к его созданию и уровню полномочий, которыми оно было наделено.

5. Деятельность русского консульства

На деятельность консульства России в Которе, касавшейся Черногории и определившей смысл и характер отношений двух стран, повлиял и способ его «включения» в политическую жизнь черногорского общества. Изначальная спонтанность заключалась в отсутствии формальностей при институционализации его деятельности по представительству интересов Черногории на австрийской территории. Затем последовали акты, которые, не будучи полностью официальными, тем не менее, придавали элемент официальности «присутствию» консульства в практике русско-австрийских и черногоро-австрийских, а тем самым — и русско-черногорских отношений.

В этом смысле весьма любопытно, что в рамках русско-черногорских отношений консульство в Которе приобрело определенную степень «официальности» не только из-за присутствия на церемонии его торжественного открытия черногорской делегации, но и потому, что ей, наряду с письмом русского консула черногорскому владыке, был вручен и его «консульский патент»². Поскольку речь идет о служебном документе, который государство выдает своему консулу, «чтобы он мог с его помощью представиться в стране, где служит», то этот акт можно с формально-правовой точки зрения рассматривать и как символический вид его аккредитации в Черногории. Но с учетом ее международного статуса, такой жест не мог иметь такого веса и, следовательно, — никакого иного значения, кроме символического.

Официальная функция русского консула артикулировалась совсем иначе, вытесняя внешне на второй план тот факт, что главным мотивом

¹ Никифоров А. Прва руска представништва у Црној Гори... С. 130.

² АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. Д. 3. 1804-1809. Л. 307.

вом основания консульства являлись все-таки интересы России в Черногории. И что задачи его, вместо представительства интересов своей страны, действительно выражались в неофициальном представительстве интересов Черногории на части территории соседней Австрии. Таким образом, делалась попытка помешать не только французскому, но и австрийскому влиянию на Черногорию и поставить ее внутреннюю жизнь под полный контроль России.

Что касается методов деятельности русского консула и политического значения тех шагов, которые он предпринимал, представляя интересы Черногории, то между ними не было разницы — в зависимости от того, предпринимались они до или после открытия консульства или решений общечерногорского сбора в Цетинье. Мы особо подчеркиваем сей факт, имея в виду широкие полномочия, которые, по решению сбора, были включены в его обязанности, на основании чего можно было бы сделать иной вывод.

Мы уже говорили, что сразу же по прибытии в Котор, т. е. еще до официального открытия консульства, русский консул был привлечен к делам, представляющим интерес для черногорских подданных на территории Австрии. Это происходило по требованиям черногорских властей, которые сопровождалось подробными отчетами о положении в Черногории.

Так, в своем письме от 22 июля / 3 августа 1804 г. владыка сообщал, что, в связи с письмом, полученным им от русского консула, а также двумя записками о скоте, вещах и деньгах, которые черногорцы отняли у австрийских и турецких подданных, он отдал строжайший приказ вернуть все отнятое тем, «у кого это отнято», а пострадавшим возместить ущерб. Если же австрийским подданным не будет справедливо возмещен ущерб, то, как писал Мазуревскому владыка, «Черногорское Гражданское Правительство» их требования может удовлетворить, и это будет сделано быстро через русского консула в Которе, а виновники, после проведения следствия, будут наказаны по всей строгости черногорских законов, действующих в таких случаях¹. Значит — уже тогда Мазуревский выступал посредником при решении споров между черногорцами и их соседями.

В том же письме Петр I известил А. О. Мазуревского о происходящем в Черногории. Он сообщал ему, что беспорядки и кровопролитие, которые в последние дни июля имели место в двух нахиях, завершились перемирием до окончательного следствия. Об усилиях по введению в Черногории порядка говорило сообщение владыки о том, что арестовано и заковано в кандалы четверо черногорцев из самых уважаемых семей до рассмотрения их вины в соответствии с законом. Тот же смысл имела информация о поимке преступника, черногорца, которого

¹ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803-1809. Л. 18-20.

в прошедшем году за его злодеяния «Суд Гражданский» приговорил к смерти, а сейчас смертный приговор приведен в исполнение¹.

Обращаясь к Мазуревскому, митрополит считал необходимым известить его и о черногоро-австрийских отношениях и проблемах, которые возникают у Черногории из-за соседства с могущественной империей. Он писал о давлении, которое на черногорцев оказывают австрийские власти и о том, что, поскольку им не у кого было просить защиты, они их действия терпели, хотя и могли «сильно им напако-стить», чего, однако, не сделали, помня о союзе между Россией и Австрией. Соблюдая это соглашение, они пытались своим самоволием не причинять осложнений русскому двору, под покровительством которого находятся, надеясь на «благотворный взгляд всемилостивейшего покровителя нашего»². Далее владыка писал обо многих наветах и несправедливостях, вымышленных и опасных уловках, к которым прибегали австрийцы, дабы «очернить и вызвать неприязнь к верному и заслуженному народу черногорскому» у «его императорского величества самодержца всероссийского». Австрийские власти выражали негодование и в адрес владыки, поскольку черногорцы не согласились принять покровительство австрийского двора. Имея все это в виду, Петр I делал вывод, что австрийцы «ни по вере, ни по нации» не доброжелательны, и что Мазуревский сам со временем в этом убедится, уверившись в их лукавстве, хитрости и лицемерии. В заключение он писал, что потому следует вести благоразумную политику, свойственную высокославным россиянам, надеясь на то, что австрийцы «сами упадут в ту яму, которую для них выкопали» и будут навсегда опозорены. А мы же, «счастливым покровительством великого монарха высокославных русских и нашего самого большого благотворителя окруженные, будем наслаждаться желанным благополучием и с помощью Господа выполнять все наши важнейшие дела и заповеди»³.

Поскольку это было одно из первых писем Петра I, направленных Мазуревскому после его приезда в Котор, в нем пояснялся и характер их будущих отношений. Владыка писал, что без совета и предложений русского консула черногорцы не будут ничего предпринимать, «а тому, что служит славе его императорского величества», они будут стремиться «всеми средствами по совести помогать»⁴.

Кроме того, он сообщал ему, что, получив первую весть о его приезде, выпустил «Объявление», «чтобы обнародовать во всех нахиях черногорских и брдских» известие о назначении русского консула. Он

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

также приказал «всем чиновникам и остальным воинам» из всех нахий собраться в Цетинье в день Преображения Господня, желая обратить их внимание на то, чтобы они «лучше понимали новые знаки великого монарха и покровителя нашего». Тогда же, писал владыка, должен быть составлен и приказ, в связи с будущими «благоприятными полномочиями русского консула».

Кроме этого письма владыки, написанного до состоявшегося в Цетинье сбора и до официального вступления русского консула в должность, в архивах Черногории и России сохранились и другие обращения черногорских властей к Мазуревскому. Так, например, в письме от 29 июля 1804 г. Петр I просил его исходатайствовать у местных властей в Которе освобождение из заключения одного черногорца, арестованного по приказу австрийской военной управы¹.

В Архиве внешней политики Российской империи мы обнаружили схожие документы, в которых Правительство обращается к русскому консулу А. О. Мазуревскому с просьбами о посредничестве перед австрийскими властями.

В первом из них, от 6 августа 1804 г., Правительство просит русского консула заступиться за сына Митра Милошевича из Цетинья, который после смерти отца занимался торговлей в Которе и вступил в конфликт с неким Стефаном Аврамовичем. После ссоры и драки австрийские чиновники конфисковали его товар из лавки. Мазуревскому направлялось прошение, чтобы он договорился с австрийскими властями о возвращении товара.

В другом документе под той же датой Правительство просит русского консула истребовать от градоначальника Котора освобождение ребенка из Цетинье, который находится в городской тюрьме, хотя «ни сном, ни духом не виноват»².

О том, что представительство Черногории русским консулом в Которе получило официальный характер, было объявлено, как мы говорили, на черногорском сборе 7 / 19 августа 1804 г.³ Объем обязанностей, которые при этом черногорцы возложили на А. О. Мазуревского, был действительно велик. Их описал владыка Петр I в письме Александру I от 16 / 28 августа 1804 г.: «Я и народ черногорский и брдский возложили на этого консула все наши дела с австрийским правительством

¹ АОНМЦГ. Ф. Петар I. 831. 29.VII.1804 г.

² АВПРИ. ГА. 1–7. 1803–1809. Оп. 6. Д. 4. Л. 10.

³ Поскольку на сбор 7 / 19 августа 1804 г. ожидалось прибытие Мазуревского, то за несколько дней до этого, в письме от 3 / 15 августа Петр I, выражая благодарность за ответ на свое ранее посланное письмо, одновременно подтвердил свою радость в связи с его приездом в Черногорию. Он извещал его также, что на, всякий случай, 3 августа его благородию будут посланы верховые кони (АВПРИ. ГА. IV–5. Оп. 123. Д. 3. 1804–1809. Л. 307).

и отрелись от того, чтобы иметь с этим правительством какие бы то ни было явные или тайные сношения, или переписку, кроме тех, которые будут вестись через указанного консула»¹. Имелись в виду, следовательно, все «государственные дела» — как политического характера, так и касавшиеся отношений с соседями и защиты интересов черногорцев и брдчан на территории Австрии.

Подходя к вопросу исторически, очевидно, что возникновение консульства, как учреждения, было обусловлено необходимостью развития торговли и защиты подданных одного государства на территории другого, а не межгосударственными политическими отношениями, для чего создавались временные или постоянные дипломатические миссии. Но, рассматривая его с точки зрения теории дипломатии, можно было бы сделать вывод, что таким решением общечерногорского сбора консульству России были доверены не только консульские, но и определенные дипломатические функции. Судя по содержанию его деятельности, которая определялась этим решением, действительно может показаться, что в «компетенцию» консульства входило и выполнение определенного круга задач, которые выходили за рамки классических консульских функций. Это означало бы, что его полномочия, в смысле представительства интересов Черногории, были действительно широкими, т. е. распространялись и на политическую сферу.

Но, несмотря на такой фактический статус, этого нельзя сказать о международно-правовом значении актов и шагов, которые, в качестве посредника со стороны Черногории, предпринимал русский консул. Причина тому — в отсутствии ее международно-правовой субъектности, как важного условия того, чтобы представительство черногорцев консулом в Которе функционировало в полном своем значении. Выделение такой особенности мы считали важным из-за наличия примеров не только консульских, но и политических дел в практике консула и необходимости адекватного толкования его деятельности, в целом. Дела второго типа присутствовали с первых дней работы русского консула в Черногории, а позднее их число и увеличивалось. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Одним из наглядных примеров присутствия элементов дипломатии в деятельности русского консула является его сообщение владыке Петру I о вступлении России в войну с Францией. Обращаясь к нему как уполномоченный царский посланник, он через несколько дней после общечерногорского сбора известил об этом Петра I. В ответе Мазуревскому от 28 августа / 9 сентября 1804 г., в связи с полученным сообщением, что «государь наш с союзниками объявил войну Наполеону»,

¹ Миловић Ј. Петар I Петровић Његош — писма и друга документа, грађа 1780–1820. Књ. I. С. 196.

Петр I передал через него наилучшие пожелания русскому императору и выразил надежду на успешный исход войны»¹. Речь, таким образом, идет о классической форме межгосударственных, хотя и не в полном объеме, дипломатических контактов.

Хотя есть и еще целый ряд подобных примеров, мы не будем их анализировать, так как могло бы сложиться ошибочное общее впечатление о функциях и задачах консульства. С другой стороны, о них нельзя и не упомянуть, ибо тогда деятельность этого специфического и во многом уникального учреждения в истории дипломатии Черногории была бы представлена крайне упрощенно и неполно. Поэтому мы обрисовуем только общие рамки, в которых такие функции и проявлялись, — по крайней мере, отчасти.

В письме от 26 августа / 7 сентября 1804 г. Петр I ведет речь о черногоро-австрийских отношениях. С учетом того, что межгосударственные отношения также относятся к числу основных дипломатических функций, сам собой напрашивается вывод о характере деятельности русского консула в этом случае. Здесь необходима оговорка, что Черногория была тогда государством не де-юре, а де-факто, и что ее власти посредством русского консула не контактировали непосредственно с австрийским правительством в Вене, но лишь с местной администрацией в Которе.

Тема черногоро-австрийских отношений преобладала и во многих других письмах на линии Петр I — Мазуревский, так что она так или иначе фигурирует как одна из главных в посреднической деятельности русского консульства. В упомянутом письме речь шла о том, что единомерный и единоплеменный народ из села Главичани из Грбаля из-за деяний австрийских властей бежал в Черногорию. Поскольку черногорская и австрийская граница была «свободна в смысле въезда и выезда», ибо караулы были всегда пусты, владыка обращал внимание консула на осложнения, которые могут возникнуть, если австрийские власти, вкупе с жандармами, начнут задерживать беглецов на черногорской территории².

Этот вопрос повторяется и в двух последующих письмах черногорского владыки Мазуревскому. В начале сентября 1804 г. в своем ответе на письмо консула он опровергал обвинения, выдвинутые генерал-лейтенантом Бради и гражданским комиссаром Розетти в том, что 3 сентября он якобы помешал «австрийским судьям» беженцев из села Главичани из Грбаля «принудить к должной послушности». Петр I утверждал, что никогда не желал чинить препятствия соседним австрийским властям. Обвинения Бради и Розетти он считал необоснованными.

¹ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4 (п. 4). 1804-1809. Л. 82.

² АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 3 (п. 4). 1804-1809. Л. 83.

ми и указывал русскому консулу на то, что австрийцы с момента прибытия в Боку оказывают давление на Черногорию и ее границы, чтобы потеснить черногорцев и занять «их землю и монастырь наш»¹. В ответ на такое давление губернатора Розетти возмущенные черногорцы ничего не предприняли, уважая союз, который существовал между русским и австрийским дворами. Тем не менее, по причине действий австрийских властей, черногорцы направили требование своим покровителям, чтобы они повлияли на поддержание добрососедских отношений в пограничных областях. Австрийская административная власть в Боке, однако, не желала и слышать о русской протекции. Поэтому черногорцы были вынуждены обратиться с жалобами к венскому двору.

В Вене сочли, — писал далее митрополит, — что черногорцы правы и приказали здешним властям воздержаться от «тиранства» над своими соседями. Но сейчас они снова начали наносить им ущерб, причем без какой-либо их вины. В связи с этим и для лучшего понимания подлинных намерений австрийцев, Петр I приложил к своему обращению Мазуревскому и одно письмо адмирала Ушакова генералу Бради, отправленное в то время, когда он командовал в этих краях.

Опровергая обвинения австрийцев, владыка отрицал вину черногорской стороны, объясняя, что после принятых решений черногорцы не могли вмешиваться в «какие-либо дела австрийские» без одобрения русского консула. Со времени его прибытия в Боку Которскую такие дела могли обсуждаться только в его присутствии, о чем австрийским властям должно быть хорошо известно².

В заключение своего письма владыка снова возвращался к вопросу о жителях села Главичани, подчеркивая, что он не может запретить въезд в Черногорию главичанам и всем другим, кто спасается от австрийского насилия. Границы черногорские, как и австрийские, открыты, а у главичан есть много родственников в Черногории, которые их добровольно принимают и будут делать это и впредь, сколько бы мы не пытались им в этом помешать. Он напоминал русскому консулу, что остановить бегство от «австрийских судей» не в состоянии ни черногорцы, ни австрийцы и предупреждал, что если бы все-таки кровь православных жителей Приморья пролилась и если бы они, по здешнему обычаю, бросили клич — «кто храбрый воин», то ему было бы крайне тяжело помешать черногорцам отомстить за своих невинно пострадавших родственников. Письмо завершалось словами, что он надеется, что его светлости достаточно известно, «как ведет себя здешний самовольный народ»³.

¹ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 3 (п. 4). 1804–1809. Л. 15.

² Там же.

³ Там же.

В письме черногорского митрополита Мазуревскому от 7 / 19 сентября 1804 г. речь снова шла о возможных вторжениях черногорцев на территорию Австрии, которым черногорские власти не смогут помешать, если подвергаемые насилию со стороны австрийцев приморцы призовут их на помощь и попросят защиты¹.

В то время, однако, имелась другая, более серьезная проблема, о которой писал владыка, грозившая серьезным кризисом в черногоро-австрийских отношениях. В те дни в Черногории распространилась весть, что «расстрига» Вучетич прибыл в Грбальскую общину, чтобы организовать восстание против черногорцев и напасть на черногорские границы и монастырь Станевичи, которым генерал Бради и ранее хотел овладеть обманом. Кроме того, барон Розетти письменно подтвердил, что этот монастырь на австрийской территории более терпеть не будет². Такие слухи вызвали большое беспокойство в разных краях Черногории, и ее жители поспешили защитить свой монастырь, «который находился на черногорской, а не на австрийской земле», и наказать Вучетича, если он идет «на них с войском». Но на следующий день стало известно, что Вучетич сбежал из Котора в Будву. Оставив двенадцать человек для охраны монастыря Станевичи, черногорские отряды вернулась, и только одна небольшая группа из 60 человек ушла к своим родственникам в Грбаль³.

В начале октября 1804 г. А. О. Мазуревский известил владыку Петра I о прибытии в Рисанский порт русского фрегата, посланного с Корфу, который привез «важные депеши и приятные новости его светлости господину кавалеру графу Ивеличу»⁴.

В письме от 22 октября / 2 ноября 1804 г. Петр I сообщал Мазуревскому, что в те дни «Правительство черногорское» по делу попа Лазы Радоница по здешним обычаям в Негушах с домом Петровичей «мир учинило», и что все ссоры между этими двумя семьями «миролюбиво прекращены»⁵. Русский консул был, очевидно, хорошо осведомлен о такого рода спорах, существовавших в Черногории, и сам прилагал усилия, чтобы их устранить. Об этом свидетельствует и то, что в том же письме, от имени Правительства черногорского и от себя лично, владыка счел нужным поблагодарить его светлость господина генерала и кавалера графа Ивелича и «его благородие» русского консула за финансовую помощь и посредничество, чтобы и в других нациях подобное зло прекратилось. А тот факт, что и сами черногорцы, подвергшись опасности в подобных ситуациях, обращались к русскому консулу, подтверждает продолжение письма владыки.

¹ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4 (п. 4). 1804–1809. Л. 98.

² Там же.

³ Там же.

⁴ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4 (п. 4). 1804–1809. Л. 132.

⁵ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4 (п. 4). 1804–1809. Л. 135.

Речь идет о том, что из-за ссоры, произошедшей в Црмнице, Стево Йовов бежал «под защиту» русского консула, опасаясь за свою жизнь. В письме Мазуревскому владыка утверждал, что С. Йовову не грозит никакая опасность, и что он может спокойно вернуться домой. Он сообщал также, что отдал необходимые распоряжения в Црмнице, чтобы до его прибытия туда Йовову не чинилось никакого зла. Выражая сожаление, что обременяет консула этими проблемами, владыка обещал, что вскоре вместе с Правительством он отправится в Црмницу с целью разбора и окончания незавершенных дел, в том числе и дела упомянутого Йовова, дабы враждебные поступки прекратились¹.

В конце октября 1804 г. владыка обратился к Мазуревскому в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг гражданина Котора Спиридона Марковича, занимавшего должность народного секретаря при черногорском Правительстве. По этой причине австрийские власти унижали его, не разрешая выйти из города, так что он не мог аккуратно выполнять свои секретарские и иные обязанности. Поэтому русскому консулу была направлена просьба, чтобы он своим посредничеством обеспечил Марковичу свободный выезд в Черногорию — без угроз и запретов. Петр I выражал надежду, что австрийские власти в Боке в том не откажут, поскольку «их император в большой дружбе с высоким нашим протектором». Считая Черногорию протекторатом России, он проводил параллель и делал вывод, что, сообразно дружбе высоких монархов, должны существовать и добрые отношения между соседними черногорскими и австрийскими областями².

Хотя большая часть контактов между черногорским митрополитом и русским консулом осуществлялась путем служебной переписки, были известны и случаи их личных встреч. Они, как правило, происходили при посещении Мазуревским Черногории или монастыря Станевичи. Помимо его визита в Цетинье, о котором уже говорилось в связи с проведением общечерногорского сбора и вручения черногорцам царской грамоты, вторая такая встреча произошла в начале ноября 1804 г. Тогда владыка пригласил Мазуревского на «персональное» свидание, чтобы поговорить о вещах, касающихся их обязанностей в свете интересов его императорского величества. Он просил консула прибыть к нему в Станевичи и сообщить о дате приезда, чтобы послать за ним «людей и лошадей»³.

Увы, сведений о содержании состоявшейся беседы мы не обнаружили в архивных источниках. Но в любом случае, такие встречи имели значение для рассмотрения наиболее важных политических проблем в отношениях двух стран. Просьбы же о представительстве интересов черногорских подданных, для чего требовалось непосредственное обра-

¹ Там же.

² АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4 (п. 4). 1804–1809. Л. 137.

³ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4 (п. 4). 1804–1809. Л. 145.

шение русского консула к австрийским властям, излагались в форме писем, которые от своего имени или от имени Правительства подписывал владыка. Таких случаев было много и они были весьма разнообразными.

В письме 1804 г. (без точной даты) Петр I пишет русскому консулу и просит его посредничества в связи с инцидентом, который произошел, когда австрийские часовые запретили одному черногорцу въезд в Котор. Ударами прикладов его повалили на землю, а потом задержали и посадили под арест. В то время, когда владыка писал Мазуревскому, задержанный черногорец все еще находился в тюрьме. Чтобы участие русского консула имело наибольший эффект, митрополит сообщил ему мнения очевидцев этого события, утверждавших, что черногорский подданный ничем не вызвал инцидента, и что неточны заявления австрийских властей, будто «наш черногорец» схватил камень, чтобы ударить часового, с чем и связывался его проступок. В связи с этим, владыка просил консула настаивать в «их правительстве в Которе», дабы добиться освобождения черногорца из тюрьмы без дальнейшего разбирательства и возможного наказания.

Интересен и аргумент, который, обосновывая свое требование, приводит владыка. Он полагал, что в данном случае судебное разбирательство не относится к компетенции австрийских властей, ибо задержанный черногорец «подлежит наказанию черногорским Правительством» и по его законам, «если окажется виновным».

Приведем еще один пример, иллюстрирующий, насколько основание русского консульства в Которе и его деятельность положительно влияли на оформление идеи государственности в Черногории, причем в самых разнообразных сферах. Прежде всего, контакты с ним способствовали созреванию у черногорских властей сознания о степени их компетенции, правах и обязанностях и на своей территории, и в отношениях с соседними областями. Кроме того, укреплялся авторитет Правительства, как института надплеменной власти, который в отношениях с консульством рассматривался как орган, ответственный за поступки, которые черногорцы совершали на территории другого государства, и в первую очередь Австрии. Однако, особо выраженное влияние в указанном смысле консульство имело при разрешении имущественно-правовых споров с австрийской администрацией в Которе. Здесь, как весьма важный, вставал вопрос их территориальной и персональной юрисдикции при разбирательстве и вынесении решений по делам, где в качестве одного из участников фигурировали черногорские подданные.

Следующий пример, который мы находим в недатированном письме Мазуревского митрополититу (1804 г.), свидетельствует именно о том, насколько случаи из практики консульства указывали на необхо-

димось главенства в общественной жизни страны правовых категорий и стандартов, присущих устоявшимся обществам и государствам.

Судебное разбирательство, о котором идет речь, относилось к спорам из области имущественно-правовых отношений, а при определении органа, компетентного для его проведения, был поставлен вопрос гражданства лиц, которые в нем участвовали. В письме к владыке Мазуревский указывал, что австрийский подданный поп Саво Танович три раза обращался к нему с прошением, относительно содержания его сестры с детьми, бывшей замужем за Станиславом Вуловичем-Радоничем, которую тот прогнал без всякой ее вины. В этой связи Танович просил черногорское Правительство и которскую администрацию наложить секвестр¹ на недвижимое имущество Радонича, которое тот специально распродал, чтобы лишить средств жену и детей.

В разбирательстве, которое проходило в русском консульстве в Которе, Радонич заявил, что не зависит от черногорских властей, поскольку, мол, является подданным Австрии. В связи с чем, по просьбе попа Тановича, он был — со стороны «здешней делегации» — «признан» черногорским, а не австрийским подданным; Мазуревский же по этой причине в письме к владыке просил его предложить черногорскому Правительству включиться в разбирательство спора и для «стороны, которая будет права, обеспечить соответствующее удовлетворение»².

Подобным образом можно расценивать и другой вид деятельности консульства, связанный в наведением порядка в сфере выезда черногорцев и брдчан за границы Черногории и выдачи им соответствующих проездных документов. Случай с Лазарем Даниловичем, самозванным Братолюбичем³, был для Мазуревского поводом известить владыку, что информация об этом будет послана в соответствующие органы в Санкт-Петербург, чтобы там знали, что речь идет о ложной идентификации. Со своей стороны, он уверял митрополита, что с учреждением консульства в Которе создано препятствие для таких самозванцев, поскольку без русского паспорта и особого учета они не смогут больше выезжать из Черногории⁴.

¹ Секвестр — мера обеспечения, которая заключается во временном лишении права управлять имуществом (или частью его) какого-либо лица, если имеется обоснованное предположение, что оно будет конфисковано у его собственника. На основании этой меры, управление данным имуществом переносится на компетентный государственный орган.

² АОНМЦГ. Ф. Петар I. 938 (Мазуревский — Петру I о разделе имений Тановича и Радонича).

³ Лазар Данилович Любичратич был родом из Требинья и в 1802 г. ездил в Санкт-Петербург просить у русского правительства помощи для герцеговинского народа (См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 17. Сноска 7).

⁴ АОНМЦГ. Ф. Петар I. 992 (Мазуревский — Петру I. Сообщение об обращении к русскому правительству с просьбой воспрепятствовать нападениям из Албании. 9 / 21.II.1805 г.).

Консульство в Которе, таким образом, в своей деятельности стремилось вводить нормы, соответствующие практике устоявшихся обществ, т. е. применять общепринятый способ выдачи и использования проездных документов для черногорских подданных, условием же их выдачи была полная и точная идентификация просителей.

Создание консульства было важным не только для наведения порядка при выезде из Черногории в другие страны. Оно пыталось навести такой же порядок и при въезде иностранцев в Черногорию. То, что и в этой области оно располагало соответствующими полномочиями, особенно когда речь шла о подданных России, подтверждается архивными документами. Так, в письме владыке от 17 / 29 марта 1805 г. Мазуревский пишет о том, что в «пределы Черногории и Герцеговины» не пустил человека, очевидно русского, который отрекся от своей родины в лице «государя императора Александра I, который уличен в разврате и который, как установлено, занимался шпионажем против своей страны»¹.

В течение 1805 г. основные виды деятельности консульства оставались почти теми же, что и год назад. Отношения с Австрией по-прежнему находились на первом месте. Это было естественно как потому, что консульство располагалось в Которе, так и потому, что Австрия была могущественным соседом, и из-за ее политического давления Черногория нуждалась в помощи и защите России. О том, что обращение за помощью обуславливалось в том числе и политическими потребностями черногорского общества, свидетельствуют архивные документы.

В письме Мазуревскому от 10 / 22 февраля 1805 г. владыка пишет, что венский двор, не признавая того, что Черногория находится под покровительством России, призвал генерала Бради и приказал ему войти с Боку Которскую с 8000 «отборных» солдат. Он просил сообщить об этом Александру I, «высокославному нашему протектору», добавив, чтобы ему также передали, что австрийцы, ссылаясь на союз с русским двором, проявляют явные знаки недружелюбия по отношению к Черногории. Владыка высказывал и свое мнение, что Австрия, тайно подстрекаемая каким-то другим государством, желает «подлым образом» этот союз расторгнуть. Он пришел к такому выводу, полагая, что Вена не посмела бы выступить против союза, если бы за ней не стояло намного более сильное государство, которое ее и поощряет².

В том же письме Петр I приводит данные о том, что с этой целью в Сербию тайно засылались австрийские эмиссары, чтобы своими обещаниями об избавлении от османской власти обмануть «наш просто-

¹ АОНМЦГ. Ф. Петар I. 1000 (Мазуревский — Петру I о каком-то шпионе. 7 / 19.III.1805 г.).

² Миловић Ј. Петар I Петровић Његош — писма и друга документа, грађа. 1780–1820. Књ.1. 203–204.

душный православный народ»¹. При этом они вели свою деятельность, ссылаясь на Россию и от ее имени подстрекая народ против Турции. Тем самым они хотели разрушить союз России и Порты и негативно повлиять на внешнеполитические планы петербургского двора.

Непоследовательность и беспринципность австрийского двора, по словам владыки, проявлялись на каждом шагу. Поэтому Петр I просил Мазуревского предпринять «со стороны нашего двора» необходимые меры, «чтобы остановить наших недругов».

Одновременно консулу сообщалось и о начавшейся в Черногории подготовке к возможным боевым действиям. Более активная и успешная позиция общих неприятелей в тот момент оценивалась как временная, а их намерения — тщетными, так как, по словам владыки, «мы вместе разрушим и расстроим их лукавые замыслы и помешаем их намерениям, касающимся не только Черногории, но и Сербии. Мы создадим для них непреодолимое препятствие, и они останутся со своими кознями пристыженными и навсегда униженными»².

Терминология, употребляемая письме Петра I, особенно в заключительной его части, говорила о полной подчиненности русскому двору, который автор даже называл «своим», а русское консульство рассматривал как одну из инстанций в иерархии власти, благодаря которой Черногория имела статус территории под покровительством России. Речь шла, таким образом, о совершенно иной трактовке черногоро-русских отношений, чем во времена неприятия грамоты Святейшего Синода и отпора миссии Ивелича. Но и при такой форме выражения ясно просматривалась идея становления государства, т. е. желание освободиться от турецкой власти и завоевать независимость, что оставалось главной целью, достижение которой напрямую связывалось с Россией.

Но несмотря на несомненно положительное влияние деятельности русского консульства на начавшийся процесс становления черногорской государственности и на осознание ее населением значения введения правопорядка и формирования центральных органов власти для внутренней жизни страны, процесс превращения ее жителей в граждан, освобожденных от племенных и патриархальных пут, протекал медленно. Внутренняя жизнь характеризовалась изолированностью племен и связанной с ней разобщенностью, которая преодолевалась крайне медленно. Такая проблема отражалась и на деятельности консульства, возникая нередко при представительстве интересов Черногории в ситуациях, когда межплеменные споры и столкновения, как и их урегулирование, переносились за пределы черногорской территории.

¹ Там же.

² Там же.

Об этом мы узнаем из письма, которое 5 / 17 мая 1805 г. Мазуревский направил владыке Петру I. В нем он сообщает, что в тот день к нему обратился Станко Врбича из-за убийства его родственников жителями Грбалья, вследствие чего его брат Джуро задержан и посажен в тюрьму в Которе. За совершенные убийства братство Врбича намеревалось кровью отомстить грблянам. Осведомленный об этом, русский консул просил Станко Врбичу отворотить свое братство от такого намерения, но тот твердил, что от задуманного их никто не может отговорить, кроме владыки Петра I. В связи с этим Мазуревский писал владыке и просил лично включиться в этот спор, нарушавший миролюбивые и добрососедские отношения между племенами, дабы избежать дальнейшего кровопролития. Сам он считал, что грбляне виноваты в нарушении мира и кровавом убийстве двух пастухов-черногорцев. В заключение он выражал уверенность, что местные власти в Которе уже приняли меры, чтобы строго наказать виновных в этом тяжком преступлении, поскольку в противном случае они сами могут понести ответственность¹.

Имеются примеры, когда споры между племенами на черногорском рынке в Которе перерастали в крупные беспорядки и даже вооруженные стычки с австрийскими властями. Такой случай произошел в середине июня 1805 г., о чем граф Ивелич известил владыку обширным письмом. Тогда Саво Лакичевич и Вуко Старчевич из Кртола в два часа пополудни пришли на черногорский рынок, чтобы поговорить о женщине, которая ушла от мужа из Чеклича к своим родственникам в Луштицу. Во время беседы Лакичевич ударил кулаком собеседника из Чеклича, после чего в ход пошло оружие, а затем вмешались и австрийские солдаты. С привлечением местных властей к наведению порядка столкновение приняло характер масштабного мятежа — из Котора вышли части гренадеров и открыли огонь по черногорцам, находившимся на рынке в его предместье. На стрельбу ответила и черногорская сторона, так что и у тех, и у других было много раненых, а у черногорцев и несколько убитых².

После этого события, 11 / 23 июля 1805 г., владыка Петр I обратился с посланием к «благородным господам предводителям и старейшинам и всем озриничам»³. Причиной его написания было то, что

¹ АОНМЦГ. Ф. Петар I. 1010 (Мазуревский — Петру I в связи с каким-то убийством. 5 / 17.V.1805 г.).

² АОНМЦГ. Ф. Петар I. 1022 (Петр I — озриничам о том, чтобы они некоторое время не спускались на рынок в Котор. 11 / 23.VI.1805 г.).

³ О самом инциденте, который имел характер боя, владыка в послании говорит: «Вы, я думаю, поняли, какое зло произошло в прошлое воскресенье на рынке под Котором, и как австрийские солдаты начали задерживать черногорцев и избивать мушкетами невинных. Так завязался бой между нашими и австрийцами, в котором было много кровопролития» (АОНМЦГ. Ф. Петар I. 1022. 11 / 23.VI.1805 г.).

«из-за боя, который произошел под Котором», черногорцам «на этот рынок» дорога была заказана, «в противном они могли погибнуть и опозориться»¹. Далее владыка писал, что к нему после описанного события пришли предводители всех племен, которые намеревались в тот день идти на рынок, и у кого «братья мертвые и раненые там остались, а жены в городе арестованы», и что все его просили и умоляли, «чтобы я вам писал и Богом поклялся от имени всех четырех племен: цетинян и негушей, и добрян, и чекличей, которые уже между собой договорились», что никто на «указанный базар и в государство австрийское не пойдет», а всех остальных черногорцев молили и заклинали, чтобы и они, вопреки договору четырех племен, туда не ходили².

Владыка знал, что в то время значение торговли на черногорском рынке в Которе возросло в связи с потребностью покупки вина и иных продуктов для семейного праздника «славы». Он боялся, однако, что если озриничи пойдут туда, то произойдет столкновение между ними и жителями тех племен, которые решили не ходить «в австрийскую землю» и могли запретить другим «проходить по своей земле». С другой стороны, он также знал, что им «от австрийцев покоя не будет», поскольку они, «не разбираясь, прогоняют любого черногорца» — тех, кто был «в бою», и тех, кто не был. Так как они задерживали и женщин, то следовало ожидать, что будут «арестовывать и героев», дабы «насытиться черногорской кровью и заполнить темницы черногорцами, заковав их в кандалы»³.

Поэтому владыка просил черногорцев покупать вино и ракию в Црмнице или в каком-нибудь другом месте и «сторониться рынка в Которе», пока не станет ясно, оставят ли австрийцы Черногорию в покое или нет, и будет ли «от боя польза или не будет»⁴. В конце своего послания владыка просил и Богом заклинал черногорцев жить «друг с другом, и без знания и договора государственного ничего не делать», и «не задевать австрийских и турецких людей», чтобы не лишиться милости «нашего высокославного покровителя, великого царя и самодержца всероссийского, в котором перед Богом вся наша надежда и отмщение состоит»⁵.

Ни указанные события, ни послание владыки Петра I не имеют непосредственной связи с деятельностью русского консульства в Которе. У нас также нет точных данных о том, участвовал ли русский консул в преодолении кризиса в отношениях Черногории и австрийских властей. Но, тем не менее, они ясно обрисовывают обстановку в Черно-

¹ АОНМЦГ. Ф. Петар I. 1022. 11 / 23.VI.1805 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ АОНМЦГ. Ф. Петар I. 1022.

⁵ Там же.

гории и ее обществе, характер межплеменных отношений и скромную силу центральной власти, органы которой начали формироваться в процессе становления государства. И хотя данные события, имея в виду время, когда они произошли, не могли остаться без внимания русского консула, причины их вызвавшие, и последствия, способные в какой-то степени повлиять и на внутреннюю стабильность страны, говорят о сложности условий, в которых протекала деятельность консульства по представительству интересов патриархально-племенного общества Черногории перед австрийскими властями в Которе.

6. Значение русского консульства в Которе для черногоро-турецких отношений

Русский консул в Которе был осведомлен об отношениях Черногории не только с Австрией, но и с другим ее могучим соседом — Турцией. Это говорит о том, что через русское консульство черногорский владыка и Правительство стремились решать и другие важные внешнеполитические вопросы, связанные с международным положением страны.

Отношения с соседними турецкими пашами в начале XIX в. являлись серьезной проблемой для органов власти Черногории. Причиной этого было, главным образом, поведение турецких военачальников, характеризовавшееся насилием над христианским населением, прежде всего в Герцеговине. Проблема была сложной и потому, что Россия и Турция находились тогда в союзнических отношениях. Черногорцы же, урегулировав политические отношения с российским двором, не хотели попасть в неблагоприятное положение, которое мог вызвать их вооруженный конфликт с турками, и снова стать объектом подозрения и критики из-за поступков, противных официальным целям российской политики. В связи с этим вопрос о черногоро-турецких отношениях был поднят перед Петербургом сразу же после того, как 7 / 19 августа 1804 г. прошла церемония вручения императорской грамоты.

Сколь важным этот вопрос являлся для Черногории видно по тому, что в один и тот же день — 16 / 28 августа 1804 г. Петр I Петрович Негош послал два письма Александру I. В первом владыка сообщал о получении царской грамоты на сборе в Цетинье из рук русского консула А. О. Мазуревского, а во втором — о насилии турок над христианским населением в Герцеговине и в других краях.

В этом письме Петр I подробно изложил проблему черногоро-турецких отношений и причины их плохого состояния. По оценке митрополита, вина за то лежала на турецкой стороне, так как «единоверные и единоплеменные народы, граничащие с нами, особенно герцеговинцы,

очень часто приходят ко мне с жалобами, что не могут больше терпеть насилия турок»¹. Турки отнимали у них имущество и «мечом истребляли род христианский», из-за чего эти народы просили черногорцев «предоставить им помощь для избавления из такого положения, потому что, если так будет продолжаться, они будут окончательно истреблены турецким варварством»².

Хотя черногорцы охотно оказали бы им помощь, но они не осмеливались ничего делать без распоряжения владыки, а он, в свою очередь, не хотел отдавать приказ о вооруженной помощи без одобрения русского царя Александра I. Без этих «допущений» черногорцы и брдчане не могли «подняться» на помощь герцеговинцам.

Проблема, между тем, заключалась не только в насилии турок в Герцеговине. В том же письме владыка извещал императора, что «турки, граничащие с Черногорией, невзирая на союз их султана с Россией, не уважая покровительство, оказываемое нам его императорским величеством, и очень часто не соблюдая перемирие, которое иногда заключается, нападают на наши границы, чинят при этом грабежи и убивают наших людей»³. Во время этих нападений черногорцы, по приказу владыки, не оказывают сопротивления, «не смея защищаться от турок» прежде, чем он отдаст приказ. Из-за этого народ винил черногорского митрополита «за все беды, которые он терпит от вероломных турок», поскольку тот не разрешал им «поднять на варваров оружие»⁴. Сам же владыка держал народ «в узде» и не давал ему нападать на турецкие земли потому, что «между Империей вашего величества и Портой Оттоманской существует союз», хотя при этом Черногория от турок-отступников, «которые не уважают волю султана», терпела большой вред.

Имея в виду ситуацию, в какой находилась Черногория, владыка и сам считал, что «черногорцы, по причине всех турецких преступлений, наносящих стране большой ущерб, имеют законное право поднять оружие против турок, объединившись с христианами, которые с огромным желанием ожидают помощи черногорцев, чтобы избавиться от варварства турецкого» и вступить «под славную протекцию вашего величества»⁵.

Обращаясь за одобрением своих мыслей, Петр I в заключение просил русского императора, чтобы он, «по благоусмотрению», его «в точности извещил, как нам в таком случае поступать»⁶. Владыка полагал, что время весьма благоприятно не только для того, чтобы черногор-

¹ Миловић Ј. Петар I Петровић Његош — писма и друга документа, грађа. 1780–1820. Књ. I. С. 200.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ский народ поднялся с оружием в руках и присоединил других христиан к тем, кто пользуется «высокославленным покровительством русского императора», но и для того, чтобы немалое число турок, которые от него и черногорцев просят помощи, чтобы противостоять скадарскому паше, переставшему подчиняться властям, хотело, приняв прародительскую христианскую веру, «с нами найти мир под счастливой защитой вашего возвышенного величества»¹.

Поскольку на обращение митрополита к императору скорого ответа из Петербурга не последовало, то Петр I и Правительство с такой же просьбой обратились к русскому консулу в Которе. Таким образом, русское консульство включилось в решение еще одного важного вопроса внешнеполитической жизни Черногории — урегулирование ее отношений с Турцией. Это существенно расширило круг его деятельности вне полномочий, касающихся представительства интересов Черногории перед властями Австрии в Которе.

В письме, относящемся ко второй половине 1804 г. (его точную дату невозможно установить из-за плохой сохранности), Правительство известило Мазуревского о ситуации в черногоро-турецких отношениях. Благодаря усилиям митрополита, тогда прекратились набеги черногорцев на области, граничащие с Черногорией, из-за чего сократилось и число ответных карательных операций из пограничных турецких областей. Но, тем не менее, «албанские и герцеговинские турки» нередко нападали «на наши села» с герцеговинской стороны: Стубицу, Повию, Трешнево, и с албанской: Црмницу, Крусы, Корнет, совершая грабежи и убийства. Из-за превосходства турецких сил селения на черногорской стороне, подвергавшиеся нападениям, не могли оказывать сопротивление. Их жители обращались к Правительству, особо жалуюсь на албанских турок, известных по своей необузданности и неподчинению турецкому султану.

Информированное об этих событиях Правительство просило у Мазуревского совета, как поступить и защитить свои села, поскольку черногорцы не имели возможности закрыть границу войсками или организовать пограничные кордоны. Единственное, что им оставалось, — это, как и ранее, устраивать налеты на турецкую территорию и, тем самым, предупреждать нападения турок. Однако, это вело к возникновению конфликта широкого масштаба, что, конечно же, не отвечало интересам России из-за ее хороших отношений и союза с Турцией².

Кроме Правительства, с письмом аналогичного содержания к русскому консулу обращался и Петр I. В ответном послании (дату которо-

¹ Там же.

² АОНМЦГ. Ф. Петар I. 1804. 903 (Мазуревский — Правительству о том, что получил письмо и пакет для Коллегии иностранных дел).

го из-за повреждения текста также невозможно установить) Мазуревский высказал уверенность, что «его храброе поведение заслуживает благосклонности к его архипастырскому имени»¹, а также надежду на то, что «августейший монарх посмотрит на это милосердным оком»², когда министерство известит его об этом. А в том, что сведения о храбром поведении черногорцев при защите своих границ и о компетенции вновь сформированных органов власти, несомненно, будут представлены русскому императору, Мазуревский и сам уверял владыку, подчеркивая, что и граф Ивелич, и он лично отчитаются обо всем этом по долгу службы. Тем не менее, он советовал, чтобы, до получения соответствующих распоряжений из Петербурга, храбрые черногорцы и брдчане только охраняли свои границы и ни в коем случае не нападали на турецкую территорию, ибо это нарушило бы обязательства, существующие по соглашению между Россией и Турцией. Этим черногорцы лишили бы себя права на покровительство, без которого русское правительство, конечно же, не намерено оставить Черногорию³.

Кроме перечисленных, в отношениях Черногории и Турции существовали и другие проблемы. Время от времени особенно острой из них становился отказ отдельных черногорских племен в верности черногорцам и брдчанам и их вступление в союз с турками из Подгорицы и Спужа. С этими проблемами владыка Петр I и Правительство стремились познакомить, а также привлечь к их разрешению не только русского консула в Которе, но, через него, и высокопоставленных официальных представителей России.

Описанное явление не было чем-то новым, с точки зрения черногоро-турецких отношений в XVIII в., но в начале XIX в., в рамках мер, направленных на централизацию власти и оформление пространства ее функционирования, оно могло повлечь за собой серьезные негативные последствия.

Время от времени турецким агам и бегам удавалось, используя шантаж, подкуп и иные методы, склонить на свою сторону отдельные черногорские племена или их часть. Это ослабляло авторитет центральной власти, которая только зарождалась, что могло вообще лишить смысла процессы формирования государства. Такой случай произошел во второй половине 1804 г. с племенем пиперов, что еще больше испортило и без того плохие черногоро-турецкие отношения.

У черногорского владыки и Правительства не было возможностей решить этот вопрос: они могли только ссылаться на авторитет России. Желая в любом случае избежать вооруженного конфликта, они пыта-

¹ АОНМЦГ. Ф. Петар I. 1804. 984 (Мазуревский — Петру I о том, что доволен хорошим поведением черногорцев по отношению к туркам. 1804).

² Там же.

³ Там же.

лись использовать влияние России двумя способами — прямым требованием русского посредничества у официальных органов османской власти с тем, чтобы черногорские или брдские племена были освобождены от турецкого давления, или же ссылками на покровительство России над Черногорией при обращениях по этому вопросу к жившим по соседству турецким феодалам.

Именно ссылки на покровительство России были положены в основу обращения владыки к «Смаил-бегу Османагичу и всем бегам Подгорицы» по поводу измены пиперов. В письме от 3 / 15 декабря 1804 г. Петр I подчеркивал, что широко известно «и разглашено по всему миру, что черногорцы и брдчане находятся под высокославным великого Александра императора и самодержца всея Руси» покровительством, и что между «нашим покровителем и вашим султаном утвержден вечный мир и взаимная дружба, чтобы помогать друг другу везде и всегда, где потребуется помощь»¹.

Владыка обращался к пашам из Подгорицы так, как будто Черногория не только пользуется покровительством России, но и находится в ее подданстве, и просил, чтобы турецкие власти соответственно к ней и относились. По той же логике, договор о союзе, заключенный между русским и турецким правительствами, считался обязательным для Черногории в такой же мере, что и для России, и, следовательно, от турок требовалось, чтобы они рассматривали Черногорию так же, как и государство, под чьим покровительством (т. е. в чьем «подданстве») она была.

Такая позиция Черногории в отношении к России была характерна для переписки с турками и отражала принципиальный взгляд владыки на черногоро-русские отношения после того как был урегулирован кризис, связанный с миссией Ивелича. Именно поэтому в данном документе, как и во многих других, русский царь зовется «нашим»; сам же владыка называет себя «русским кавалером», так как был награжден орденом св. Александра Невского.

На основании этих общих принципов и было составлено письмо владыки Смаил-бегу Османагичу и феодалам Подгорицы. Черногорская сторона представлялась в нем как пример соблюдения русско-турецкого соглашения, а соседние аги и беги обвинялись в его несоблюдении, т. е. вероломном отношении к взятым на себя обязательствам. В связи с этим, владыка писал: «Я не упоминаю то зло и вред, которые вы нам причинили, несмотря на утвержденную между нашими царями дружбу, когда я делал все, чтобы мы как соседи жили в мире, как Бог и наши уважаемые цари повелевают»².

¹ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803-1809.

² Там же.

На подданстве России, т. е. на ее покровительстве над Черногорией, основывалось и намерение владыки решить вопрос о переметнувшихся пиперах. Подчеркивая, что он не может и не хочет оставить пиперов, «которые нашими людьми являются под защитой высокославного христианского царя, и которых вы нечестно заманили к себе и подчинили себе без знания и воли почитаемого царя Оттомановича, по грубому вашему произволу, не взирая на дружбу, в которой наши цари находятся, не размышляя о том, что это не малые, но крупные и даже очень крупные вещи»¹, владыка советовал агам и бегам из Подгорицы «обуздать свои мысли», которые противны «дружбе наших царей» и оставить в покое «пиперов и остальных наших людей», которых они «заманили» или же занимаются тем, чтобы на «свою сторону переманить». Он предупреждал, что они не смогут добиться того, «без большого кровопролития и тяжелой войны между двумя народами»². Не желая ее, владыка тем не менее указывал, что «иначе не будет», если турки не оставят пиперов, и они «как прежде были нашими, так и после будут с нами под благородной защитой нашего царя»³.

Направляя письмо, Петр I считал своей обязанностью попытаться решить проблему отношений с соседними турецкими властями мирными средствами, поскольку в противном случае он отвечал бы «перед Богом и моим высокославным и сильным покровителем» за несоблюдение договора, который тот заключил. Он просил турецких аггов и бегов быстро ответить на это письмо, чтобы он знал, «как ему себя вести».

В связи с пиперами, которые вышли «из-под покровительства его императорского величества и перешли под власть албанского пашы», владыка Петр I направил и несколько писем русскому консулу в Которе. Он просил в них о его посредничестве — чтобы царское правительство повлияло на Порту для разрешения этой проблемы в черногорoturецких отношениях.

Письмом владыки от 9/21 декабря 1804 г. Мазуревский был извещен, что тот обратился к старейшинам пограничных турецких областей — комендантам Подгорицы и Спужа. К нему прилагались копии этих обращений «на благорассмотрение». Владыка сообщал Мазуревскому, что он никогда не допустит, чтобы турки могли «посулами отделять народ от покровительства высокославного протектора нашего, а будет неизменно поступать в соответствии с высокославной грамотой, полученной от блаженно почившего и бессмертного государя Павла I»⁴. Лишь таким образом можно было противостоять «необуз-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803-1809. 112.

данности соседних народов, которые только и могут, что подстрекать к бунтам и нападениям без объявления об этом и без участия своего правительства»¹. Владыка не сомневался, что войско черноморское — «храбростью и единомыслием своим, усиленное благоразумным управлением столь уважаемого пастыря»², — с успехом задержало бы названных турецких комендантов, принудив их оставить пиперов, «как и прежде, при Черногории, среди тех, кто пребывает под покровительством его величества монарха всероссийского»³. В таком случае, писал далее владыка, мы предприняли бы все меры, чтобы войной смирить «бунтарство и необузданность» пограничных турок, дабы избежать дальнейшие нападения на нас»⁴.

Однако, шаги, которые предпринял Петр I, обращаясь к турецким агам и пашам, не могли дать результатов и решить проблему пиперов. Причиной были плохие отношения с соседними турецкими областями, которые за это время стали еще хуже. О чем в письме от 18 / 30 декабря 1804 г. из Риекской нахии, где он находился «по народным делам», владыка известил Мазуревского.

Согласно сведениям владыки, 13 / 25 декабря Смаил-бег Османогинич и Селим-ага Мечукич, коменданты Подгорицы и Служа, «по своему обычному своеволию, противно существующему соглашению между нашим всемилостивейшим покровителем и оттоманской Портой»⁵, собрав свыше 500 отборных и хорошо вооруженных людей, напали на черноморских пастухов в пограничной Лешанской нахии. Из-за удаленности те не могли ожидать от своих никакой помощи. И, тем не менее, по призыву: «Кто витязь?» собралось 47 пастухов, которые не только обратили турок в бегство, но и прогнали их с территории Черногории без какой-либо добычи, а четверых убили. Среди убитых был и близкий родственник Смаил-бега Османогинича. Черноморцы, на которых совершено нападение, хотя их было немного, сумели оказать сопротивление туркам и даже захватить часть их имущества и оружия»⁶.

Второй похожий случай произошел в августе 1804 г. Петр I писал Мазуревскому, что 20 августа / 1 сентября отряд герцеговинских турок из поселка Кореничи тайно перешел границу и напал на черноморских пастухов недалеко от пограничного герцеговинского села Трешнево. Пятьдесят вооруженных турок намеревались убить их и угнать стадо. Во время нападения они ранили одного из пастухов, молодого парня, в шести местах, тогда как второй, поняв, что происходит, начал стре-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803-1809. 140.

⁶ Там же.

лять и убил одного турка, а второму сломал руку. На его крики: «Кто витьазь?» отозвались Михаило Кривокапич и Шуньо Пешикан, отец раненого парня. Собрались и другие «витьязи», а Байо Гаврилов убил турецкого главаря Хасан-агу Капетановича, которому Пешикан отрубил голову. После этого турки разбежались, оставшись без добычи¹.

О плохих отношениях черногорцев и брдчан с турками говорят и другие примеры. В письме, посланном 8 / 20 ноября 1804 г., черногорский владыка подробно ознакомил русского консула со случаем, который произошел с невесткой Дурко Стоянова из племени пиперов. Он подал владыке жалобу, что его невестка, родом из Герцеговины, из села Муракова, в середине прошлого месяца отправилась провести своих родителей, но ее схватили турки, отправили «в город Негуш» и привели к беглербегу Кападжи-баше. Тот попытался заставить ее принять ислам и стать одной из его жен. Когда она отказалась, ее отпустили в Мураково, но запретили вернуться к законному мужу к пиперам. При этом ей угрожали, что если она не подчинится, дом ее родителей будет разрушен, а они перебиты. Поскольку такой поступок турок был оскорблением для пиперов, Дурко Стоянов просил владыку не препятствовать пиперам в их отмщении туркам за него, и особенно Кападжи-баше. Владыка, со своей стороны, советовал им не собирать отрядов для мести туркам за оскорбление, обещая, что обратится с этим вопросом к русскому консулу за посредничеством.

Владыка исполнил свое обещание, написав Мазуревскому письмо, в котором просил его через соответствующие каналы направить ноту и требовать справедливого удовлетворения оскорбленных пиперов, находящихся под покровительством русского императора. Он просил также предупредить пограничных турецких начальников, чтобы они воздержались от столь недопустимой дерзости и «не причиняли нашему и всему христианскому народу таких оскорблений»².

Из-за таких отношений с местными турецкими предводителями, вопрос о пиперах все более обострялся, и, соответственно, оставалось все меньше возможностей решить его путем переговоров, т. е. миром.

В следующем письме, которое владыка 5 / 17 февраля 1805 г. отправил консулу, наблюдается еще более мрачная картина, в связи с пиперами. Та часть племени, которая осталась в Черногории, писала владыке жалобы, что их соплеменники, перешедшие под власть албанского паши, часто на них нападают, совершая убийства и грабежи³.

Напоминая, что он уже писал об измене пиперов, владыка обращался к русскому консулу с просьбой поговорить с ним лично об этих

¹ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. (п. 4). 1804–1809. Л. 80. АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. (п. 4). 1804–1809. Л. 146–148.

² АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. (п. 4). 1804–1809. Л. 146–148.

³ АВПРИ. ГА. I-7. Оп. 6. Д. 4. 1803–1809. Л. 218.

«неприятностях». Кроме пиперов, в то время проблемой были и герцеговинцы-дробняки, которые жаловались владыке, что турки их угнетают и облагают большими налогами, прося у него денежной помощи и избавления «от тиранства злобных могаметан»¹. По всем этим вопросам, продолжал далее владыка, он не мог принять никакого решения, пока не получит совет «высокославного покровителя нашего» — российского императора.

На письма владыки, касательно непростых отношений Черногории с соседними турецкими областями, последовал ответ русского консула от 9 / 21 февраля 1805 г.²

В своем послании митрополиту Мазуревский писал, что после признания власти албанского паши отдельными черногорскими племенами, а также в связи с нападениями пограничных турок из Герцеговины на Черногорию, «его светлость граф Ивелич подробно и усердно оповестил о том русского посланника при оттоманской Порте»³. Он просил, чтобы дипломатический представитель России в Константинополе потребовал возмещения ущерба Черногории, а также прекращения нападений на нее со стороны окрестных турок.

Такой вид внешнеполитической защиты черногорских интересов русскими в Порте являлся весьма важным как для укрепления «международной субъектности» Черногории, так и для дальнейшего развития процессов консолидации внутри нее. Важную роль в этой сфере деятельности русской дипломатии играло консульство в Которе. И уже сам факт, что его деятельность затрагивала черногоро-турецкие отношения свидетельствует о том, что на практике она выходила не только за рамки, утвержденные официальным актом о его открытии, но даже за рамки, определявшиеся документами неофициального характера, на основании которых в компетенцию консульства входило и представительство интересов Черногории перед местными австрийскими властями. Таким образом, русское консульство в Которе являлось учреждением, отслеживающим отношения Черногории с ее обоими соседями.

Помимо того, деятельность русского консульства существенно влияла на то, чтобы, путем политического воздействия нарождавшихся органов власти, и в сознании черногорского народа возникла мысль не только о покровительстве над ним России, но и о его подданстве. Исходя из такой «трактовки» статуса своей страны, Правительство и Петр I требовали от предводителей соседних турецких областей соблюдения территориальной целостности Черногории и невмешатель-

¹ Там же.

² АОНМЦГ. Ф. Петар I. 992 (Мазуревский — Петру I о том, что он еще раз настаивал, чтобы турецкое правительство предотвратило нападения из Албании).

³ Там же.

ства в ее внутренние дела. Такой их «замысел», особенно в отношении подданства, в реальности не имел ни правовых, ни политических оснований. Однако, его реализация на практике, после преодоления кризиса, связанного с миссией Ивелича, позитивно повлияла на оформление «государственного пространства» и осознание значения институтов власти в Черногории, которые отныне функционировали со ссылкой на авторитет и покровительство русского царя. Это имело огромное значение для процесса национально-освободительной борьбы и приобретения страной фактического суверенитета. Незримое присутствие России, которым в идеологическом и политическом смысле «освящались» первые институты власти, способствовало преодолению племенного сепаратизма и объединению всех имеющихся сил в борьбе против османской власти. Близость русского консульства в Которе и его участие как во внутренней жизни, так и во внешних сношениях Черногории придавала этим процессам дополнительный импульс.

С другой стороны, открытие консульства и стремление России, при его посредстве, добиться по возможности большего влияния на Черногорию свидетельствовало о том, что в официальной русской политике, принципы которой были известны Мазуревскому, на нее смотрели как на оформленное государственное пространство с собственной территорией и границами, внутри какого вновь учрежденные институты устанавливали режим правления, независимый от власти в Османской империи, в рамках которой Черногория оставалась де-юре. Таким образом, в деятельности русского консула она рассматривалась как отдельная территория; особый политический статус ей придавало непосредственное покровительство российского императорского двора.

ГЛАВА IV

РОЛЬ РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА В УСТРАНЕНИИ АББАТА ДОЛЬЧИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕРНОГОРИИ

После проведения церемонии передачи императорской грамоты, непосредственно перед официальным открытием русского консульства в Которе, А. О. Мазуревский, по поручению Ивелича, приступил к выполнению еще одного деликатного задания, которое считалось важным для целей русской политики на черногорском направлении. Речь шла об устранении аббата Дольчи из Черногории. Удаление «главного виновника» должно было подтвердить правильность курса, какой с самого начала своей миссии Ивелич проводил в Черногории.

Это повторное возвращение к требованию устранить секретаря владыки означало последовательность в выполнении известных политических задач. Хотя формально данные действия были направлены против аббата Дольчи, они означали и нажим на Петра I. Таким образом, значительная часть вины за прежний кризис во взаимоотношениях снова, и на сей раз определенно, связывалась с его именем.

1. Причины, по которым «случай Дольчи» вновь приобрел актуальность

Идея об устранении аббата Дольчи из политической жизни Черногории сама по себе не нова. Так же, как и план смещения Петра I с митрополичьего престола, изгнание Дольчи было одним из элементов неудавшегося замысла политического воздействия на власти в Цетинье, который Ивелич пытался воплотить по прибытии в Черногорию. Свою точку зрения на первоначальные результаты этой деятельности царский эмиссар изложил в донесениях императору от 20 и 26 февраля 1804 г.

По поводу этих донесений, в которых Ивелич обвинял Дольчи в измене и требовал его удаления из Черногории, Адам Чарторыйский известил их автора письмом от 6 / 18 мая 1804 г., что «государь одобрил его мнение касательно предложения, которое сам выдвинул в связи с аббатом Дольчи»¹. Речь шла об идее отправить Дольчи в Россию, что говорило о том, что Ивелич отказался от своего первоначального намерения передать его Австрии². Товарищ министра иностранных дел

¹ АВПРИ. ГА. I–7. Оп. 6. 1803–1809. Д. 4. Л. 25.

² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 24. № 2.

писал, что Александр I все же оценил это как крайнее средство, «которое не соответствует человеколюбивым настроениям его величества»¹. Поскольку Франьо Дольчи «виновен в злобных интригах, которыми он пытался втянуть в свои намерения митрополита», и был «главным орудием всего зла, что там произошло», считалось целесообразным передать его, «когда он будет схвачен», австрийцам, «дабы они его под строгим присмотром держали»². Учитывая, что и австрийцы были им недовольны, Чарторыйский полагал, что они найдут возможности для того, чтобы пресечь «все способы», которыми секретарь владыки пытался «осуществить свои вредные намерения»³.

Поскольку после неудачи миссии Ивелича было решено отказаться от смещения Петра I с поста митрополита путем вызова его на суд Святейшего Синода Русской церкви, казалось, что и вопрос об аббате Дольчи также снят с повестки дня. О чем свидетельствует хотя бы то, что планы о его устранении некоторое время особо не рассматривались. Но, если из-за поддержки, которой черногорский владыка пользовался в народе, его удаление было оценено как политически нецелесообразное, то этого нельзя сказать об отношении официальной русской политики к его секретарю. Все время, пока продолжалась миссия Ивелича, идея устранения Дольчи оставалась актуальной, хотя были серьезные причины оставить его в покое, имея в виду политическую ситуацию Черногории.

В результате передачи императорской грамоты, отношения между русским двором и Черногорией, в лице митрополита, существенно улучшились. Это создавало уверенность, что рациональные основания для того, чтобы, подняв снова вопрос о Дольчи, подвергать их сомнению и вновь пересматривать, отсутствуют. Достигнутая общая стабильность, т. е. согласованность интересов внешней политики России с политическими настроениями в Черногории, также не указывали на вероятность актуализации этого вопроса. Но, тем не менее, это было не так.

Интерес русской политики, а, может быть, и один из ее принципов, состоял в непризнании ошибок, допущенных при ее проведении, даже тогда, когда для этого не было особых причин. Если такую последовательность было невозможно проявить в случае с Петром I, ее непременно следовало продемонстрировать с аббатом Дольчи. Хорошие отношения, установленные в это время с Черногорией, расценивались как положительное условие, гарантирующее, что поднятие этого вопроса не вызовет вновь напряженности в черногоро-русских отношениях.

¹ АВПРИ. ГА. I–7. Оп. 6. 1803–1809. Д. 4. Л. 25.

² Там же.

³ Там же.

В переписке, которую граф Ивелич вел с митрополитом до открытия консульства, вопрос об удалении аббата Дольчи не затрагивался вплоть до 28 августа/9 сентября 1804 г. На основании имеющихся документов можно предположить, что, после нормализации отношений, черногорский владыка был впервые извещен об этом требовании именно тогда. Его реализацию Ивелич поручил Мазуревскому в инструкциях, написанных день спустя. Он подчеркивал, что неупоминание этого вопроса в переписке с митрополитом было вызвано тем, «что его преосвященство согласился с окончанием всех недоразумений, возникших, благодаря аббату Дольчи»¹, и сам оценил, что «его пребывание в Черногории, а особенно в нынешних обстоятельствах» не только неуместно, но даже вредно для демонстрации «преданности владыки августейшему монарху»², в которой Ивелич больше не сомневался. Таким образом, в инструкции было высказано не слишком убедительное мнение о согласии митрополита с тем, что этот вопрос должен быть, наконец, решен. Его актуализация объяснялась убеждением Ивелича в том, что Дольчи намерен и впредь заниматься интригами, компрометируя митрополита и беспокоя народ, «находящийся под его управлением». Поэтому он считал необходимым возложить на Мазуревского задачу безотлагательного удаления Дольчи из Черногории.

Повторялось, таким образом, раннее обвинение — «Дольчи работает на французов» и пытается отделить Черногорию от России. Чтобы русскому консулу было легче убедить черногорского митрополита в справедливости подобных утверждений и в необходимости удаления Дольчи, Ивелич приложил к письму Мазуревскому копию инструкции из своего министерства о том, как следует разрешить данную ситуацию.

Чтобы черногорский митрополит возможно меньше сопротивлялся осуществлению этого плана, Ивелич советовал консулу заверить его в том, что, когда Франьо Дольчи будет проезжать через Котор и другие пункты, то австрийские власти нигде его не задержат. А если же католический священник «пожелает уехать на Корфу или в Дубровник, то сам Мазуревский сможет выдать ему русский паспорт»³. Будучи, очевидно уверен, что владыка не отнесется с благосклонностью к его требованию, Ивелич рекомендовал Мазуревскому «убедить его преосвященство, что удаление Дольчи из Черногории было бы весьма приятно его императорскому величеству и послужило бы еще более убедительным доказательством покорности и преданности митрополита милосердному монарху»⁴.

¹ АВПРИ. СПб. ГА. IV–5. Оп. 123. 1804–1809. Д. 3. Л. 295.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

2. Позиция черногорского митрополита по вопросу устранения аббата Дольчи из Черногории

Ивелич предполагал отрицательную реакцию митрополита Петра I на требование провести расследование, т. е. выяснить вину и устранить аббата Дольчи из Черногории, что и подтвердило содержание двух писем владыки, датированных одним и тем же числом — 6 / 18 сентября 1804 г. Первое из них адресовано графу Марку Ивеличу, а второе — русскому консулу Алексею Осиповичу Мазуревскому.

В письме Ивеличу Петр I подчеркивал необоснованность обвинений, высказанных в его письмах, и утверждал, что тот никаким посредничеством недоразумения между ним и русским императором не устранял, «поскольку их не было»¹. Он писал, что Александру I достаточно известно из-за кого и из-за чего возникли недоразумения между черногорским и брдским народом и его величеством. Они не касались «ни его, ни аббата Дольчи, так как никакие интриги не исходили от них»². Напротив, он был уверен, что источником ранних недоразумений являлись соседи Черногории и «неприятели моего отечества» — австрийцы, которые «лукавыми уловками амбициозных хитрецов и алчных корыстолюбцев злонамеренно пытались исказить правду» и «сбросить его в яму бесчестия», а народ «поссорить с двором его императорского величества»³. Владыка утверждал, что, по сути, его «верность и усердие по отношению к царскому двору и непоколебимая преданность русскому императору и вызвали наветы ложных свидетелей и очернили его перед троном монарха». Он повторял, что «со стороны Дольчи не было никаких интриг»⁴, подчеркивая, что «тот ни коим образом не вмешивался в черногорские дела, ни словом, ни намерением». Поскольку он является человеком другой веры, то «даже, если бы он и хотел попытаться что-то сделать, никто из православных не послушал бы его и не последовал за ним»⁵. Сам владыка никогда не видел в нем таких желаний.

И в письме Мазуревскому, в связи с требованием удалить аббата Дольчи, владыка отвечал, что не может высказаться о нем так, как от него требуют. Поскольку Дольчи был главной причиной «всех тех страшных обвинений против нас», он объяснял, что ни он, ни народ «не могут довольствоваться личным оправданием, пока комиссия, направленная высоким покровителем в целях выяснения истины, касаю-

¹ Там же. С. 297.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

щейся ужасной клеветы на нас и упомянутого аббата Дольчи»¹, не выполнит свое задание. В связи с важностью этого дела он предупреждал консула, что удаление Дольчи из Черногории без выяснения истины было бы не только укором черногорцам, но послужило бы для «клеветников и врагов наших предметом насмешек». Он считал, что до тех пор, пока Дольчи не докажет свою невиновность, он не может покинуть Черногорию. А когда будет установлена истина и если при этом вина будет доказана, то «его здесь не потерпят ни одного дня». Обращаясь к Мазуревскому, Петр I извещал его и о том, что Дольчи получил из министерства в Петербурге письмо и уже ответил на него. Владыка писал, что это одна из причин, почему до получения известий от туда аббат не может быть выслан из Черногории.

И далее, предоставляя личные гарантии и ручаясь собственным достоинством за справедливость своих доводов, митрополит уверял Мазуревского, что Дольчи во время пребывания в Черногории не имел никакого влияния и «не сеял смуту в народе». Он лично «никогда такого не замечал, а если бы такие лукавые и вредные интриги имели место, то Дольчи «не остался бы в Черногории ни часа»². Владыка был совершенно уверен, что этот католический священник не может нанести какого-либо вреда интересам его величества. Более того, он утверждал, что «тот, кто так думал о нем, абсолютно ошибался», ибо здесь, «в народе черногорском», он «ничего не в состоянии сделать: ни плохого, ни полезного»³.

В письме русскому консулу черногорский митрополит повторил свою уверенность, что все произошло из-за того, «что новым соседям не удалось осуществить свои намерения завоевать Черногорию»⁴. Поскольку они не в состоянии «подчинить полному рабству» население приморских областей, добровольно передавшее свои права австрийскому двору, то в прошлом году они по доносу «нашли упомянутого Дольчи, который якобы вел работу в пользу французов среди нашего народа»⁵. Они были уверены, писал владыка, что таким оскорблением сумеют «лишить его и черногорский народ милостей и покровительства русского двора и так добиться своих целей»⁶. Это то, заключал он, в чем «он и народ черногорский виноваты» и что Мазуревскому, по крайней мере, частично известно.

Такой взгляд черногорского митрополита на требование России грозил вернуть на прежний уровень черногоро-русские отношения, кото-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

рые едва нормализовались. И весьма энергичный вначале отпор Петра I против устранения Дольчи вскоре прекратился. Уже в начале ноября 1804 г. владыка согласился с обвинениями против своего секретаря, на которых настаивала Россия. Какие причины повлияли на изменение его позиции, сказать трудно. Во всяком случае, на основании анализа его переписки с Ивеличем и Мазуревским складывается впечатление, что он воспринял «выявленные» доказательства измены Дольчи как точные и потому настаивал, чтобы его судили.

Согласно тексту «объявления», которое «Мазуревский доставил Правительству черногорскому и брдскому», и которое позже явилось одним из важнейших документов для вынесения окончательного приговора Дольчи, владыка непосредственно убедился в его виновности 13 / 25 ноября 1804 г. во время беседы с русским консулом, состоявшейся в Станевичах. Тогда Мазуревский предложил митрополиту просмотреть письма Дольчи. Тот отказался добровольно предъявить их, и они были изъяты у него силой. Познакомившись с ними, Мазуревский обнаружил переписку секретаря владыки с французскими властями. В этих письмах Дольчи «призывает французов погубить вас, свободу и православие ваше». Есть и многие другие письма, «которые действительно говорят о его предательстве и злых мыслях против свободы, славы и чести вашей»¹. Таким образом, Дольчи оказался «уличенным перед господином митрополитом не только в переписке с первым консулом Франции, но и с многими другими государствами, без знания и договора с митрополитом и кавалером нашим»².

Когда его в этом уличили, то «перед русским консулом» передали суду, чтобы тот поступил с ним «по всей строгости закона»³. Поскольку для дальнейшего разбирательства было необходимо личное присутствие Мазуревского, владыка просил его срочно приехать. Чтобы не обременять его подорванное здоровье нелегким путешествием до Цетинья, он сделал ему предложение, направленное и Правительству, закончить следствие и провести суд над Франьо Дольчи непосредственно в Станевичах⁴.

¹ Вуксан Д. Пресуда Абату Долџи // Записи. 1937. Књ. XVII. С. 56.

² Как пишет далее Мазуревский, тогда было обнаружено, что этот преступник «спрятал или кому-то передал большую часть оригиналов самых нужных писем, в которых более всего кроются его преступления, и не хотел ничего говорить ни по доброй воле, ни под розгами, а когда его руки и ноги в кандалы заковывали, то нашли у него в нижнем платье фальшивый паспорт, написанный от имени его высокопреосвященства и его печатью скрепленный» (Цит. по: Вуксан Д. Пресуда Абату Долџи... С. 53).

³ АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. 1804-1809. Д. 3. Л. 300.

⁴ Там же.

3. Роль русского консульства в судебном разбирательстве дела аббата Дольчи

Основные сведения о следствии по делу секретаря митрополита можно найти в тексте приговора «Аббату Дольчи» от 27 ноября 1804 г., который в 1937 г. опубликовал Д. Вуксан в журнале «Записи»¹.

Этот документ характеризуется отсутствием какой бы то ни было юридической формы. В нем очевидны, с одной стороны, малая правовая обоснованность, а с другой — стремление представить «случай Дольчи» в определенном политическом ракурсе. Но, несмотря на это, в его тексте можно обнаружить достаточно данных для оценки той роли, какую в следствии по делу аббата Дольчи играл русский консул в Которе.

Приговор начинается с объяснения, почему было принято предложение владыки, направленное Правительству и Мазуревскому, о приезде в Станевичи. Поскольку в нем не говорилось о прибытии Правительства исключительно с целью суда, то оно подразумевало продолжение начатого расследования. А так как перед этим, в Станевичах, в присутствии митрополита и Мазуревского вина Дольчи была уже «открыта», ныне требовалось, чтобы Правительство и Мазуревский получили «от указанного Дольчи показания и принудили его передать им все письма, в которых находятся важные сведения, и чтобы это важное дело в присутствии господина консула закончили и поступили с ним — предателем Дольчи по строгости наших черногорских законов с вынесением приговора»². Таким образом, Правительство, должно было, вместе с Мазуревским, завершить расследование и вынести приговор.

Ивелич был полностью удовлетворен таким развитием событий, поддерживая и хваля работу консула, а также преданность и действия черногорского митрополита. Узнав, что владыка предложил Правительству и Мазуревскому приехать в Станевичи, он в письме от 19 ноября / 1 декабря 1804 г. приказал консулу выехать туда и открыть Правительству один лишь «факт измены»; сама же «попытка преступления не касается суда, на который Правительство по своим законам имело право»³. Ивелич настаивал на том, чтобы бумаги и книги Дольчи были отправлены в русское консульство в Которе.

Судя по тексту приговора, члены Правительства, прибыли в Станевичи 24 ноября / 6 декабря 1804 г. Там от «русского императорского консула Мазуревского» они получили «объявление», а от митрополита — «предложение». Оба документа были включены в приговор Дольчи как его составные части. Это говорит о том, что им придавалась

¹ Вуксан Д. Пресуда Абату Долџи... С. 54.

² Там же.

³ Там же.

большая важность, когда принималось окончательное решение о его виновности и наказании. Более того, можно даже сказать, что предложения, содержащиеся в этих актах, изменили предполагаемый приговор Правительства, по которому секретарь владыки должен был быть осужден на смертную казнь.

Хотя в тексте «объявления» Мазуревского говорилось, «что нет такого наказания, которого бы упомянутый преступник не заслужил своим посягательством перед лицом всего мира»¹, что подразумевало смертный приговор, он, тем не менее, предложил Правительству вынести другое наказание. Поскольку Мазуревский, как консул, находился «в русской миссии», а черногорцы — «под покровительством» всемилостивейшего монарха, который «смертную казнь в своем царстве всемилостивейше запретить изволил», то он «по долгу своей службы этому Правительству предложил, осуждая предателя по черногорским законам, не применять в качестве приговора смертную казнь»².

Использованная формулировка — «не выносить смертный приговор» и ряд других деталей приводят к логическому выводу, что на суде Дольчи сначала был приговорен к смертной казни, но затем этот приговор все же заменили на пожизненную каторгу. Об этом говорит и содержание «предложения» Петра I. Ссылаясь на «письмо господина консула Мазуревского» и «пользу его великого монарха и покровителя Черногории», он также предложил, «чтобы смертный приговор предателю Дольчи не приводился в исполнение до приказа и распоряжения милостивого государя императора Александра»³.

И далее в тексте приговора говорится, что, только ознакомившись с «объявлением» и «предложением», члены Правительства приступили к «суду над вероломным Дольчи» и приказали «секретарю нашему взять у него показания» — это означало, что судебный процесс начался. Поскольку сведений о двух судебных процессах нет, то получается, что именно тогда Дольчи и вынесли два приговора: один — о смертной казни и второй — о ее замене пожизненной каторгой. Только так, думается, можно их объяснить. Но при всем том остается неясным, как до начала суда и Мазуревский, и Петр I направили предложения не прибегать к смертной казни, хотя такой приговор Правительство еще не вынесло.

---

¹ Там же.

² Мазуревский предлагал также, чтобы «имя предателя и в Цетинье, и в Станевичах, и на всех черногорских рынках» вывесить, а самого предателя «в вериги заковать и навечно под стражей в темницу посадить, или так сделать, как будет приказано его императорским величеством и высочайшим черногорским покровителем...» (Цит. по: Вуксан Д. Пресуда Абату Долџи... С. 56).

³ Там же.

То, что на одном судебном процессе было вынесено два вердикта, подтверждает и текст самого приговора. В его заключительной части сообщается и решение Правительства — со ссылкой на статью I из «Законника Петра I», которая предусматривала, что «каждого предателя отечества...», который «покушается на свободу и честь нашу...», надо «осудить и казнить позорной смертью, т. е. повесить на видном месте». Правительство «единодушно и единогласно» приговаривало «выше указанного предателя Дольчи в митрополии нашей на Цетинье к повешению перед лицом общего народного сбора». Однако сразу же после этого вердикта — со ссылкой на предложения и просьбы консула и владыки — в тексте приговора констатируется, что Правительство, «только на этот раз», уклонилось «от законов, которые мы, и весь народ черногорский и брдский, торжественной клятвой обязывались сохранять, почитать и покоряться», решив «смертную казнь этому предателю заменить пожизненной тюрьмой, где он будет находиться окованный по ногам и рукам, или до тех пор, пока не будет получен ответ от всемилостивейшего императора всероссийского Александра»¹.

Такой ход судебного процесса подтверждает письмо Правительства черногорского и брдского русскому консулу Мазуревскому, направленное 29 ноября / 11 декабря 1804 г. из Станевичей. Так как он на суде не присутствовал, ему сообщалось, что Правительство, поступая по «предложению» митрополита и «объявлению» консула, провело суд над этим предателем и, опираясь на «законы черногорские, где преступник преступление совершил, там должен и принять наказание», единогласно решило предателя Дольчи лишить жизни, казнив повешением. Но по предложению владыки Петра I и самого Мазуревского, «дабы святость наших законов сохранить», Правительство даровало ему жизнь, решив, чтобы «имя этого предателя во всех нахиях и всех публичных местах с позором было вывешено, а сам он был закован в кандалы и отправлен на вечную каторгу»².

Очевидно, что вынесение такого приговора преследовало две цели: прежде всего это сохранение «святости законов черногорских», т. е. обеспечение их последовательного применения, чтобы не нарушать начатый процесс становления внутреннего правопорядка в стране. Имея в виду, что за преступление, в котором обвинялся Дольчи, «Законник Петра I» предусматривал смертную казнь, к ней и нужно было его приговорить, что и сделано.

Однако, суд над Дольчи имел и свою политическую «изнанку». Поскольку он был иностранцем, то мог возникнуть вопрос, являются ли суды в Черногории компетентными, чтобы осудить его за совершен-

¹ Там же.

² АВПРИ. СПб. ГА. IV-5. Оп. 123. 1804–1809. Д. 3. Л. 305.

ное преступление. Правительство решило его, определив свою компетентность по месту совершения преступления. Вторая причина, повлиявшая на действия Правительства и тоже имевшая политический вес, состояла в том, что наказание, к какому иностранный гражданин был приговорен по черногорским законам, было очень строгим, и его приведение в исполнение могло иметь ощутимые внешнеполитические последствия как для Черногории, так и для России... Таким образом, для того, чтобы, с одной стороны, сохранить автономность и авторитет только что сформированных органов судебной власти в Черногории и не поставить под сомнение правовую обязательность их решений, а с другой — учесть и «политический момент», который выразился в решающем влиянии русских посланцев на деятельность Правительства, смертная казнь должна была быть заменена тюремным сроком. Благодаря этой специфике, судебный процесс по делу Дольчи имел и соответствующую формальную сторону — предложение о замене смертного приговора заключением, при одновременном соблюдении черногорских законов, исходило от внесудебных, но весьма авторитетных, факторов — владыки Петра I и русского консула Мазуревского.

Согласно обоснованию, которое в связи с этим владыка представил Правительству, вина Дольчи сводилась лишь к оскорблению, нанесенному ему как высшему духовному лицу Черногории. Такое толкование совершенного проступка умаляло вину Дольчи и позволяло Правительству изменить свое решение, не нарушая законность разбирательства в целом. Об этом в «предложении» владыки говорится: «По нашим черногорским законам, Дольчи, разоблаченный по переписке с врагами, как зловерный предатель, который хотел предать наше отечество, должен быть приговорен к смертной казни, чтобы святость наших законов в целости сохранилась. Но поскольку архипастырский чин, в котором он, господин митрополит, находится, связывает его, то, хотя он самым жестоким способом оскорблен и опозорен перед высокославным протектором черногорским, он по закону Божьему и по примеру Иисуса Христа, не должен посягать на месть упомянутому предателю, а предоставить его правосудию Божьему и больше думать о том, как быть милосердным и готовым простить все, что ему самому было причинено»¹.

В дальнейшем тексте «предложения» владыки просматриваются и более глубокие причины предложенного им помилования: оно было мотивировано официальной позицией России. Так, предложение отказать от смертной казни аргументируется письмом от 24 ноября, «полученным от господина консула Мазуревского», в котором он, «среди прочего, объявить изволил, что польза его великого монарха и черно-

¹ Вуксан Д. Пресуда Абату Долџи... С. 57.

горского покровителя требует, чтобы смертный приговор предателю Дольчи не был приведен в исполнение до распоряжения и приказа государя императора Александра¹. Понятно, что такое обращение Мазуревского не оставляло места для какого-либо иного решения, кроме предложенного русским консулом, и владыка настаивал, чтобы «в этом важном деле было сделано все, что пожелает господин консул, и как угодно его величеству, всероссийскому самодержцу, поскольку это взаимосвязано и с интересом черногорского Правительства»².

Суммируя все изложенные причины, митрополит в письме Правительству делал вывод, что пересмотр смертного приговора необходим, «дабы враги черногорские смертью упомянутого преступника не воспользовались, и еще более для того, чтобы они не смогли скрыть лукавые и пакостные интриги, которые направлены против черногорского народа, справедливости и чести...»³. Учтя мотивы, приведенные в предложениях черногорского митрополита и русского консула, Правительство (что видно из его письма Мазуревскому от 29 ноября / 11 декабря 1804 г.) «после выяснения всех обстоятельств, а особенно ради поддержки высокославному протектору и защитнику нашему, государю императору», а также «сохранения святости законов в полной нерушимости», даровало «этому предателю жизнь»⁴. Правительство постановило, что «имя этого предателя» должно быть вывешено во всех нахиях и общественных местах, «как позорная картина», а сам он, с кандалами на ногах и руках, заключен под строгую стражу на «вечное заточение». Его следовало лишить свободы вплоть до возможной новой «высокой резолюции его императорского величества Александра, великого самодержца всероссийского»⁵. Копию этого приговора, заверенную секретарем, вместе с бумагами, книгами и поддельной печатью, обнаруженными у Дольчи, Правительство доставило Мазуревскому.

Заключение, к которому был приговорен Дольчи, он отбывал в Станевичах. В конце апреля 1805 г., как указано в письме митрополита Мазуревскому от 26 числа того же месяца, при невыясненных обстоятельствах, он «по Божьей воле умер»⁶. Владыка просил консула известить о его смерти «господина епископа римского вероисповедания»,

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ АВПРИ. СПб. ГА. IV-5. Оп. 123. 1804-1809. Д. 3. Л. 305.

⁵ Там же.

⁶ АВПРИ. ГА. IV-5. Оп. 123. 1804-1809. Д. 3. Л. 316. По данным, которые приводит Д. Вуксан, Дольчи умер 27 апреля 1805 г. Он считает, что, вероятнее всего, он умер естественной смертью, «измученный полугодовым пребыванием в тюрьме», хотя и указывает, что «по одной легенде он был отравлен, по другой — задушен, по третьей — живой замурован, а по четвертой — сам повесился...» (См.: Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. С. 140).

чтобы тот, если сочтет нужным, «послал сюда священника», который бы «по обряду их церкви» похоронил Дольчи.

Со смертью аббата Дольчи с повестки дня была снята и дилемма — каким образом, после приговора о пожизненном заключении, решить вопрос о его окончательной судьбе.

После вынесения приговора австрийские власти начали проявлять подчеркнутый интерес к этому случаю и судьбе католического аббата. Австрийский генерал Бради даже просил Ивелича передать Дольчи австрийским властям. Тот не согласился, что полностью одобрил министр иностранных дел России Чарторыйский. Тем не менее, сама постановка вопроса указывала на то, что для русского правительства этот случай все еще не закончен.

Относительно того, какой окончательный вариант решения «случая Дольчи» мог быть для России наиболее приемлем, Чарторыйский 15 / 27 апреля 1805 г. писал Ивеличу¹. Согласно воле «государя императора», он рекомендовал ему своим авторитетом склонить Правительство черногорское и брдское к передаче аббата Дольчи в его руки.

Такое предложение возвращало ситуацию к исходной позиции — для того, чтобы Дольчи мог быть передан русскому эмиссару, требовалось иначе сформулировать вынесенный приговор. Вероятно, одной из причин такого шага русского правительства было то, что пожизненное заключение, к которому приговорили Дольчи, с трудом можно было отбывать в Черногории, которая не располагала необходимыми объектами и другими условиями для этого². В то время она не была государством не только в международно-правовом смысле, но и фактически являлась юридически неоформленным пространством. Вряд ли можно было признать легальность ее суда и наложения таких санкций, особенно в отношении иностранных граждан. Кроме того, следует иметь в виду, что с точки зрения Османской империи, в составе которой Черногория находилась де-юре, данный судебный процесс был нелегитимным, поскольку противоречил принципам организации власти на ее территории, как в законодательной, так и в исполнительной и судебной сферах.

¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 35.

² По народному преданию, которое в своем многотомном труде зафиксировал П. А. Ровинский, приговор, который подписали Вуко Радонич и 47 старейшин из различных племен, был приведен в исполнение следующим образом: «Возле Монастыря Станевичи была выкопана яма размером в несколько аршин (?) и в нее был брошен Дольчи, а затем его в ней замуровали и оставили отверстие в стене, через которое можно было просунуть руку, чтобы дать ему хлеб и воду. Здесь он прожил около месяца и умер». (См.: *Ровински П. А. Црна Гора у прошлости и садашњости*. Т. I. Цетиње — Нови-Сад, 1993. С. 460–463.

Юридическая «неполновесность» и отсутствие легитимности дела-ли вынесенный приговор уязвимым, с возможными многочисленными последствиями. Вероятно поэтому, вместо указанного в приговоре наказания, русское правительство искало и иное решение в деле о судьбе аббата Дольчи. Вариант, который Чарторийский сообщил графу Ивеличу как окончательный, заключался в том, чтобы после передачи Дольчи русскому эmissару отправить его на первом же русском корабле на Корфу¹. Оттуда, согласно инструкциям, адресованным генерал-майору Анрепу, его предполагалось, при удобном случае, перевезти в один из российских черноморских портов к маркизу Де Траверси. Неожиданная смерть аббата Дольчи в монастыре Станевичи в конце апреля 1805 г. сняла с повестки дня вопрос политических сделок относительно его дальнейшей судьбы.

4. Отношение официальной России к вопросу об устранении аббата Дольчи из политической жизни Черногории

Устранением аббата Дольчи из политической жизни Черногории, хотя и не так, как это изначально планировалось, были выполнены основные задачи миссии графа Ивелича. Оказалось, что русское консульство не только играло свою международную роль, но и в некоторых аспектах выступало как одно из средств реализации неизменных по своей сути целей внешней политики России в отношении Черногории.

Ни предполагаемое вначале смещение владыки Петра I с его престола, ни удаление аббата Дольчи из Черногории не являлись самоцелью. Основной целью этих планов было устранение препятствий, влиявших на приверженность и преданность черногорцев России. Чем были бы обеспечены надежные гарантии, что в случае войны с французами будут полностью использованы воинственные настроения черногорцев и нанесен «смертельный удар» врагам России.

Передача царской грамоты на сборе в Цетинье, все почести, с которыми она была принята из рук русского консула А. О. Мазуревского, как и решение о передаче русскому консульству полномочий на ведение дел с австрийскими властями, наряду с отказом от открытых или тайных переговоров с ними, убедили официальные власти России, включая и Александра I, в приверженности черногорского митрополита русскому трону. Поэтому, согласно письму Чарторийского от 27 января / 8 февраля 1805 г.², от Петра I требовалось, чтобы чувства

¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 35.

² АОНМЦГ. Ф. Петар I. 989 (князь Чарторийский — Петру I о том, что послал его письмо царю и что высылает ему 300 червонцев. 27 января / 8 февраля 1805 г.).

верности российскому престолу, о которых тот сообщал в своих письмах, оставались «постоянными и неизменными», и отмечалось, что только так возможно, «через непоколебимую приверженность Черногории России долгосрочно обеспечить процветание его архипастырского управления своей верной паствой»¹.

Что же касается аббата Дольчи, Чарторыйский в том же письме уверял Петра I, что «его пагубные замыслы» разоблачены мерами, которые предпринял граф Ивелич, и что это представляет «достаточное доказательство для его высокопреосвященства, что их опасения в связи с обещаниями французского правительства были оправданны». А потому, «можно свободно сказать», что направление графа Ивелича «спасло Черногорию от беды, которая ей угрожала»².

Результаты миссии Ивелича, таким образом, в высших политических сферах Петербурга оценивались весьма положительно. Учитывая, что эти оценки официальных представителей России основывались, в первую очередь, на информации, которую он сам направлял начальству, иначе и быть не могло. Иллюстрацией пристрастности донесений Ивелича о своей работе является его рапорт Чарторыйскому от 30 сентября / 12 октября 1804 г.³

Описывая свои успехи и желая убедительнее представить сложности, с которыми ему пришлось столкнуться, Ивелич информирует Петербург о положении в Черногории после своей встречи с митрополитом в Бечичах, о которой мы уже говорили. Тогда, как он пишет, и был достигнут договор о созыве в Цетинье сбора, на котором должна была быть обнародована грамота Александра I. Поскольку на этом сборе, противно договору, вместо озвучивания грамоты было решено обратиться к царю с просьбой послать для разрешения споров, возникших в связи с черногорскими делами, нового эmissара, но уже «настоящего русского», то отношения между Ивеличем и представителями черногорских властей были сведены к минимуму. Это, как говорится в рапорте, привело к разделению черногорцев на два лагеря. Один, «обманутый двуличием митрополита», встал на сторону владыки, а второй, более сильный, объединившись вокруг Ивелича, требовал, чтобы он возглавил их и силой оружия принудил противоположную сторону сдаться и просить пощады⁴.

Это предложение, как указывает Ивелич, он оценил как неприемлемое, считая его противным «безграничному милосердию и славе нашего всемилостивейшего монарха», так как путь этот привел бы к меж-

¹ Там же.

² Там же.

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 27–30.

⁴ Там же.

доусобному кровопролитию в Черногории и был бы пользой для французов и австрийцев, которые с самого начала «на все, что происходит, смотрели завистливыми глазами и стремились тайными путями помешать его работе»¹. Поэтому он выбрал «среднее решение» и был «настолько успешен, что довел до того, что не только все черногорцы, но и сам митрополит делают все, что полезно для службы его величеству»². Так он навсегда обезопасил все бывшие намерения владыки. К своим заслугам он причислял и то, что смог убедить митрополита, что император «простит ему все прегрешения и вновь удостоит высокой монаршей милости» — именно поэтому, согласно желанию Ивелича, и состоялся народный сбор в Цетинье.

Итак, Ивелич представлял себя спасителем Черногории, изображая положение в ней и степень внутреннего единства черногорцев совсем не такими, какими они были в действительности. На самом же деле он не был миротворцем, поскольку раздоров и противоречий в народных массах Черногории не было. Наоборот, его миссия привела к неведомому до тех пор единству и сплоченности черногорцев и брдчан в деле защиты митрополита от несправедливых обвинений и клеветы.

Но, имея в виду взгляды русских на черногорский вопрос, следует предположить, что отчеты Ивелича воспринимались как надежные и точные, не предполагавшие проверки того, что в них написано. Кстати, этого и нельзя было быстро сделать.

О том, насколько представления, формировавшиеся в России о ходе и результатах миссии Ивелича, зависели от его личных донесений, и как им доверяли, свидетельствуют отрывки из письма Чарторыйского от 22 октября / 3 ноября 1804 г.³

Исполняющий обязанности министра иностранных дел писал Ивеличу в Котор, что «более месяца назад» до правительства дошли слухи о его всего лишь частичном успехе в деле выполнения порученных ему задач. То, что это были не обычные слухи, а известия, на которые следовало обратить серьезное внимание, говорит и тот факт, что русский консул в Дубровнике Фонтон писал, что такая информация дошла и до него.

Для императорского правительства, которое с уверенностью ожидало от Ивелича успешного и скорого выполнения столь важной миссии, такая информация была отнюдь неутешительной. Дополнительной причиной для озабоченности было и то, что в то время «от Ивелича уже три месяца не было никаких сообщений, в связи с чем и возникла дилемма — не следовало ли обо всем известить двор»⁴.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ АВПРИ. ГА. I-7. Д. 4. Л. 103.

⁴ Там же.

Хотя молчание Ивелича настораживало и создавало впечатление, что выполнение его миссии идет не совсем так, как планировалось (тем более, что слухи такого рода уже поступали в Петербург), власти, однако, уделили большее внимание тому, что после перерыва в несколько месяцев сам Ивелич написал о своей деятельности.

В таком отношении к его отчетам об успехах, которых он добился в Черногории, выражалась не только уверенность в способностях эмиссара и его преданности двору, но и желание считать точной только ту информацию, которую при дворе и ожидали. Донесения Ивелича, таким образом, «подтверждали» то, что миссия, ему порученная, с самого начала была хорошо продумана в российском МИД и столь же успешно им руководима. Как и все великие державы, Россия выражала этим желание не признавать публично свои возможные ошибки в намеченных целях внешней политики или методах их реализации, особенно, если они касались малых стран с еще неопределенным международным статусом, какой в то время являлась Черногория. Поэтому было совершенно естественно, — так как о том же «свидетельствовали» и отчеты Ивелича, — что правительство взирало на «случай Дольчи» (поскольку это не удалось с Петром I), как на изначальную причину сложного положения в Черногории и источник всех недоразумений в черногорорусских отношениях.

И опять же естественно, что из этого следовал логичный вывод — с его устранением (вкуче с иными «результатами», которых «добился» Ивелич во время своей миссии) будут ликвидированы причины, отрицательно влиявшие на черногорорусские отношения, т. е. угрожавшие опасностью черногорорусского сближения.

Имея в виду такой взгляд на события, не кажется удивительным, что судебный процесс по делу Дольчи и вынесенный ему приговор Чарторыйский в письме митрополиту Петру I от 27 января / 8 февраля оценил как крайне важный, заявив: «Корень зла сейчас истреблен». И поскольку все проблемы во взаимоотношениях были урегулированы, как он писал далее, нужно теперь думать «об укреплении мирной жизни черногорского народа»¹.

Не рассматривая здесь вопрос — насколько наказание, вынесенное аббату Дольчи, действительно соответствовало тяжести его преступления, и являлся ли он подлинным виновником кризиса в черногорорусских отношениях, фактом остается то, что после его удаления из политической жизни Черногории, политика России существенно изменилась. Вынесенный ему приговор стал поворотным моментом, после которого можно говорить об окончательной нормализации черногорорусских отношений.

¹ АОНМЦГ. Ф. Петар I. 989 (князь Чарторыйский — Петру I о том, что он отправил его письмо царю и высылает ему 3000 червонцев. 27 января / 8 февраля 1805 г.).

Чтобы соответствующим образом отметить этот успех, «его величество, выражая свою монаршую милость», приказал послать черногорскому митрополиту, через статского советника Степана Андреевича Санковского, вместе с царской грамотой и 3000 червонцев, составляющих «трехкратную сумму помощи Черногории, утвержденную ранее указом Павла I»¹. Перед этим такая помощь была выплачена до 1802 г. включительно².

Об этом решении Александра I владыку Петра I известил письмом Чарторыйский. Исполняющий обязанности министра иностранных дел рекомендовал С. А. Санковского, с которым он и передал письмо, как личность, пользующуюся полным доверием русского правительства и двора. Внимание владыки обращалось на то, что Санковский направлен в Черногорию не для того, «чтобы убедиться в преданности его преосвященства русскому престолу», в чем «его величество абсолютно уверен на основании того, что он сам заявил, и что намерен оправдать в будущем своим поведением»³. Его задача заключалась в том, чтобы уверить владыку в благонаклонности царя и, в связи с этим случаем, получить от него для отправки в Петербург информацию, касающуюся «благополучия его паствы»⁴.

Передача императорской грамоты на сборе, состоявшемся в Цетинье 30 апреля / 12 мая 1805 г., означала, что все недоразумения в черногоро-русских отношениях устранены. Благодаря решающему вкладу русского консула А. О. Мазуревского (а не графа Ивелича), завершился период в черногоро-русских отношениях, для которого были характерны недоверие, непонимание и категоричность, и который мог быть чреват более тяжелыми последствиями как для отношений России и Черногории, так и для внутреннего развития последней. В конечном итоге, все свелось к удалению секретаря владыки аббата Дольчи, которого и объявили главным виновником и источником этих недоразумений. Суд над ним подтвердил это весьма убедительно.

¹ Там же.

² Ухудшение отношений с Черногорией было не единственной причиной, вызвавшей трехлетний перерыв в выплате ей финансовой помощи со стороны России. Согласно письму русского консула в Дубровнике К. К. Фонтоната от 2 / 14 ноября 1804 г., у него находился вексель на сумму 3.875 рублей и 94 копейки, полученный от дипломатического представителя в Турции А. Я. Итальянского. Он должен был обычным путем — с распиской — вручить вексель черногорскому митрополиту. Поэтому К. К. Фонтон просил Петра I послать ему эту расписку и указать получателя векселя. Из Черногории, однако, никто не был направлен для получения прибывшей денежной субвенции, и русский консул в Дубровнике был вынужден отправить деньги обратно в Петербург (Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 20–21).

³ АОНМЦГ. Ф. Петар I. 989.

⁴ Там же.

ГЛАВА V

ОТНОШЕНИЕ АВСТРИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ К ОТКРЫТИЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА В КОТОРЕ

Расширенный круг обязанностей российского консульства в Которе, выходящий за пределы его официально утвержденной компетенции, затрагивал интересы двух могучих соседей Черногории — Австрии и Турции. Хотя отношение двух держав к различным видам деятельности консульства было неодинаковым, общим было то, что вопрос о собственно консульстве являлся второстепенным в сравнении с фактом укрепления русского влияния в Черногории. И хотя оба государства, ссылаясь на отсутствие международно-правовых оснований для «расширения» полномочий консульства, могли заявить об их незаконности и требовать согласования объема его деятельности с международными нормами, они этого или не делали, или не использовали это свое право до конца.

Это особо относилось к Турции, со стороны которой практически не последовало никакой официальной реакции. Что же касается Австрии, то она неоднократно реагировала через местную администрацию в Которе, пытаясь ограничить компетенцию консульства в сфере русско-австрийских отношений сугубо консульскими делами. Эти шаги, однако, не были столь радикальными, чтобы привести к серьезным осложнениям в отношениях двух великих держав или ощутимо повлиять на продолжение деятельности консульства.

С такой формой отношений между Россией и Черногорией, пусть и по различным причинам, Австрия и Турция в той или иной степени соглашались, неофициально, таким образом, признавая практику представительства черногорских интересов Россией, хотя подобные виды консульских отношений практиковались только между суверенными и международно признанными государствами, каковым Черногория в то время не являлась. Отсутствие со стороны Османской империи негативной реакции по поводу деятельности русского консульства, представлявшего интересы Черногории, официально являвшейся частью ее территории, фактически означало признание за ней определенных атрибутов, свойственных независимым или полунезависимым государствам.

1. Отношение австрийских властей к деятельности консульства

Говоря о позиции Австрии в отношении русского консульства в Которе, следует различать два основных вида его деятельности. С од-

ной стороны, это были обязанности, которые консульство выполняло, в соответствии с консульским патентом, полученным от австрийских властей, с другой — работа, выходящая за официальные рамки и относившаяся к области черногоро-русских отношений. Что касается чисто консульской деятельности, то поскольку А. О. Мазуревский был направлен от имени императора, как «его консул в этом пункте», то ее отправление, естественно, не могло быть спорным. Эта деятельность велась на основании разрешения, полученного со стороны австрийских властей, и в соответствии с действующими законами.

Иначе обстояли дела, связанные с «полномочиями» из сферы черногоро-русских отношений. Так как инструкции, полученные Мазуревским по этому поводу в Петербурге, носили секретный характер, для австрийской администрации в Которе было важным, что в данной связи публично говорили сами черногорцы. Из-за этого первые недоразумения с Мазуревским возникли у нее сразу же после его прибытия в Котор — еще до официального открытия консульства.

Уже говорилось, что после вручения императорской грамоты на сбор в Цетинье 7 / 19 октября 1804 г. (согласно принятому на нем решению) непосредственные отношения Правительства и митрополита с австрийскими властями прекращались. Это решение было публично озвучено и доводило до всех, что дальнейшие контакты между черногорскими властями и австрийской администрацией в Которе будут осуществляться через русского консула. Не надо объяснять, что австрийцы, имея в виду собственную политику, приняли это решение с недовольством. Кроме усиления русского влияния, оно означало и неудачу их плана, целью которого было ослабление черногоро-русских отношений — привлечением на свою сторону нескольких черногорских старейшин с целью помешать передаче грамоты императора черногорцам и брджанам.

Официальный протест австрийских властей по поводу «полномочий», полученных Мазуревским, аргументировался фактом, что они были противны «правилам действующих законов», а сам консул в письме, направленном ему 26 августа / 5 сентября 1804 г. бароном Розетти, предупреждался в том, что он «с первых шагов нарушает те отношения, которые, к счастью, существуют между двумя возвышенными императорскими дворами»¹.

Кроме того, ему предъявили обвинение, что, «под защитой какого-то формального объявления, подписанного лукавым черногорским митрополитом», он занимался делами, которые «вообще не связаны со службой» и противоречат «законам его величества», и не основываются на существующих обычаях².

¹ АВПРИ. СПб. ГА. IV-5. Оп. 123. 1804-1809. Д. 3. Л. 293-294.

² Там же.

Было также заявлено, что поведение Мазуревского является особо неподобающим для русского чиновника, так как при его посредничестве это объявление было оглашено на рынке в Которе. Тем самым, он нарушил свои права и превысил полномочия, которыми обладает консульство, совершив действия, находящиеся в компетенции «исключительно верховной территориальной власти»¹. По причине такого поведения, русский консул в том же письме уведомлялся, «что до дальнейших распоряжений остаются прерванными любые, даже полуофициальные контакты между здешней властью и господином Мазуревским»².

Столь жесткие меры австрийского гражданского губернатора были вызваны его недовольством этим и другими деяниями как черногорцев, так и самого Мазуревского. На основании их можно было сделать вывод, что цели русской политики в Черногории значительно глубже, чем просто защита ее интересов посредством консульства. Ведь уже при первой встрече 13 / 25 августа в Которе консул передал барону Розетти акт, которым оповещал его, что Черногория находится под протекторатом России уже 94 года³.

Хотя на первый взгляд решение барона Розетти о прекращении контактов с Мазуревским кажется политически резким, оно не слишком отразилось на отношениях с ним. Об этом свидетельствует то, что упомянутое решение, сообщенное Мазуревскому губернатором 16 августа / 5 сентября 1804 г., было скоро отменено. Это произошло уже 2 / 14 октября 1804 г., когда консульство было официально открыто, поскольку на церемонии открытия присутствовали и представители австрийских властей.

Кроме официального открытия помещения консульства, вступление Мазуревского в должность подразумевало передачу австрийскому правительству двух провинций, Далмации и Албании, и вручение им барону Розетти оригинала полномочий, подписанных императором, необходимых для признания его консулом. Генерал Бради, как военный губернатор, «утвердил» разрешение на консульскую деятельность с тем, чтобы затем были даны «дальнейшие указания» по ее обеспечению. В письме Мазуревскому от 26 сентября / 8 октября 1804 г. он призвал консула «использовать преимущества своей деятельности внутри границ консульской территории и не распространять влияния на тех, кто хотел бы быть признан русским подданным»⁴.

Но и после выполнения всех формальностей, связанных с открытием консульства, недоразумения с австрийскими властями, вызванные

¹ Там же.

² Там же.

³ Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. С. 131.

⁴ АВПРИ. СПб. ГА. IV-5. Оп. 123. 1804-1809. Д. 3. Л. 273.

поступками черногорцев или самого Мазуревского, продолжались. Такой случай был отмечен во время самого открытия, когда члены делегации из Черногории и Брды, присутствовавшие на церемонии, сообщали, что отныне черногорцы и брдчане — русские подданные, а все дела с австрийскими властями они теперь будут вести через консула Мазуревского¹.

На основании таких заявлений, как с одной, так и с другой стороны, барон Розетти заключал, что Россия намеревается сделать из Черногории свою провинцию, генерал-губернатором которой будет Ивелич, а владыка будет закован в кандалы и отправлен в Петербург². По другой версии, владыка, по договоренности с французами, был бы сначала выставлен предателем, чтобы затем было легче обмануть австрийские власти в Которе.

О подозрении австрийской стороны в отношении целей русской политики говорит и ее серьезность при анализе возможности дальнейшего русско-черногорского сближения. Результатом такого анализа было требование отозвать Мазуревского, так как оценивалось, что вся его деятельность направлена на «переход Черногории в русское подданство», что привело бы к созданию «провинции, а это нанесло бы большой ущерб и Турции, и Австрии; причем Австрии особенно, поскольку провинция эта поглотила бы и Боку, и Дубровницкую Республику. Тем самым, и претензии владыки на земли, принадлежавшие еще Ивану Црноевичу, должны были быть удовлетворены, ибо это была бы уже провинция России, а не малой Черногории. И если бы Россия заняла Черногорию, то рухнули бы все надежды Австрии занять Сербию и Боснию, так как в них много приверженцев России, и, естественно, что она, утвердившись в Черногории, потребовала бы и Сербию, и Боснию»³.

Подобным образом мотивировалось и выступление посланника Вены в Петербурге, который напоминал о секретном договоре, по которому в случае раздела Османской империи, Черногория досталась бы Австрии⁴. Заместитель министра иностранных дел России Чарторыйский, в ответ на подобные протесты, старался заверить, что «Черногория независима», и что император не желает ничего иного, кроме оказания ей защиты, и что исключено, что она может стать русской провинцией.

Отталкиваясь от данных позиций, барон Розетти на встрече с Ивеличем, от имени венского двора, решительно заявил, что он не может

¹ Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. С. 133–134.

² АВПРИ. СПб. ГА. IV–5. Оп. 123. 1804–1809. Д. 3. Л. 273.

³ Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. С. 133–134.

⁴ План Екатерины II.

признать покровительство русского императора над черногорцами, но считает их подданными Турции, и потому австрийцы не могут иметь с черногорцами никаких других отношений¹.

И хотя первоначальная категоричность в выступлениях австрийской стороны была устранена, благодаря гибкости генерала Бради, вскоре возникли новые разногласия, которые серьезно нарушили русско-австрийские отношения. Поводом и на этот раз стала деятельность консула Мазуревского. Судя по письму Чарторыйского Марку Ивеличу от 22 октября / 3 ноября 1804 г., он «позволил себе обнародовать неприличные бумаги на землях другого государства, и такой поступок принудил местное начальство прервать с ним все отношения»². После этого последовала формальная жалоба венского двора министерству иностранных дел России. В Петербурге не знали, как на нее ответить, поскольку уже несколько месяцев не имели никаких известий ни от Ивелича³, ни от Мазуревского и не знали всех подробностей случившегося⁴.

И в инструкциях от 31 января / 12 февраля 1805 г. Чарторыйский требовал от Ивелича полной информации «о поступке Мазуревского, в связи с его публичным заявлением в Которе, о неприличном поведении по отношению к тамошним австрийским начальникам и о разглашении информации о том, что русский царь предлагает установить в Черногории центр славяносербского государства под покровительством и верховной властью России»⁵.

Появление таких известий вызвало патриотический подъем у жителей Грбаля, Паштровичей и других подданных Австрии славянского происхождения, которые жили по соседству с Черногорией, что стало причиной беспокойства местных австрийских властей. Поскольку между «императором и венским двором» существовали дружеские связи, а русский царь искренне желал устранить все, что могло их нарушить, Чарторыйский через Ивелича приказал Мазуревскому «воздержаться от столь неприличных заявлений»⁶.

В связи с этим, Ивеличу предписывалось отчитать Мазуревского и предупредить, чтобы впредь тот был более осторожен, или они будут вынуждены отозвать его с поста консула в Которе. Дабы сгладить нелестное впечатление, которое произвели его поступки, следовало также, чтобы Ивелич при первом же удобном случае объяснил генералу

¹ АВПРИ. ГА. 1–7. 1803–1809. Д. 4 (№ 4).

² АВПРИ. ГА. 1–7. 1803. № 4. Л. 103 (А. А. Чарторыйский — М. К. Ивеличу. 22 октября 1804 г.).

³ АВПРИ. ГА. 1–7. 1803–1809. Д. 4 (№ 4). Л. 103.

⁴ Там же.

⁵ АВПРИ. ГА. 1–7. 1803–1809. № 6. Л. 59 (А. А. Чарторыйский — М. К. Ивеличу. 31 января 1805 г.).

⁶ Там же.

Бради, что все причины недовольства австрийских властей деятельностью Мазуревского следует приписать его неопытности и приверженности службе, но не касаясь того, что произошло, дабы не дать повода для новых недоразумений. Военного губернатора Котора следовало оповестить и о строгом выговоре Мазуревскому.

Любопытно, что Россия предприняла шаги для получения от Австрии одобрения, с целью узаконить деятельность консула по представительству интересов Черногории, когда спор с австрийскими властями, в связи с его поступком еще продолжался. Об этом Чарторыйский сообщил Ивеличу в вышеуказанном письме.

Русскому посланнику в Вене графу Разумовскому было предписано настаивать на разрешении консулу в Которе, «сходно своему званию, вести дела черногорцев в соответствии с их пожеланиями, которые они публично высказали»¹. Поскольку предполагалось, что возможен положительный ответ, Чарторыйский обратил внимание Ивелича, что если одобрение поступит через местное начальство, «не забыть предупредить Мазуревского, чтобы он использовал его с крайней осторожностью, избегая всего, что может вызвать негодование австрийских властей»². Пока же такое одобрение не получено, консул должен был ограничить свои действия «участием в делах черногорских только в частном порядке, воздерживаясь от любых официальных заявлений или каких-либо других шагов»³. А все дела по представительству черногорцев он должен был решать исключительно мирным путем⁴.

Необходимого одобрения австрийское правительство не дало, и русский консул в Которе не мог официально представлять интересы черногорцев. Поскольку он, однако, занимался этим, то эта его деятельность приобретала характер частного заступничества, которому австрийские власти в той или иной мере содействовали. И хотя официальный характер таких действий отсутствовал, австрийцы в основном закрывали на них глаза, не желая нарушать дружеские отношения между Россией и Австрией.

Что же касается инцидента, вызванного поступком Мазуревского, то, несмотря на то, что он был быстро урегулирован, снять его с повестки дня оказалось совсем не просто.

В возникшем споре австрийская сторона ссылалась на положения Систовского мирного договора 1791 г. между Австрией и Турцией, по которому Черногория являлась частью Османского государства. На этом основании Россия, по утверждению австрийцев, не имела каких-либо прав на представительство черногорцев.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Аргументы российской стороны состояли в том, что Черногория находится под покровительством России, и что Порты знает об этом, равно как и о миссии графа Ивелича. Чарторыйский заявил также, что Систовский мир был заключен без участия России, и потому русское правительство отказывается признавать статью о Черногории, так как считает ее фактически независимым государством¹.

Хотя такие и подобные инциденты вызывали напряженность в отношениях между Россией и Австрией и протесты австрийских властей, они, тем не менее, не приводили ни к разрыву дипломатических отношений между ними, ни к прекращению функционирования русского консульства в Которе. Угроза продолжения военного похода Наполеона, который был одинаково опасен как для Петербурга, так и для Вены, и возможность их совместной войны против французов, в случае чего немаловажной становилась и позиция Черногории, повлияли на уступчивость австрийских властей в Вене и Которе в вопросе о деятельности консульства по представительству черногорцев. Поэтому, несмотря на недовольство поступками Мазуревского или самих черногорцев, выданное Веной разрешение на работу русского консульства не было отменено вплоть до конца австрийского правления в Боке.

Этому способствовало и то, что Россия со своей стороны прилагала усилия, дабы повлиять на черногорцев в пользу развития добрососедских отношений с австрийскими властями. Иллюстрацией такой ее политики является инструкция Чарторыйского Ивеличу о том, чтобы, в соответствии с желанием «его императорского величества», предостеречь черногорцев от вторжений в австрийские провинции, чем «положить конец непрерывным жалобам австрийского двора». Таким образом, как и в случае Турции, о чем речь пойдет ниже, и для Австрии влияние России в Черногории было важным фактором, позволяя ей легче урегулировать свои отношения с черногорцами.

2. Отношение Порты к деятельности консульства

В связи с вопросом об отношении Османской империи к русскому консульству в Которе, следует привести мнение А. А. Чарторыйского о черногоро-турецких отношениях и степени «управляемости» Черногории османскими властями. В письме Разумовскому он оценивал, что, «поскольку Порты хорошо знает политическое положение Черногории и не заблуждается относительно того, что страна эта абсолютно от нее

¹ Хитрова Н. И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. С. 329.

не зависит, то она не может иметь ничего против отношений, существующих между Россией и Черногорией»¹.

Отношение Турции к русскому консульству в Которе действительно определялось причинами не внутреннего характера, что было бы естественным с учетом официального статуса Черногории как ее провинции, а, прежде всего, ее же международным положением. Решающим в этом смысле был страх, что военные походы Наполеона поставят на повестку дня Восточный вопрос. И в этой связи, союз с Россией являлся для Порты крайне важным, чтобы противостоять агрессивным намерениям Наполеона. Однако, Восточный вопрос мог обостриться и из-за восстаний балканских народов, среди которых своей военной силой особо выделялись черногорцы. Имея в виду и эту возможность развития событий, позиция русского правительства в целях сохранения status quo имела для Порты огромное значение.

Поэтому, усиление русского влияния в Черногории, включая и работу консульства, являлось в то время для Турции даже желательным в политическом смысле, что, на первый взгляд, может быть, и кажется нелогичным. Это означало, что черногорцы, учитывая интересы России и ее дружеские отношения с Османской империей, не отзовутся на призывы племен из Брды, которые, после начала восстания в Сербии под руководством Карагеоргия, предлагали общими силами выступить против турок.

Такие ожидания османских властей подтверждал своим поведением черногорский владыка. Придерживаясь общих принципов русской политики, особенно после кризиса в отношениях между Черногорией и Россией во время миссии графа Ивелича, он стремился «сохранить» хорошие отношения с соседними пашами, сдерживая антитурецкие движения брдчан и герцеговинцев.

А сделать это было отнюдь непросто, так как после того, как восстание вспыхнуло в Сербии, подобные настроения охватили и Черногорию. Хотя владыка, будучи реалистом в политике, и сам оценивал, что наступил благоприятный момент для общего восстания славянских народов на Балканах, но под давлением графа Ивелича и консула Мазуревского он отказался от мысли о поддержке повстанцев в Сербии черногорцами и брдчанами при содействии герцеговинцев. Условием для начала военных действий Петр I считал согласие императора. Однако, на запросы, с которыми он обращался к Александру I, не поступало положительных ответов. У воинственно настроенного населения черногорских, брдских и герцеговинских племен это вызывало не только недовольство владыкой, но и возмущение политикой России, подчинявшей их жизненные интересы своим политическим расчетам.

¹ Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. 135.

Так, с немалыми усилиями, вытеснялись надежды черногорцев и брдчан, что с помощью православной покровительницы поработенные славянские народы совместными усилиями заложат фундамент собственного развития. При этом, они думали не только о своем освобождении от турок, но и о создании на Балканах объединенного государства славянских народов, прежде всего — сербского.

Требования России обуздать воинственные настроения герцеговинцев и брдчан повлияли и на сдержанное отношение владыки к конкретным предложениям о более широком антитурецком выступлении балканских славян, включая те, что поступали через эмиссаров Карагеоргия — вождя Первого сербского восстания. Такую реакцию владыки мы отмечаем в начале 1805 г., после того, как в марте того года в Черногорию прибыл Дамьян Кутишанац с предложением о более тесных отношениях с Черногорией, в целях совместных действий против турок. Но Петр I не принял предложения присоединиться к сербским повстанцам, объясняя это необходимостью ждать «распоряжения из Петербурга». Не помогли даже заверения Кутишанаца, «что протопопу Матии Ненадовичу в Петербурге дали понять, что повстанцы должны установить более тесные отношения с Черногорией в целях совместных действий»¹.

В соответствии с инструкциями, полученными от Мазуревского, владыка должен был иметь для такого сотрудничества одобрение русского правительства, которого он не получил ни в 1805 г., ни позже. Черногорские, брдские и герцеговинские племена, за исключением морачан и дробняков, которые из-за тяжкого турецкого засилья поднялись с оружием в руках², в основном соблюдали сдержанность, к чему их и призывали. Это полностью соответствовало духу политики, за которую выступали консул в Которе Мазуревский и царский эмиссар граф Ивелич. Главным в их деятельности была подготовка к возможному военному столкновению с французами, что с позиции Черногории означало сохранение добрых отношений с соседними турецкими областями при особом внимании к защите собственных границ. Борьбу против турецкой власти в Герцеговине или Брде, или же на стороне повстанцев во главе с Карагеоргием, нужно было в любом случае избегать, так как она могла пойти на пользу французам.

¹ *Пејовић Ћ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд 1981. С. 405.

² Под влиянием восстания в Сербии, вопреки советам Петра I, дробняки и морачане во второй половине 1805 г. подняли восстание, которое по своим масштабам могло превратиться «в мощный фактор освободительного движения против турецкой власти». Во всяком случае, оно было крайне важным для хода Первого сербского восстания. Однако, в октябре 1805 г. и январе 1806 г. многочисленные турецкие войска из Сараево и Плевле под командованием Сулейман-паши Скопляка подавили его (См.: *Пејовић Ћ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. С. 405).

Пытаясь реализовать указанные цели, русское консульство в своей деятельности не ставило под сомнение позиции турок на Балканах. Поэтому ни основание консульства, ни его последующее функционирование не встречали со стороны Порты сопротивления или дипломатических протестов.

Внешнеполитические интересы Турции, таким образом, вытесняли на второй план вопрос статуса Черногории в ее рамках. Деятельность консульства в международном плане институционально подтверждала высокую степень самостоятельности Черногории, т. е. весьма специфический территориальный статус. Такая «специфика» опиралась не только на покровительство России, но и на собственную, пусть и упрощенную, организацию власти и фактическую независимость от Османской империи.

Тот факт, что русское консульство находилось на территории Австрии, в союзе с которой Россия готовилась вести войну с Наполеоном, дополнительно влиял на отсутствие официальной реакции Порты. С учетом восстаний, сотрясавших Османскую империю, обострение отношений с этими государствами не входило в ее интересы. Ввиду опасности дальнейших походов Наполеона, ей особо не отвечало ухудшение отношений с Россией, тем более, если бы поводом для этого стала деятельность ее консульства в Которе. После военных поражений, которые за несколько лет до этого потерпел в Черногории скадарский паша, лучшим вариантом для Турции была бы миролюбивая политика черногорцев, брдчан и герцеговинцев в отношении соседних турецких областей. Русское консульство в Которе не только не ставило такое желание Порты под вопрос, но и вносило активный вклад в его реализацию.

Поскольку обострение отношений с Россией было бы чревато для Порты дополнительными неприятностями в Черногории, ее официальная реакция на деятельность русского консульства, во всех ее проявлениях, практически отсутствовала.

Таким же образом консульство в Которе функционировало и в следующем году, прежде всего — из-за нежелания и Австрии, и Турции нарушать отношения с Россией. Его окончательную судьбу определили изменившиеся международные обстоятельства.

ГЛАВА VI

ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСУЛЬСТВА

Как уже говорилось, русское консульство в Которе официально являлось одним из консульских органов России на территории Австрии. Подлинной причиной его основания было, однако, не развитие консульских связей между двумя странами, но проблема русско-черногорских отношений после кризиса, вызванного контактами черногорского владыки с эmissарами Наполеона в начале XIX в. Задачей же консульства являлось предотвращение расширения влияния как Франции, так и соседней Австрии, т. е. восстановление черногоро-русских отношений, вкупе с привлечением черногорцев и брджан к возможному военному сотрудничеству против французов, имея в виду весьма слабые результаты, которых в этом плане в свое время добился граф Ивелич.

Поскольку, благодаря деятельности консульства, в начале 1805 г. желаемые цели русской внешней политики, касающиеся Черногории, были достигнуты, логично было бы предположить, что потребность в его дальнейшем существовании отпадет. Тем не менее, хотя русско-черногорские отношения и нормализовались, императорское правительство не только не вышло с инициативой о закрытии консульства в Которе, но, напротив, посылкой миссии С. А. Санковского дало ясно понять о своем желании усилить присутствие России на этой территории и одновременно укрепить Черногорию как государственный субъект. Все это говорило о большой заинтересованности России в сохранении серьезного влияния на черногорцев и брджан.

Прекращение работы консульства, таким образом, произошло не из-за реализации целей внешней политики России, которые были *raison d'être* его основания. Объективной необходимости в том и не было, ибо консульство в Которе оказалось весьма подходящим средством для институционализации русского влияния в Черногории — через него Россия практически контролировала внутреннюю жизнь Черногории и ее внешние сношения. Его окончательную судьбу определили обстоятельства международного характера, которые, по причине изменения статуса Боки Которской в начале 1806 г., сделали его дальнейшее существование нецелесообразным.

1. Международные обстоятельства, обусловившие прекращение деятельности русского консульства

Бурные события, которые произошли в 1805 г., оставили глубокий след в истории Европы, а для отдельных народов имели почти катастро-

фические последствия. Благодаря им, на континенте возник новый расклад сил, а также актуализировались многие вопросы, предварившие еще более крупные события последующих лет. В водовороте таковых, в середине первого десятилетия XIX в. прежние венецианские владения вновь поменяли повелителя, что привело к исчезновению причин дальнейшего существования русского консульства в Которе.

Создание новой, третьей по счету, коалиции против Наполеона, было еще одной попыткой остановить победное шествие французской армии. Союзниками Англии в 1805 г. стали Россия, Австрия, Швеция и Неаполитанское королевство. С 3 ноября 1805 г. к ним присоединилась Пруссия. Численность их войск составляла 500.000 солдат. Этой военной силе противостояла Великая французская армия примерно той же численности, собранная в нескольких военных лагерях от Голландии до Бреста.

Очередная антинаполеоновская коалиция была весьма непрочной. Особенно нестабильной делало ее то, что не были устранены противоречия, существовавшие между государствами-участниками. Ожидалось, что «победа над Наполеоном сама по себе решит проблемы международных отношений»¹. Единственное, в чем были согласны все члены коалиции, это то, что ее целью не являлись ни политические преобразования во Франции, ни реставрация старого режима, но установление «в Европе такого порядка, который помешает Франции вести дальнейшие завоевания и угрожать независимости соседних государств»². Это было отличительной чертой Третьей коалиции, по сравнению с двумя предыдущими, имевшими реставраторский характер.

Слабость Третьей коалиции и противоречия между ее членами проявились раньше, чем были начаты военные действия против французской армии. Отсутствие единства во взглядах на важнейшие военные и политические цели и предопределило ее поражение, т. е. неспособность противостоять силе Наполеона.

Интересы членов коалиции во многом не совпадали. Противоречия между Россией и Австрией проявились уже в ходе разработки военных планов. Планы, подготовленные в Вене, ставили целью решение территориальных вопросов к выгоде Австрии и укрепление ее позиций в юго-западной Германии и северной Италии. Поэтому главные силы ее армии, под командованием эрцгерцога Карла, были направлены в Италию, хотя в переговорах с командованием России была достигнута договоренность о проведении ключевых операций в центральной Европе.

Начало боевых действий способствовало изменению позиции Пруссии. Нарушение ее нейтралитета со стороны Наполеона привело к под-

¹ История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995. С. 50.

² Там же.

писанию русско-прусской конвенции о совместных действиях против Франции (3 ноября 1805 г.). Однако, добилась коалиция этого дипломатического успеха слишком поздно — форсированным маршем через Анспах французы вошли в Баварию прежде, чем австрийцы там укрепились. Поскольку и русский экспедиционный корпус М. И. Кутузова не успел подойти к полю боя, австрийская армия под командованием генерала Мака была вынуждена в одиночку сразиться с Наполеоном. Своим успешным маневром в районе крепости Ульм он сумел окружить австрийцев, и Мак 8/20 октября 1805 г. сложил оружие.

Поражение Дунайской армии австрийцев поставило в тяжелое положение русские войска, которые в августе 1805 г. вступили на территорию Австрии. Но все-таки, благодаря успешному командованию Кутузова, попытка Наполеона окружить их не удалась.

А вскоре последовали новые победы Наполеона. В сражении под Аустерлицем 20 ноября/2 декабря 1805 г. французы нанесли тяжелый удар русско-австрийским войскам. Это была одна из самых знаменитых побед Наполеона. Ей способствовали грубые ошибки союзников в командовании и фактическое снятие Кутузова с поста главнокомандующего.

Успехи Наполеона привели к изменению внешнеполитического курса отдельных участников антифранцузской коалиции, включая и Россию. В день заключения перемирия между Францией и Австрией, 24 ноября/6 декабря 1805 г., Александр I был вынужден приказать главнокомандующему союзными войсками в Италии генералу Б. И. Ласси и посланнику в Неаполе Д. П. Татищеву вывести русскую армию из Королевства Обеих Сицилий. То же самое сделали и ее союзники — Пруссия, Австрия и Голландия.

А затем Пруссия и Австрия вышли из войны — соответствующие договоры были подписаны в Вене 3/15 декабря, между Францией и Пруссией, и в Пожуне (Братиславе) 14/26 декабря 1805 г., между Францией и Австрией. Это означало распад Третьей коалиции и перенос франко-русских противоречий с Балтики на Средиземное море, Балканы и Ближний Восток.

С распадом коалиции и выводом русских и английских войск из Германии, Италии и Австрии были устранены препятствия для наступления Наполеона на Балканы. Военно-политическую ситуацию, изменившуюся в ходе войны, сопровождали мирные договоры, положения которых закрепляли результаты нового передела европейского пространства.

Согласно договору, заключенному в Пожуне, Австрия потеряла значительную часть своей территории. Как королю Италии, Наполеону досталась венецианская область, почти вся Истрия, Далмация и Бо-

кокоторский залив. В состав Франции, таким образом, вошли новые провинции, обеспечившие ей соседство с Османской империей. Благодаря новому территориальному расширению, французскому императору был открыт путь для прорыва на Восток. Кроме того, после распада Третьей коалиции его армия могла без серьезных препятствий дойти и до границ России.

В Петербурге всерьез опасались, что под влиянием идей революции и французских завоеваний поляки вновь поднимутся на борьбу за возрождение Польши. В такой ситуации перед правительством Александра I открывались две возможности: вернуть русские войска из Средиземноморья для защиты границ России, или же использовать их (и в особенности размещенные на о. Корфу) для того, чтобы помешать французам укрепиться на Балканах. Имея в качестве главной базы в Средиземном море Ионические острова, куда в начале 1806 г. прибыла эскадра под командованием вице-адмирала Д. Н. Сенявина, Россия могла рассматривать вопрос о занятии Котора как важного стратегического порта на Адриатике. Этого можно было добиться, кроме действий военно-морских сил, опираясь на Черногорию и рассчитывая на ее воинственный и преданный России народ.

В неблагоприятной международной ситуации после поражения под Аустерлицем позиция Черногории снова стала важной для внешней политики России. Сейчас, однако, интересы сторон совпадали, так как в Черногории и в Приморье после известия о передаче Боки французам возникло движение против ее новой оккупации и возродились планы об объединении с Черногорией. Тот же взгляд в отношении Боки разделял и черногорский владыка Петр I, который в ее освобождении видел не только военно-политическое, но и экономическое значение, ибо оно обеспечивало выход Черногории из тогдашней изоляции, обусловленной как турецким окружением, так и многовековой властью Венеции в Боке, которую после падения Венецианской республики заменило австрийское правление.

Антифранцузские настроения бокельцев, разделявшиеся и черногорцами, которые не желали новой оккупации, заняли важное место во внешнеполитических планах России. Об этом свидетельствует и тот факт, что в январе 1806 г. на заседании Государственного совета рассматривалась особая записка А. А. Чарторыйского о задачах русской политики в Черногории, какие связывались с международным положением в юго-восточной Европе и ранними проектами создания независимых государств на Балканах под покровительством России. Сейчас рассматривалась возможность образования одного из таких государств — в составе Герцеговины, Черногории, Далмации и Котор-

ской области. Черногория, по мнению Чарторыйского, должна была стать центром военных действий русской армии¹.

Поводом для рассмотрения этого вопроса в Государственном совете была просьба черногорцев «о новом устройстве под особым покровительством России», прозвучавшая в связи с миссией С. А. Санковского и проектом государственного устройства Черногории, который был в конце 1805 г. послан в Петербург².

Хотя в связи с этим вопросом Государственный совет не принял никакого решения (и в письме Александра I владыке Петру I от 23 апреля / 5 мая 1806 г. не говорилось о том), было ясно, что Россия поддерживает идею о невыполнении положения договора в Пожуне, касающегося передачи Боки. Эту позицию подтвердило и отношение ее официальных лиц к событиям в Черногории и Боке в начале 1806 года.

В связи с призывами вождей бокельцев и отдельных племен из Боки, обращенными к владыке Петру I и С. А. Санковскому, не допустить новой оккупации, 15 / 27 февраля 1806 г. в Цетинье состоялась общенародная скупщина. На ней было принято решение воевать «не только против французов, но изгнать из Боки и австрийцев, прежде чем в нее войдут французы»³. После скупщины последовал поход в Приморье, а затем и формирование черногоро-бокельской армии, которая по сведениям, которые приводятся в литературе насчитывала около 12.000 бойцов⁴.

События в Далмации и Боке Которской не оставили равнодушным командующего русской эскадрой Д. Н. Сенявина. Получив информацию о противодействии местного населения новой оккупации этих областей, он, не дожидаясь распоряжений из Петербурга, приказал отряду своих кораблей выйти в Адриатическое море. Командиром этого отряда был капитан Белли. Его прибытие в Бококоторский залив подняло боевой дух жителей. Присутствие русских военных кораблей, находившихся в связи с отрядами черногоро-бокельской армии, решающим образом повлияло на изменение положения в Боке.

21 февраля / 5 марта 1806 г. австрийскому коменданту Котора был направлен ультиматум с требованием, чтобы город был сдан отрядам черногоро-бокельской армии и русской морской пехоты. Осада Херцег-

¹ *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. С. 55; *Она же.* Проблемы создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях // *Россия и Балканы.* М., 1995. С. 41–47.

² *Мурашова Л.* Нови подаци у Архиву спољне политике Русије // *Историјски записи.* Подгорица, 1992. Св. 1–4. С. 148–152.

³ *Љекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша 1784–1830. С. 181.

⁴ *Павићевић Б.* Црна Гора и Бока Которска од Пожунског до Тилзитског мира 1805–1807. С. 9.

Нови началась в тот же день¹. При появлении кораблей русской эскадры черногоро-бокельские силы заняли Херцег-Нови. Вскоре была взята и Будва. Таким образом, по приказу адмирала Сенявина вся Бока Которская была освобождена от австрийских войск. (На этом мы подробнее остановимся в следующем параграфе). В соответствии с полученным приказом, капитан Белли начал подготовку военной операции на далматинских островах, в направлении Корчулы.

Прекращение австрийского управления в Боке пробудило надежды на ее окончательное освобождение. Однако ожидания, что успехи черногоро-бокельских сил и русской эскадры могут помешать французской оккупации, были нереальными. Какими бы значительными они не казались, их было явно недостаточно, чтобы изменить то, о чем великие державы уже договорились. Французской оккупации нельзя было помешать — она была только временно отложена.

Русское консульство в Которе свернуло свою деятельность вместе с прекращением австрийского управления в Боке. Официально это произошло в начале января 1806 г., когда русское правительство и приняло решение отозвать консула и закрыть консульство. Поскольку на Боку должен был распространиться суверенитет Франции, с которой Россия находилась в состоянии войны (из-за чего их дипломатические и консульские отношения были прерваны), такое решение было неизбежным².

Таким образом, изменение статуса Боки Которской, сначала де-юре — положениями мирного договора, заключенного в Пожуне (14 / 26 декабря 1805 г.), а затем и фактически — передачей Боки французам, коренным образом повлияло на то, что дальнейшее существование русского консульства в Которе потеряло всякий смысл и целесообразность.

2. Окончание миссии Ивелича

Когда в январе 1805 г. царское правительство решило послать в Черногорию С. А. Санковского³, в качестве «специального представи-

¹ Там же.

² Статский советник Степан Андреевич Санковский был в январе 1805 г. направлен на побережье Адриатики с целью окончательной нормализации отношений с Черногорией и укрепления ее государственной организации. Он сыграл важную роль в деле объединения народов восточного Средиземноморья в целях сопротивления агрессии Наполеона (См.: *Достян И. С. Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских связях начала XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. С. 5–39; Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. I. С. 82 (примечание 3).*

³ П. А. Ровинский указывает, что С. А. Санковский был назначен уполномоченным лицом при владике Петре I (*Ровински П. А. Црна Гора у прошлости и садашњости. Т. I. С. 548*).

теля» царя Александра I, то официально это не объяснялось неудовлетворительными результатами миссии Ивелича. Тогда считалось, что эти миссии не исключают одна другую, хотя их задачи частично совпадали.

Санковский должен был «восстановить русское влияние в Черногории, укрепить дружеские контакты с митрополитом Петром I и черногорскими старейшинами, помочь в формировании из местного населения военных корпусов, которые можно было бы использовать в случае высадки армии Наполеона на Адриатическом побережье»¹. Выраженная специфичность миссии Санковского заключалась в том, что задачи, которые следовало выполнить во время его пребывания в Черногории, были связаны с предполагаемой, а позже и реализованной, экспедицией русской военной эскадры адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море и связанными с ней «балканскими планами» А. А. Чарторыйского².

Чтобы прибытие нового эмиссара императора в Черногорию не было истолковано владыкой и Правительством как окончание предшествующей миссии, Чарторыйский в письме Петру I от 27 января / 8 февраля недвусмысленно сообщил об этом, обратившись к нему с просьбой, чтобы во всем, «что касается дел его края», он продолжал поддерживать открытые отношения с генерал-лейтенантом Ивеличем. Одновременно Чарторыйский уверял его, что тот «всегда с особым уважением высказывался о нем»³.

Итак, и после прибытия С. А. Санковского граф Ивелич продолжал выполнять свои обязанности. Однако, обстоятельства в то время существенно изменились по сравнению со временем его приезда в Черногорию, особенно в области черногоро-русских отношений и политики России, связанной с митрополитом. В связи с этим, и его обязанности приобрели отчасти иной характер.

Главные характеристики «нового курса» России в отношении важных вопросов, до тех пор обременявших отношения между двумя странами, основывались на значительно изменившихся базовых принципах. Их суть Чарторыйский раскрыл в письме Ивеличу от 31 января / 12 февраля 1805 г.⁴

¹ Достян И. С. Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских связях начала XIX в. ... С. 14.

² Образование полунезависимых или автономных государств под политическим влиянием или покровительством России на территории Юго-Восточной Европы должно было остановить агрессию Наполеона в этом регионе. Поскольку центром одного из таких государств могла быть и Черногория, задачей Санковского являлось укрепление ее государственного организма с помощью реформ внутренней структуры управления.

³ АОНМЦГ. Ф. Петар I. 1804. 989.

⁴ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. С. 32.

Официальные оценки больше не содержали замечаний к политической и духовной деятельности митрополита, равно как и к степени его преданности России. Все, что ранее было сказано о его связях с французским правительством, сейчас приписывалось личным амбициям владыки. Такой вывод Чарторийского подтверждали заверения Петра I из его писем русскому царю, на основании которых можно было заключить, что черногорский митрополит ни тогда, ни позже не расставался с мыслью объединить под своей властью все соседние славянские племена. И поскольку русская сторона не поддержала его планы, то у него возникла идея добиться их реализации с помощью Франции. На это, как считал Чарторийский, владыка согласился после уговоров секретаря аббата Дольчи. Тем не менее, митрополит не сумел убедить черногорцев в этих своих идеях, хотя и уверял их, что политика Франции и России полностью совпадает.

Чарторийский самоуверенно оценивал, что именно поэтому присутствие Ивелича в Черногории было весьма полезно. Располагая точной информацией о политике русского двора в отношении Франции, царский эмиссар помешал воплощению замыслов владыки в том или ином виде. Таким образом, Петр I якобы убедился, что «без нашей воли» он не сможет втянуть черногорский народ в свои планы, какими бы амбициозными они ни были. Это опять же означало, что в сложившейся ситуации владыка будет отвергнут Россией «по своей воле, или потому, что нет другого выхода», и «не будет больше выходить за рамки приказаний русского царя»¹.

Поскольку прежние недоразумения оставались в прошлом, русское правительство полагало, что нынешние отношения с Петром I и Правительством следует сохранять. Их добрый характер, однако, не означал, что тем самым отпала и необходимость внимательно следить за дальнейшими шагами владыки, что и вменялось в обязанности Ивеличу.

Изменившееся отношение Петербурга к владыке сопровождалось и возвращением императорской милости, что подтверждает, как финансовая помощь в 3000 червонцев, так и грамота императора от 20 января / 1 февраля 1805 г., какую Санковский привез с собой, прибыв в Черногорию 17 / 29 марта 1805 г. В ней Александр I провозглашал, что Россия продолжает оказывать покровительство Черногории, поддерживая дружеские отношения с митрополитом Петром I². В грамоте он обращался и к черногорскому народу со словами: «Желая, во всяком случае, показать новые доказательства нашей постоянной и неизменной благосклонности к вам, мы приняли просьбу вашего митрополита и возвращаем ему нашу императорскую милость. Одновремен-

¹ Там же.

² АВПРИ. Ф. ГА. I-V. 1805-1821. Д. 1. П. 1. Л. 21, 22.

но мы убеждены, что в его поведении, так же как и в поведении всех членов черногорского Правительства, мы не встретим ничего, что давало бы повод для сомнений или недовольства, а наоборот — всегда будем ожидать, что увидим в вас потомков тех черногорцев, которые нашим предшественникам дали столько доказательств непоколебимой приверженности и верности России»¹.

То, что для передачи грамоты был выбран Санковский, и никак не привлечен граф Ивелич, хотя срок его миссии в Черногории продлевался, было отнюдь не случайно. По объяснениям, которые в своем письме привел Чарторийский, причина заключалась в том, что первоначальные обязанности, доверенные Ивеличу в связи с митрополитом, вызвали враждебное отношение народа к нему, что могло привести к сложностям при выполнении новых заданий, связанных с Черногорией. Таким образом, пусть с немалым опозданием, но в Петербурге признали, что миссия Ивелича не была настолько успешной, какой ее хотели представить, осознав недовольство, вызванное в Черногории политикой, целью которой было удаление Петра I с митрополичьего престола.

Предшествующий негативный опыт свидетельствовал, что новый эмиссар, в лице С. А. Санковского, направленный в Черногорию с гораздо более «приятными» для владыки и черногорцев задачами, будет принят там сердечнее, чем граф М. К. Ивелич. Обязанностью Ивелича оставалось предоставление необходимой информации Санковскому и подготовка отчетов об этом крае, которые были по-прежнему необходимы в Петербурге.

Ожидалось, что Санковский реализует все то, чего не удалось добиться Ивеличу. Предполагалось также, что тот не только поможет ему необходимыми рекомендациями, советами и связями, но и установит с ним откровенные и искренние отношения.

Но, несмотря на утверждение Чарторийского, что миссия Санковского не означает завершения миссии Ивелича, вскоре оказалось, что нет необходимости в одновременном привлечении к черногорским делам сразу двух русских представителей. Через несколько месяцев после прибытия Санковского, Ивелич, оказавший ему всю необходимую помощь, указом Александра I был отозван в Россию. А на его место назначен Санковский.

Об этом решении императора Ивеличу сообщил Чарторийский в письме от 28 сентября / 10 октября 1805 г.² Отзывные письма были ему вручены 8 / 20 ноября 1805 г. в Которе³.

¹ Ровински П. А. Црна Гора у прошлости и садашности. Т. I. С. 548.

² Грачев В. П. Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807). М., 2003. С. 34.

³ Там же.

После этого последовала официальная передача должности, что Ивелич выполнил 27 ноября / 9 декабря, передав Санковскому служебные акты, денежные средства, награды. Имея в виду характер миссии, которую он до этого исполнял, Ивелич счел необходимым съездить в Черногорию, чтобы там не истолковали ошибочно его возвращение в Россию.

Митрополит, губернатор и другие черногорские старейшины, как впоследствии докладывал Ивелич, отнеслись к нему весьма учтиво. О сердечности свидетельствует и его торжественные проводы. Кроме того, на пути от Цетинья до Котора его сопровождали, кроме губернатора Вукало Радоница, и несколько черногорских вождей¹.

В то время, когда Ивелич заканчивал сборы, готовясь выехать в Россию, поступило сообщение, что в Адриатическое море вошли французские военные корабли. Своими действиями они препятствовали судоходству, захватывая торговые суда под австрийским флагом². Французы уже заняли Риеку и Триест. Из-за этого австрийские власти в Боке запретили своим кораблям выход из Котора. Дополнительной причиной такого решения стал тот факт, что и в акватории Дубровника находились французские военные корабли³.

Через местные австрийские власти 6 / 18 января 1806 г. в Боку пришло известие, что 14 / 26 декабря 1805 г. в Пожуне заключен мир между Францией и Австрией, и что к Франции отошла область Венеции и все ее бывшие территории, включая Боку.

Переход Боки Которской под власть французов не отвечал интересам России, так как владение Бокой и укрепление французской администрации в ее портах позволяло Наполеону привлечь на свою сторону соседние провинции, прежде всего Герцеговину, где жил славянский народ православного вероисповедания. Также оценивалось, что соседняя Черногория, несмотря на приверженность России, будучи отрезанной от портов и коммуникаций, не сможет обеспечить необходимое количество боеприпасов и продуктов, чтобы дать отпор столь сильному врагу. Все указывало на то, что Франция сможет без труда захватить Албанию, населенную многочисленными католиками, которые с нетерпением ждали освобождения от турецкой власти. Из Албании французские войска могли бы легко попасть в Морею (Пелопонес) и занять не только этот полуостров, но и все остальные провинции до Черного моря.

Из-за столь резко изменившейся геостратегической ситуации в регионе, русский посланник в Королевстве Обеих Сицилий Д. П. Тати-

¹ Там же.

² АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Д. 4 (п. 6). Л. 4.

³ Грачев В.П. Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805-1807). С. 34.

шев письмом от 30 января / 11 февраля 1806 г. известил Ивелича о новом императорском указе, которым отменялся приказ о его отзыве. Так, ему вместе с Санковским было предписано мешать расширению французского влияния, восстанавливать народ против французов, т. е. работать над тем, чтобы, вкупе с черногорцами и по мере сил, «уничтожать врага»¹. Курьера из Неаполя, в сопровождении родственника — Федора Ивелича, граф Ивелич отправил в Черногорию, чтобы известить об этом Санковского. Санковский прибыл из Черногории в Котор 1 / 13 февраля 1806 г. В тот же день туда из Рисана, где жили его многочисленные родственники, прибыл и Ивелич.

Получив новое назначение, Ивелич 1 / 13 февраля 1806 г. встретился в Которе с Санковским². На следующий день они провели совместное совещание с австрийским делегатом бароном Кавалькадо и военачальниками, уполномоченными от имени Австрии передать укрепления в Боке французам. В дружеской беседе они советовали, чтобы австрийское командование передало их не французам, а населению Боки и черногорцам, указав, что срок для их передачи французам истек, и что сейчас черногорцы и остальные славяне считают эти укрепления вражескими. Они предупредили, что в противном случае австрийский гарнизон подвергает себя большой опасности. Пообещав дать ответ на другой день, австрийские власти вместо этого приказали организовать оборону укреплений от черногорцев и жителей городских общин греческого вероисповедания. Они выпустили приказ о выселении из Котора православного населения, тогда как католикам из города и окрестностей было приказано готовиться к обороне от черногорцев. Это относилось не только к укреплению крепостных стен, но и к превращению торговых судов в военные, установкой на них 12–18 малых орудий.

В ответ на это Санковский с Ивеличем начали подбадривать народ, доверявший им, используя все средства, чтобы уверить его в скором прибытии отряда из состава эскадры Сенявина. Ранее, в связи с этим, майор Милетич был уже направлен на Корфу³.

Возложив на себя новые функции, Ивелич 3 / 15 февраля отправился в Рисан, дабы убедить население Боки оказать сопротивление французам, помешав тем самым повторной оккупации области. По приезде в Рисан, он собрал старейшин общин, чтобы рассмотреть все опасности, которые им угрожают. Было решено послать 8 / 20 февраля 1806 г. пятерых депутатов к Санковскому, который после совещания в Которе выехал в Станевичи, чтобы вручить ему документ с выражениями их преданности и желания быть не только под покровом

¹ АВПРИ. ГА. I–7. 1803–1809. Д. 4 (п. 6). Л. 6.

² Там же.

³ Там же.

вительством, но и в подданстве России¹. Аналогичные письма Санковскому вручили и старейшины нескольких племен².

Еще ранее, получив известие об условиях Пожунского мира, Санковский просил Д. П. Татищева в кратчайший срок послать в Черногорию военное снаряжение, чтобы черногорцы могли дать отпор французам. Он просил направить в Бококоторский залив русские военные корабли, чтобы поддержать освободительные стремления народа и помешать войскам Наполеона овладеть австрийской Албанией. Надежды возлагались не только на сопротивление населения Боки, но и на помощь, которую смогли бы оказать ему в этом черногорцы. Поэтому Санковский с Ивеличем использовали все средства, развивая у народа чувство приверженности к России и одновременно разжигая «пламя ненависти и отмщения французам».

16 / 28 февраля 1806 г. с Корфу на корабле «Азия» в сопровождении фрегата прибыл капитан первого ранга Г. Г. Белли. Корабль бросил якорь у Херцег-Нови. Всего в залив прибыло три корабля из эскадры Сенявина («Азия», «Михаил» и «Экспедиция»).

Об их прибытии Ивелич известил Санковского и митрополита Петра I, «а сам посетил капитана Белли, чтобы изложить ему все обстоятельства и вместе с ним принять необходимые меры»³. На борту «Азии» вечером 18 февраля / 2 марта состоялась встреча, на которой присутствовали Белли, Санковский, Ивелич, митрополит Петр I и губернатор Вукало Радонич. Было решено, что черногорцы, дабы не упустить удобный случай, вместе с представителями остальных славянских народов, населявших Боку Которскую, должны выступить быстрым маршем для обеспечения подходов к крепости Херцег-Нови. Нужно было опередить французского генерала, который во главе крупного отряда уже прибыл в Макарску и находился на границе с Дубровницкой республикой, всего в 80 километрах от крепости Херцег-Нови.

На следующее утро (19 февраля / 3 марта 1806 г.) черногорский митрополит сошел с корабля и отправился в монастырь, находившийся неподалеку от крепости. Здесь уже собралось население из округа Херцег-Нови, и владыка поднял русский флаг. Затем из Рисана пришел Савва Ивелич с 1000 человек, а из Черногории и приморских поселков к крепости начал стекаться народ с развевающимися знаменами⁴.

¹ Там же.

² Из Грбля такие письма направили поп Вуко Лазаревич с двумя товарищами; из Паштровичей — судья Георгий Митрович и Андрей Кажанегра; из Герцеговинской общины — старейшины Петр Црногорчевич и Илия Цинович, а из Лушtica и Кртола — Иван Старчевич и Радион Калуджерович (См.: АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Д. 4 (п. 6). Л. 7-7 об.).

³ АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Д. 4 (п. 6). Л. 8.

⁴ АВПРИ. ГА. I-7. 1803-1809. Д. 4 (п. 6). Л. 8-8 об.

Чтобы держать под контролем воинственно настроенный народ, 20 февраля / 4 марта 1806 г. с корабля был послан офицер к австрийскому комиссару маркизу Гизлиери, который находился в крепости, намереваясь сдать укрепления в Боке французам. Офицер вручил маркизу предложение о передаче ключей от крепости славянскому населению Боки в самый кратчайший срок, предупреждая, что в случае отказа оно силой займет крепость и не пощадит при этом австрийский гарнизон. А затем на «Азию» прибыл сам Гизлиери и заявил, что он согласен передать все укрепления славянскому населению. На следующий день, в полдень, ключи от крепости были переданы начальнику и старейшинам общины Херцег-Нови. Вместо австрийского флага был поднят русский.

После сдачи крепости Херцег-Нови, 22 февраля / 6 марта ключи от Котора, Будвы и «других крепостей» были переданы тамошним общинам и повсюду поднят русский флаг.

Так, черногорцы и бокельцы при поддержке кораблей Сенявина овладели Заливом, и он был взят под русский контроль. Тем самым, были нарушены и планы Наполеона, которые касались Османской империи и могли привести к постановке Восточного вопроса.

После передачи укреплений в Боке, жители-католики Доброты, Пераста и Прчання послали своих представителей, чтобы выразить верность новым властям. Комендантом Боки Которской был назначен генерал-майор русской армии Мусин-Пушкин, Санковский же стал гражданским комиссаром.

Военные отряды из Черногории, численно увеличиваясь, приближались к границам Дубровника. Их усиливали части русской армии. С генералом Мусиным-Пушкиным в Боку прибыли Витебский мушкетерский полк в составе двух батальонов и три военных корабля из эскадры Сенявина.

О событиях, происшедших в Приморье, следовало оповестить турецкие власти в соседних областях. Поскольку с момента прибытия в Черногорию Ивелич, как посланец государства, которое находилось в союзнических отношениях с Портой, часто встречался с турецкими начальниками из Боснии и Герцеговине, то это задание было доверено ему. Для чего была и еще одна важная причина. Между Ивеличем и турецкими властями в Боснии и Герцеговине еще в 1804 г. установились доверительные отношения, благодаря его приказу об аресте двоих агентов, Ивана Ожеговича и Якова Радмиловича, которые появились тогда в Герцеговине. Они выдавали себя за русских эмиссаров и собирались поднять там восстание против турок. С этими намерениями Ожегович побывал и в Брде, «которая находилась под покровительством его императорского величества». Так как речь шла о самозванцах, Ивелич отправил их в Рисан, а оттуда на русском корабле на

Корфу, где находился отряд русской армии под командованием генерал-майора Р. К. Анрепа¹.

Миссия Ивелича в Герцеговине являлась особенно важной, поскольку для успеха действий, предпринятых черногорцами и бокельцами, совместно с частями русской армии, было необходимо сохранить хорошие отношения с Турцией. Здесь же, несколько ранее, положение изменилось, ибо «в декабре 1805 г. из Боснии в Фочу пришел Сулейман-паша Миримиран с 10.000 отборных турецких воинов, чтобы подавить восстание дробняков».² Подавив его, Сулейман-паша, дабы запугать брдчан и черногорцев, приказал старейшинам всех герцеговинских городов собрать войска для наказания населения Морачи и Брды.

Об этом Ивелича как старого друга известил Арслан Диздар-Бегович, служивший в армии Сулейман-паши. Одновременно ему сообщили, что турки недовольны черногорским митрополитом, что могло означать угрозу их возможного нападения на Черногорию.

Нетрудно догадаться, что за планированным нападением турок на черногорцев, стояли французы. В связи с этим Ивелич в письме Арслан-аге от 13 / 25 января 1806 г.³ пытался оправдать митрополита, предупреждая о лукавых замыслах французов, которые хотели по сути поссорить турок с черногорцами и воспользоваться этим, чтобы овладеть Бокой, а потом и областями, находящимися по соседству с ней.

Своими письмами Ивелич, очевидно, сумел добиться желаемого. Из-за симпатий к нему требиньского паши, был распущен корпус в 15.000 бойцов, состоявший из отрядов скадарского и боснийского пашей. Успех Ивелича подтверждали и письма ему турецких командиров, а также подробный отчет о роспуске корпуса и отправке его солдат домой, который Диздар-Бегович прислал Ивеличу со своим сыном Рустан-бегом, прибывшим в Рисан 3 / 15 февраля 1806 г.⁴

Деятельность Ивелича в Герцеговине привлекла внимание не только турецких властей. На весть о его прибытии в Рисан герцеговинские старейшины послали к нему двух представителей — князя Богумилича и князя Божо Милянича, которые передали ему письменное обращение герцеговинцев, датированное 22 марта 1806 г. В нем говорилось, что за время двухлетнего пребывания Ивелича в Черногории и Далмации герцеговинские турки терпимо относились к христианам, так как боялись, что русские заступятся за них в Порте. Но так как миссия Ивелича заканчивалась, турки начали усиливать давление на

¹ Грачев В. П. Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807). С. 89 (сноска 42).

² АВПРИ. ГА. 1–7. 1803–1809. Д. 4 (п. 6). Л. 9–9 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

народ, так что положение христианского населения становилось все хуже¹.

Упомянув о его успехе в Герцеговине, старейшины требовали, чтобы он сообщил в надлежащие органы в Петербурге о верности герцеговинского народа русскому царю и передал их просьбу снова послать Ивелича в Герцеговину, чтобы он «избавил народ от ненавистного турецкого ига», так же, как христиан из Боки «избавили от ига латинского». В конце письма, клянясь в верности царю, герцеговинцы выражали свою готовность пролить кровь за «пресветлую корону» и быть всегда «верными подданными» единокровной и единоверной России. Письмо подписали восемь герцеговинских кнезов².

Добавим, что Ивелич не только выполнял миссию в Герцеговине, но и в период освобождения Боки от австрийской власти сам участвовал в военных операциях как один из их руководителей. Когда 15 / 27 марта 1806 г. вице-адмирал Сенявин прибыл с Корфу для инспектирования Боки, Ивелич встретился с ним и подробно доложил обо всем. Тогда же по приказу Сенявина была отобрана и эскадра для осмотра далматинского побережья и охраны торговых судов. В нее входили три уже известных корабля капитана Белли.

Ивелич поднялся на борт «Азии», которая вышла из Бокооторского залива 28 марта / 9 апреля 1806 г. Через два дня «Азия» дошла до Корчулы и присоединилась к кораблю «Ярослав», который был направлен туда ранее, чтобы захватить укрепление, где размещался французский гарнизон в 300 человек³. По прибытии «Азии», оба корабля бросили якорь под крепостью и открыли огонь из пушек. Поскольку рядом с Корчулой находилось и девять торговых судов с черногорцами, готовыми к завоеванию Далмации, французы в крепости подняли белый флаг в знак капитуляции. Французский гарнизон был взят в плен и над крепостью поднят русский флаг. При этом захвачено 13 орудий и немало новых шлюпок⁴.

С событиями в Боке, означавшими ее освобождение от австрийской власти и предотвращение, хотя и временное, французской оккупации, окончательно завершилась миссия Ивелича, срок которой эти события продлили. В конце апреля Ивелич из Рисана отплыл в Триест, а оттуда отправился в Вену. Из австрийской столицы 8 / 20 мая 1806 г. он выехал в Петербург.

Задачи его миссии, как мы видели, менялись и дополнялись новыми. Одна из них — разоблачение антироссийской деятельности абба-

¹ Грачев В. П. Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807). С. 89 (сноска 44).

² Там же.

³ АВПРИ. ГА. I–7. 1803–1809. Д. 4 (п. 6). Л. 8–8 об.

⁴ Там же.

та Дольчи (который обвинялся и в том, что своими интригами сумел привлечь черногорского митрополита на сторону французов) и возвращение Черногории в сферу русского влияния, не была, однако, выполнена так, как первоначально планировалось, а участие Ивелича в ее решении не стало определяющим. Напротив — тот факт, что «возвращение Черногории в сферу русского влияния» оказалось невозможно «устроить» путем устранением Петра I и его секретаря, и привел к пересмотру образа действий русского эmissара и расширению круга лиц для реализации этой задачи.

Так, наряду с одобрением правительством деятельности Ивелича в Черногории, его «успехов» в привлечении черногорцев и брдчан к балканским делам России и организации обороны от возможной агрессии французов, шел процесс соотнесения интересов русской политики с реальными общественно-политическими условиями Черногории. Поскольку деятельность Ивелича по прибытии в Котор, вопреки ожиданиям, вызвала недовольство черногорцев и брдчан, то задачи его миссии были урезаны. Однако, чтобы выполнить и эти, более скромно сформулированные задачи, нужно было расширить круг сотрудников Ивелича. Потому к деятельности по предотвращению расширения французского влияния в Черногории, кроме него, и были подключены А. О. Мазуревский и С. А. Санковский. Но это, как и относительность успеха, которого добился Ивелич, не может уменьшить значение этой миссии в истории черногоро-русских отношений.

3. Закрытие Русского консульства в Которе и возвращение А. О. Мазуревского в Петербург

После перемен, произошедших в Европе и Боке Которской в конце 1805 — начале 1806 г., закрытие русского консульства в Которе было делом времени. Кроме отсутствия правовых, да и фактических условий для его дальнейшего функционирования, с началом миссии Санковского стало очевидно, что методы деятельности царского правительства в отношении Черногории снова изменились. Существование и деятельность консульства уже не имели прежнего значения, особенно если учитывать цели, которых Россия хотела добиться укреплением центральной власти и организацией государственного управления в Черногории.

Поскольку с прекращением австрийского правления в Боке русское консульство в Которе потеряло свой прежний статус, т. е. перестало быть одним из консульских органов России на территории Австрии, в Петербурге приняли решение о его закрытии. Это произошло в первые дни января 1806 г., сразу же после того, как по условиям мира в Пожуне Бока Которская перешла под власть Франции. Об этом решении

русских властей черногорского митрополита и Правительство, а также консула Мазуревского, оповестил новый императорский эмиссар С. А. Санковский.

О положении Боки — в соответствии со статьями Пожуньского мирного договора — бокельцев известил барон Кавалькада декретом, который был оглашен во всех общинах. После того, как местные австрийские власти сообщили, что Бока Которская перешла к французам, а также по получении письма Санковского о решении властей в Петербурге закрыть консульство, Мазуревский 25 января / 6 февраля 1806 г. снял со здания русский герб и выехал в Черногорию¹.

Точных сведений о пребывании Мазуревского в Черногории не имеется. Согласно архивным документам, после закрытия консульства² он просил возместить его расходы. Из чего можно сделать вывод, что некоторое время он проживал в Черногории, вероятно, в Цетинье.

Мазуревский вернулся в Котор после освобождения Боки черногоро-бокельскими и русскими войсками, или во время той операции³. Поскольку город заняли русские и над ним развевалось русское знамя, то, естественно, что его возвращение не могло уже иметь прежнего значения.

Тем более, плохое самочувствие и недоразумения с Санковским привели к тому, что для самого Мазуревского, после закрытия консульства, пребывание в Черногории и в Боке было крайне неприятным. Тогда же всплыл на поверхность их личный конфликт, который существовал практически с момента прибытия Санковского в Черногорию. На основании документов можно сделать вывод о соперничестве двух русских эмиссаров в чужой стране, которое нельзя объяснить ничем другим, кроме личной нетерпимости и самолюбия, очевидно присутствовавших как с одной, так и с другой стороны.

О нетерпимости, которая иногда приводила и к публичным ссорам, мы узнаем из трех писем, которые Мазуревский написал в начале 1807 г. Два из них были адресованы вице-адмиралу Сенявину, а третье — А. К. Разумовскому.

¹ АВПРИ. ГА. I—7. 1803—1809. Д. 4 (п. 6). Л. 5—5 об.; Записка о последних происшествиях по высочайше вверенному поручению генерал-лейтенанту графу Ивеличу, случившихся в Боко-ди-Катаро и других местах Албании (Грачев В. П. Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805—1807). С. 35).

² АВПРИ. ГА. IV—5. 1804—1809. Оп. 123. Д. 3. Л. 136.

³ В своем отчете Мазуревский пишет о расходах, которые у него были после получения письма Санковского о закрытии консульства. На проезд до Черногории, проживание там и возвращение в Котор после его занятия русской армией он потратил в общей сложности 350 руб. (АВПРИ. ГА. IV—5. 1804—1809. Оп. 123. Д. 3. Л. 136).

В письме Разумовскому Мазуревский описал свое положение очень эмоционально, указав, что оскорблениями, клеветой и другими подобными действиями Санковского он до такой степени унижен, что больше так жить не может. Из-за незаслуженных обид он ощущал потребность за свои страдания «испросить высокую милость монаха»¹. Санковского он описывал как злого, двуличного и высокомерного человека, у которого, кроме самолюбия, не было никаких причин так неприлично к нему относиться.

Мазуревский писал, что он находился еще в должности консула, когда Санковский приехал в Черногорию. И «не щадя остатков своего здоровья» и средств на «подобающее угощение черногорцев», используя свой авторитет, он пытался убедить народ с полным доверием относиться к новому русскому посланцу, всеми способами поддерживая его симпатии к нему.

И при занятии Боки он, «остатком своей жизни», не раз самоотверженно помогал Санковскому, добровольно соглашаясь приписать все достигнутые успехи «усердию и опыту нового царского эmissара»². Но несмотря на то, что он пытался всячески помочь Санковскому в его делах и после занятия Боки, тот, как пишет Мазуревский, «уничтожил консульство», оставив его без службы.

Правда, в том же письме Мазуревский упоминает, что Санковский назначил его советником. Поскольку после того, как австрийцы передали Боку черногоро-бокельским и русским войскам, сам Санковский был назначен ее гражданским комиссаром, а значит — место его советника было должностью высокого ранга. Вопрос в том, отвечало ли оно личным амбициям Мазуревского и его несомненным заслугам в улучшении черногоро-русских отношений. Во всяком случае, его сотрудничество с Санковским было кратким. Вскоре общение между двумя русскими представителями стало приобретать выражено враждебный тон, порой превращаясь в публичные скандалы.

Как утверждал Мазуревский, Санковский намеренно подрывал авторитет, которым пользовался консул, часто оскорбляя его даже публично. С другой стороны, он оставался равнодушным к просьбам перевести его на Корфу, чтобы в условиях лучшего климата поправить здоровье. В своих обращениях к Сенявину Санковский упоминал и вариант отправки его в Петербург курьером, чтобы он, таким образом, закончил свою миссию в Черногории.

Так как Мазуревский не мог больше оставаться в Боке — по состоянию здоровья и из-за ситуации, которую он считал крайне неприятной для государственного чиновника, он просил обеспечить ему перевод или отпустить со службы.

¹ АВПРИ. ГА. IV-5. 1804-1809. Оп. 123. Д. 3. Л. 96.

² Там же.

В ответ на столь энергичное требование, которое он продублировал в обращении и к вице-адмиралу Сенявину, через год с небольшим после закрытия консульства в Которе, Санковский выдал бывшему консулу паспорт, дабы тот мог выехать из Боки. Проездные документы, датированные 24 марта / 5 апреля 1807 г., обеспечивали ему свободный проезд на Корфу¹.

Прибыв на Корфу, Мазуревский отправился на Тендос к Сенявину, чтобы получить у него разрешение остаться на Корфу, пока от начальства из Коллегии иностранных дел не поступит соответствующее распоряжение о его новых обязанностях. С Тендоса он снова вернулся на Корфу, где находился, пока его не отправили в Вену, как курьера, с депешами. Из Вены он приехал в Петербург.

Так окончилась миссия Алексея Осиповича Мазуревского, единственного русского консула в Которе за всю долгую историю этого города. Хотя он сыграл очень важную роль в восстановлении русско-черногорских отношений, его миссия в Черногории и Боке, по стечению ряда обстоятельств, имела довольно неславный финал...

¹ АВПРИ. ГА. IV–5. 1804–1809. Оп. 123. Д. 3. Л. 93.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События, которые произошли в Европе после революции во Франции и завоеваний Наполеона в конце XVIII — начале XIX в. изменили политическую карту континента. Кроме изменения соотношения сил европейских государств, что наглядно проявилось в исчезновении Венецианской республики, в рамках глобального перераспределения влияния великих держав возникли перспективы актуализации и других вопросов, в том числе Восточного. Это требовало от европейских государств, и особенно от России, как защитницы православных христиан в Османской империи, определения политики по отношению к дальнейшим французским завоеваниям и, тем самым, ответа на вопрос — как относиться к национально-освободительным движениям поработенных народов. Существовала опасность, что славянские народы на Балканах, вдохновленные идеями революции, поднимут вопрос о собственном освобождении и через Балканский вопрос поставят в повестку дня и Восточный вопрос в целом, что противоречило интересам внешней политики русского правительства.

И в одном, и в другом аспектах внешней политики России важное место занимала Черногория — как из-за усиления ее международного значения, благодаря победам при Мартиничах и Крусах (1796) и освобождения от турецкой власти, так и из-за важного геостратегического положения. Размах народно-освободительного движения мог в тот момент поставить под угрозу политику русского правительства в Восточном вопросе, суть которой выражали русско-турецкие договоры о союзе 1799 и 1805 гг., направленные на защиту и сохранение территориальной целостности Османской империи. С другой стороны, в Петербурге особо опасными считали шаги Черногории, которая, опираясь на Францию, пыталась осуществить планы территориального расширения и полного освобождения от османской власти. Таким образом, Черногория не только разрушала традицию черногоро-русских союзнических отношений, но и становилась на сторону самого опасного военного и политического противника России, нарушая политическую стратегию царского правительства по отношению к другим великим державам.

Озабоченность, которую вызвали вести о контактах черногорского владыки Петра I с эмиссарами Наполеона, подняла на ноги почти

всю русскую дипломатию. Попытка предотвратить уже продвинувшееся, как ошибочно полагалось, франко-черногорское сотрудничество, т. е. призвать Цетинье «к дисциплине», посредством миссии царского эmissара графа М. К. Ивелича, вместо нормализации отношений между двумя странами вызвала наиболее острый конфликт за всю историю черногоро-русских отношений.

Миссия Ивелича, задуманная как часть политической и военной стратегии в борьбе против экспансии Наполеона, превратилась, из-за ошибочных методов ее реализации, в неприкрытую попытку вмешательства в дела Черногории и наказания владыки Петра I. Хотя на основании инструкций Александра I, врученных графу Ивеличу 28 октября / 9 ноября 1803 г. перед его отъездом из Петербурга и грамоты императора черногорцам и брдчанам от 26 октября / 10 ноября 1803 г. нельзя считать, что его задачи заключались лишь в этом, те же документы это и не исключают. Тем не менее, в рамках задуманной стратегии устранение Петра I и его секретаря аббата Дольчи оправдывалось, главным образом, военными причинами и мотивировалось защитными мерами — потребностью отклонить опасность, которая в виде черногоро-французского сотрудничества нависала над Балканами и Юго-Восточной Европой. Однако, несмотря ни на что, не вызывает сомнений тот факт, что политическая тяжесть примененных мер была несоизмерима с «проступком Черногории» — т. е. с тем, насколько она в действительности сблизилась с Францией.

За миссией Ивелича, по очевидным причинам, стояли не только высшие светские, но и церковные круги России. Таким образом, наряду с военным и политическим, она имела религиозный аспект. Именно из-за сопротивления, возникшего после оглашения обвинений против Петра I, содержащихся в грамоте Святейшего Синода, она получила в значительной мере иной смысл, чем предполагалось изначально, — вопрос о контактах владыки с французами был перенесен с политической почвы на религиозную и сведен к предъявлению доказательств в наличии или отсутствии оснований для канонической ответственности черногорского митрополита перед судом Святейшего Синода Русской церкви. Тем самым, акция приобрела конфессиональный оттенок, вытеснив на второй план изначально поставленные вопросы крупного военного и политического значения.

Включение высшего органа Русской церкви в сведение счетов с владыкой Петром I, как главным сторонником сближения Черногории с Францией, сузило пространство для политических действий Ивелича. Одновременно это весьма негативно отразилось и на результатах его миссии в целом. Оказалось, что таким путем невозможно повлиять на изменение положения в Черногории — в соответствии с интереса-

ми правительства. Наоборот, когда встал вопрос о канонической ответственности Петра I, черногорские власти решительно отвергли притязания России (как светские, так и религиозные) на право суда над черногорским и брдским народом и его духовным и светским главой. Независимость и самостоятельность Черногории в духовном и в светском отношении была обоснована отсутствием каких-либо прав России над черногорцами и брдчанами, за исключением «морального покровительства». Обращаясь к высшим органам России и самому Александру I, черногорские власти защищали право самостоятельно решать вопросы, касающиеся внутренней жизни страны. Так в черногоро-русских отношениях впервые открыто проявился весьма высокий уровень политической самостоятельности черногорцев и брдчан и была недвусмысленно подчеркнута решимость защищать свою независимость при принятии важных решений внешнего и внутреннего характера. На первый взгляд, необычным являлось лишь то, что осознание необходимости защищать свою независимость, сопровождавшее становление черногорской государственности, было решительно продемонстрировано по отношению к стране, которая больше всего способствовала этому.

Однако защищая независимость и отказываясь повиноваться требованиям русского правительства и Священного Синода, народ, и Правительство, и сам митрополит Петр I все время подчеркивали свою приверженность и верность русскому двору и готовность черногорцев и брдчан бороться против врагов России. Одновременно они несколько раз обращались с просьбой, чтобы кто-нибудь из русских прибыл в Черногорию, дабы во всем разобраться и сообщить истину о реальном положении вещей.

Такая позиция черногорских властей, несмотря на открытое сопротивление мерам, предпринятым царским эмиссаром, позволяло русскому правительству искать другие способы политического воздействия. Теперь среди них основное место должно было занимать не устранение черногорского митрополита с его престола, а попытка иными средствами осуществить цели русской внешней политики в Черногории. Решение было найдено в открытии русского консульства по соседству с Черногорией, в австрийском Которе. Кроме обычных консульских занятий, в круг его деятельности было включено и немало дел, касавшихся Черногории. При этом, между задачами миссии Ивелича и теми, что следовало выполнять посредством консульства, не было больших различий. Изменились методы достижения целей и отношение к черногорскому владыке Петру I.

Официально консульство в Которе было одним из консульских органов России на территории Австрии. Однако, уже указом о назначении консулом Алексея Осиповича Мазуревского его полномочия были

расширены, и, кроме обычных консульских дел на территории Австрии, они включали и обязательства по отношению к Черногории. От Мазуревского требовалось, чтобы он правдиво и подробно извещал министерство обо всем, что происходит в Черногории и Герцеговине. А кроме того, он подключался и к выполнению задач миссии Ивелича. О том, насколько его обязанности переплетались с задачами Ивелича, свидетельствует, что Мазуревский, до получения официального статуса консула, был назначен его секретарем. А то, что именно эти обязанности были важнее его официальной деятельности, подтверждается тем, что согласно инструкциям он должен был сопровождать Ивелича и в случае, если тот по служебным делам был бы вынужден поменять место своего пребывания.

Расширение сферы компетенции русского консула было подтверждено решением общечерногорского сбора, принятым в день вручения императорской грамоты. Ее вручение было изначально задачей графа Ивелича, которую он не выполнил. На сборе, состоявшемся 7 / 19 августа 1804 г., как Петр I позже писал императору, было решено, что он и «народ черногорский и брдский» передадут консулу все дела с австрийским правительством и откажутся «иметь с тем правительством какие бы то ни было явные и тайные сношения или переписку, кроме тех, которые будут вестись через указанного консула». О решениях сбора было составлено воззвание, а его содержание доведено до сведения австрийских властей.

Существование русского консульства в Которе превзошло былой уровень русско-черногорских политических отношений. С другой стороны, специфичность задач, ему доверенных, в значительной мере выводила его из категории собственно консульских органов. По сравнению с известными в истории формами консульской деятельности, оно имело особый статус уже потому, что выполняло функцию представительства и защиты интересов народа, который официально все еще оставался в рамках Османской империи и не обладал всеми видами государственной самоорганизации.

Если бы Черногория во время функционирования консульства была независимым государством, то такой вид представительства ее интересов в международном плане не носил бы ничего нового. В практике международного сообщества, как современной, так и прошлой, известны случаи, когда консульские и дипломатические органы одной страны представляют интересы другой на территории какой-либо третьей, на которой другая не имеет своих дипломатических и консульских представительств. Поскольку по некоторым видам своей деятельности консульство в Которе можно рассматривать как модель подобного рода, то, следуя в обратной последовательности, его открытие можно квалифи-

цировать и как своеобразное признание особенного государственного статуса Черногории, хотя и с недостаточно развитыми элементами государственности.

Объективно, деятельность русского консульства не была результатом осознания необходимости развития отношений Черногории, как формирующегося государства, с соседями. Такую практику в ее реальность внесла Россия, в соответствии с интересами своей политики. Но, несмотря на это, и на известные причины основания консульства, оно, находясь в Которе, способствовало обогащению связей черногорцев и брдчан, как с местными австрийскими властями, так и с населением Боки Которской, что имело немалое значение для последующих событий, которые привели к временному объединению Черногории с Бокой.

Кроме деятельности, выходящей за рамки консульской территории (в Австрии), на консула в Которе были возложены обязанности, которые, если речь идет о Черногории, приближались в отдельных аспектах к делам дипломатического характера. К такой сфере деятельности относятся дела, которые международно признанные государства вменяют своим постоянным дипломатическим представителям. Функциями такого типа считаются политическое посредничество в контактах с органами власти других государств, ведение внешней политики, решение спорных вопросов в отношениях с соседями (в данном случае — с Австрией и Турцией), урегулирование права граждан на выезд и т. д. Все эти обязанности черногорское Правительство и владыка фактически доверили русскому консулу, о чем официально оповестили Александра I письмом от 16/28 августа 1804 г. Это означает, что его полномочия были действительно широки, вторгаясь и в политическую сферу.

По этим причинам роль русского консульства в Которе была важной не только для международного подтверждения черногорской государственности, но потому еще, что своей деятельностью оно внесло немалый вклад в развитие государственного сознания в Черногории. Этот вид русского влияния на самые широкие слои общества, в смысле их знакомства с ролью и задачами органов власти, как по отношению к своему народу, так и к соседним странам, и геополитическому пространству в целом, проявлялся и во время миссии Ивелича и выразился в сопротивлении попытке ограничить «суверенные права» Черногории. Позднее, однако, он приобрел иной характер. Переход обычных и будничных дел из сферы внешней политики Черногории в круг обязанностей консула позволил широким слоям народа осознать уровень полномочий, права и обязанности формирующихся органов, но привел и к принятию стандартов, которых должны были придерживаться все, кто зависел от деятельности консульства. Таким путем укрепился и авто-

ритет Правительства как института центральной надплеменной власти и владыки как главы государства, которые в своих контактах с консульством рассматривались как органы, отвечающие за действия черногорцев, совершенные на территории другого государства. Государственное влияние проявлялось и в других областях — судебной, уголовно-правовой, имущественно-правовой. Одним словом, деятельность консульства способствовала утверждению в общественной жизни страны правовых категорий, свойственных сформировавшимся государствам, что было немаловажно для развития государственно-правовой мысли черногорцев и брдчан в начале XIX в.

Таким образом, несмотря на конкретные причины открытия, русское консульство в Которе явило собой редкий феномен, отразивший специфический период в развитии черного-русских отношений. Одновременно оно представляло и уникальный орган в дипломатической истории Черногории, как по своему характеру, так и по способам и методам работы. Своим существованием на территории Австрии в период с октября 1804 до начала 1806 г. оно послужило первым опытом дипломатическо-консульского представительства Черногории в отношениях с соседними государствами. Поэтому его можно определить и как одну из первых институциональных форм международного представительства Черногории в период становления ее государственности.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	14
Глава I. ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОВЛИЯВШИЕ НА СОЗДАНИЕ РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА В КОТОРЕ	20
1. Французская буржуазная революция и ситуация в Европе в конце XVIII — начале XIX в.	20
2. Политика России в Восточном вопросе в начале XIX в.	31
3. Обстановка в Черногории в начале XIX в. и ее деятельность по укреплению независимости	41
4. Начало кризиса российско-черногорских отношений	53
Глава II. МИССИЯ М. К. ИВЕЛИЧА В ЧЕРНОГОРИИ	65
1. Цели и задачи миссии Ивелича	65
2. Деятельность Ивелича по прибытии в Котор	78
3. Препятствия в осуществлении миссии Ивелича в Черногории	92
Глава III. ОСНОВАНИЕ РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА В КОТОРЕ	107
1. Основание консульства и определение его полномочий	108
2. Деятельность русского консульства по передаче императорской грамоты общечерногорскому сбору и его решения	116
3. Полномочия, которые черногорцы и брдчане, согласно решению общечерногорского сбора, возложили на русского консула	120
4. Открытие русского консульства в Которе и начало его деятельности	124
5. Деятельность русского консульства	130
6. Значение русского консульства в Которе для черногоро- турецких отношений	144
Глава IV. РОЛЬ РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА В УСТРАНЕНИИ АББАТА ДОЛЬЧИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕРНОГОРИИ	154
1. Причины, по которым «случай Дольчи» вновь приобрел актуальность	154

2. Позиция черногорского митрополита по вопросу устранения аббата Дольчи из Черногории	157
3. Роль русского консульства в судебном разбирательстве дела аббата Дольчи	160
4. Отношение официальной России к вопросу об устранении аббата Дольчи из политической жизни Черногории	166
Глава V. ОТНОШЕНИЕ АВСТРИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ К ОТКРЫТИЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО КОНСУЛЬСТВА В КОТОРЕ	171
1. Отношение австрийских властей к деятельности консульства	171
2. Отношение Порты к деятельности консульства	177
Глава VI. ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСУЛЬСТВА ...	181
1. Международные обстоятельства, обусловившие прекращение деятельности русского консульства	181
2. Окончание миссии Ивелича	186
3. Закрытие русского консульства в Которе и возвращение А. О. Мазуревского в Петербург	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	200

Научное издание

Радослав Распопович

**РОССИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА:
русское консульство в Которе в 1804–1806 гг.**

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *О. Ю. Марусова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00

Подписано в печать 19.11.2008. Формат 60×88¹/₁₆.

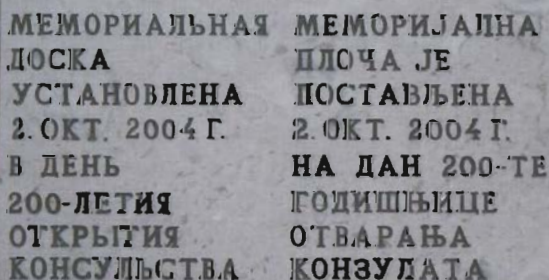
Усл. печ. л. 12,7. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № **28**

Отпечатано в типографии «Ренеме»,

192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел. (812) 766-05-66

петейя